Михаил Геллер

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Том III

М.Я. Геллер. "История Российской империи". В трех томах. М.: Издательство "МИК", 1997. — Том III. – 304с.

Это издание подготовлено и осуществлено при поддержке
Издательства Центрально-Европейского Университета (CEU PRESS), Института «Открытое общество»
и фонда «Goodbooks», Guernesey.

Это исследование охватывает огромный временной период — с первого летописного упоминания о славянских племенах до Октябрьской революции. Автор рассматривает, историю России под оригинальным углом зрения, прослеживая процесс многократного образования и распада Российской империи.
Книга написана живо, полемично, ясным, простым языком, и уже приобрела мировую известность: в 1996 г. она издана в Венгрии, в 1997 г. — во Франции (издательство "Плон").
ISBN 5-87902-073-8 © М.Я. Геллер, 1997
ISBN 5-87902-074-6 © Издательство "МИК", 1997
© Оформление Н.Е. Эляшберг

Том 3
СОДЕРЖАНИЕ

Глава 10. НИКОЛАЙ I: АБСОЛЮТНЫЙ МОНАРХ
- 14 декабря 1825
- Строительство системы
- Рождение идеологий
- Николаевские войны

Глава 11. ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЬ: ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ
- Наследство
- Революция сверху
- Всеобщее недовольство
- «Новые люди»
- Империя идет на восток

Глава 12. ПОСЛЕ РЕФОРМ
- Реакция
- На дороге в капитализм
- «Россия для русских»
- К «Сердечному согласию»

Глава 13. ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР
- По стопам отца
- Первая война
- Первая революция
- Думская монархия
- На перепутье
- Гибель дома Романовых

Заключение. ОТ ИМПЕРИИ К ИМПЕРИИ

Глава 10
НИКОЛАЙ I: АБСОЛЮТНЫЙ МОНАРХ

Деспотизм существует в России, это суть моего правления, но он соответствует национальному духу.

(Николай I в разговоре с де'Кюстином. 1839)

Традиционные для России XVIII в. хлопоты с замещением трона на этот раз были вызваны категорическим отказом наследника Константина принять корону. Он говорил об этом старшему брату неоднократно: цесаревич не хотел покидать Польшу, где чувствовал себя хорошо и где влюбился, намереваясь взять в жены графиню Иоанну Грудзинскую, что лишало его возможное потомство прав на русский престол. Константин боялся Петербурга, хорошо помня судьбу своего отца. 14 января 1822 г. Константин вручил Александру официальный отказ от престола. В 1823 г. Александр поручил московскому митрополиту Филарету составить манифест, в котором Николай объявлялся наследником. Манифест, после одобрения царем текста, был в глубокой тайне положен в хранилище московского Успенского собора, а копии отосланы в Государственный совет, Синод и Сенат с указанием хранить «до востребования моего», как собственноручно написал на конверте оригинала Александр. В случае смерти императора следовало вскрыть конверты «прежде всего другого действия». О завещании Александра знали только три человека: Филарет, князь Александр Голицин и граф Аракчеев.

Историки по-разному объясняют поведение Александра. Одни считают, что царь хотел сам отречься от престола и ждал этого момента, чтобы огласить свое завещание. Другие полагают, что обнародование манифеста означало бы признание Александром краха всех его надежд и планов. Наконец, есть предположение, что император не хотел преждевременно называть своим наследником полного сил, честолюбивого, жестокого младшего брата, опасаясь, что может начаться борьба за власть.

Внезапная смерть Александра I в Таганроге оставила власть в стране в руках Николая, ибо Константин, которого все считали наследником, был в Варшаве. Когда стало известно решение Александра, Николай на формальном основании берет в свои руки бразды правления. Но — опять же по традиции XVIII в. — в династическую игру вступает гвардия. Военный губернатор Петербурга граф Михаил Милорадович и группа высших гвардейских офицеров настаивали на том, что законным наследником является Константин. Милорадович заявил, что «законы империи не дозволяют располагать престолом по завещанию»[2]. Николай — под давлением — присягнул Константину, который присягнул Николаю и привел к присяге всю Польшу. Решительный отказ Константина принять трон не оставлял другого выхода: 13 декабря Николай принял решение объявить себя императором. Переговоры между братьями и высшими сановниками государства были в тайне.

Смерть Александра I и осложнения с наследником показались заговорщикам самым подходящим моментом для выступления.

14 декабря 1825

Не рассказывайте снов. К власти могут придти фрейдисты.
Станислав Ежи Лец

В истории каждой страны есть несколько дат, известных всем. В русской истории в числе этих дат 14 декабря 1825 г. В этот день заговорщики—члены Северного общества вывели на Сенатскую площадь несколько гвардейских частей, которые пошли за ними, убежденные, что идут защищать императора Константина, которому они уже успели присягнуть.

Выступление не было подготовлено. Дата восстания была продиктована известием о неожиданной смерти императора Александра и сведениями о том, что заговор раскрыт, все имена известны правительству. «Диктатор» восстания, избранный Северным обществом, гвардейский полковник князь Сергей Трубецкой на площадь не явился. Около пяти часов стояли выстроенные в каре на Сенатской площади солдаты, ожидая какого-нибудь решения со стороны командовавших ими офицеров-заговорщиков, которые тоже не знали, что делать. Было холодно, температура упала до минус 8. Стало смеркаться, когда Николай послал за артиллерией. Особенностью гвардейских заговоров XVIII в. было отсутствие сопротивления со стороны свергаемых государей: ни Анна Леопольдовна, ни Петр III, ни Павел I не защищались, захваченные врасплох, они теряли власть и, как правило, жизнь.

Николай I решил не сдаваться. Убежденный в своем праве на престол, он проявил в трудных условиях замешательства, вызванного двойной присягой, решительность, энергию. Не переставая делать попытки переговоров с мятежниками, он собирал силы. Иное поведение императора могло бы дать победу «декабристам», несмотря на их неподвижность.

После нескольких залпов картечи в неподвижное каре восставших солдаты разбежались, теряя убитых и раненых. Мятеж был подавлен. 29 декабря 1825 г. на юге восстал Черниговский полк. Командование принял на себя член Южного общества Сергей Муравьев-Апостол. 3 января 1826 г. черниговцы были разбиты. По всей стране начались аресты. Николай I, внимательно контролировавший следствие, считал, что в заговоре было замешано около 6 тыс. человек[3]. Из большого числа арестованных выбрали «главарей» — 121 человек. Их судили, пятеро были приговорены к смертной казни через повешение, остальные — осуждены на разные сроки каторжных работ в Сибири. Повешены были вожди южного союза — Павел Пестель, Михаил Бестужев-Рюмин, Сергей Муравьев-Апостол, руководитель Северного союза Кондратий Рылеев и Петр Каховский, смертельно ранивший на площади графа Милорадовича.

Казнь вождей восстания поразила русское общество, в значительной мере способствуя рождению легенды. Елизавета отменила смертную казнь в России. В то же время в стране продолжало действовать — никем не отмененное и ничем не замененное — Уложение царя Алексея, изданное в 1649 г. и предусматривавшее смертную казнь за 63 вида преступлений. Не был отменен и Устав Петра I: смерть за 112 видов преступлений. За 75 лет, предшествовавших 14 декабря 1825 г., были казнены по суду только Мирович и пугачевцы. Но тысячи людей были забиты насмерть кнутом, шпицрутенами, казнены без суда. В июле 1831 г. взбунтовались военные поселенцы в Старой Руссе. Сквозь строй были прогнаны 2500 человек, 150 — умерли от шпицрутенов. Никакого волнения в обществе это не вызвало.

Казнь декабристов потрясла общество, ибо это была казнь «своих»: блестящих гвардейских офицеров, представителей знатнейших дворянских родов, героев

наполеоновских войн. Заговорщики были молоды (средний возраст осужденных составлял 27,4 года) и образованны: часть арестованных давала показания по-французски.

Мученическая смерть пяти вождей движения, жестокие наказания других участников — каторга, поселение, крепость, отправка на Кавказ простыми солдатами под чеченские пули — превратили декабристов в святых русского революционного движения, в предтеч освободительного движения, в первых сознательных борцов с самодержавием.

После расправы с мятежниками их имена были запрещены в России, ни о самом движении, ни об их участниках ни говорить, ни писать было нельзя: цензура внимательно следила за соблюдением запрета. Первым, кто начал открыто говорить о декабристах, «фаланге героев», восставших за свободу, был Александр Герцен, живший за границей. Обложку «Полярной звезды», которую он начал выпускать в Лондоне в своей «Вольной русской типографии», украшали профили казненных декабристов. Важную роль в распространении легенды о декабристах играли польские эмигранты, бежавшие из Польши после разгрома восстания 1831 г. и нашедшие за рубежом сочувствовавших им русских — Александра Герцена, Михаила Бакунина, называвших себя последователями идей декабристов. Таким образом, для польских эмигрантов-демократов, декабристы стали примером русских демократов, братьев в борьбе «за нашу и вашу свободу». Польские демократы не перестанут искать в России единомышленников и союзников.

Создавая генеалогию своей революции, Ленин включил в нее декабристов. Схема получилась простой и ясной: «декабристы разбудили Герцена», Герцен разбудил народовольцев, а затем нужно было просыпаться Ленину.

Восстание кончилось неудачей. Неизвестно, что сделали бы заговорщики, захватив власть. Потомству остались только их сны, изложенные в набросках программ, в разговорах, зафиксированных мемуаристами, в подробных показаниях следственной комиссии.

Первое общество будущих декабристов было создано в 1816 г., носило длинное название «Общество истинных и верных сынов отечества», но было известно как «Союз спасения». Его виднейшие члены — гвардейские офицеры Никита Муравьев и Павел Пестель. Разногласия между организаторами привели к распаду Союза спасения, на развалинах которого образовался в январе 1818 г. Союз благоденствия. «Первоначальное намерение общества, — как говорил о целях Союза спасения Павел Пестель, — было освобождение крестьян». Затем, однако, проблема коренной социальной реформы уступает место политической проблеме. «Настоящая цель первого общества, — как отвечал следователям Пестель, — была введение монархического конституционного правления»[4]. В рамках Союза благоденствия цель сужается — в Уставе нет речи об освобождении крестьян, выражается «надежда на доброжелательство правительства». Умеренность взглядов Союза благоденствия привлекает в него молодых офицеров, но вызывает возражения ряда участников, возглавляемых Пестелем, который с начала 1820 г. ставит вопрос о превращении России в республику. В 1821 г. Союз благоденствия на съезде в Москве решает прекратить свое существование. На месте упраздненного союза возникают два общества — Южное, во главе с Павлом Пестелем, и Северное, во главе с Никитой Муравьевым и Николаем Тургеневым.

Все декабристы были согласны с необходимостью реформ в России. Все были согласны с тем, что «лестницу метут сверху», что необходимые реформы (или даже революция, по мнению некоторых) могут быть произведены только сверху — путем военного заговора. Незадолго до восстания Пестель решительно утверждал: «Массы — ничто, они будут тем, чего захотят личности, которые являются всем».

При полном сходстве взглядов относительно ответа на вопрос: как делать? шли острые споры относительно ответа на вопрос: что делать? Споры об изменениях, в которых нуждалась Россия, можно свести к трем основным взглядам. Идеологом Северного общества был Никита Муравьев (1796—1843), написавший проект конституции, одобренный

большинством «северян». Проект Никиты Муравьева предусматривал превращение России в конституционную монархию. Чрезвычайно высокий избирательный ценз (недвижимое имущество ценой в 30 тыс. рублей или капитал в 60 тыс. рублей) резко ограничивал число выборщиков в верхнюю палату парламента — Верховную Думу. Конституция провозглашала, что «крепостное состояние и рабство отменяются». Земля оставалась за помещиками, крестьяне получали небольшой (2 десятины) надел.

Вторую группу взглядов представлял Николай Тургенев (1789— 1871). Вскоре после образования Северного общества он эмигрировал и не принимал участия в восстании, но заочно был осужден на вечную каторгу — после смертной казни это было самым тяжким наказанием.

Очень влиятельный в декабристских кругах, Николай Тургенев в отличие от Никиты Муравьева считал главным первым делом освобождение крестьян. Следует, говорил он, начать с установления гражданской свободы, прежде чем мечтать о свободе политической. «Не позволительно мечтать о политической свободе там, — писал Николай Тургенев, — где миллионы несчастных не знают даже простой человеческой свободы».

Ставя во главу угла освобождение крестьян, Николай Тургенев резко возражал против проектов Никиты Муравьева, расширявших права дворянства. Поскольку абсолютизм монарха виделся ему фактором, сдерживающим дворянско-землевладельческие вожделения, и поскольку рабство могло пасть, как выразился Пушкин, «по манию царя», он считал республиканские мечтания преждевременными.

Своеобразным синтезом взглядов Никиты Муравьева и Николая Тургенева можно считать программу Павла Пестеля (1793— 1826). Сын сибирского генерал-губернатора, который даже среди генерал-губернаторов считался взяточником, сделавший блестящую военную карьеру (в 1821 г. — полковник), выделявшийся среди современников умом, знаниями и сильным характером, Павел Пестель был виднейшим деятелем всех тайных обществ, начиная с Союза спасения. Его программа, изложенная в незавершенной «Русской правде», своде законов будущей российской республики, была наиболее разработанным и наиболее радикальным документом декабристского движения.

Павел Пестель предложил новый путь развития России. Первым заметил это Михаил Бакунин. После смерти Николая I и вступления на престол Александра II, начавшего программу реформ, Михаил Бакунин, живший в эмиграции, написал брошюру «Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель». Старый революционер, поверивший в возможность «революции сверху», в трансформацию страны «по манию царя», призывал Александра II созвать Земский всенародный собор и на нем решить все земские дела, получить благословение народа на необходимые реформы. Есть три возможных пути для народа (и для борцов за народ — революционеров): Романов, Пугачев или, если появится новый Пестель, то он. «Скажем правду, — писал в 1862 г. Михаил Бакунин, — мы охотнее всего пошли бы за Романовым, если бы Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского». Весь вопрос, однако, «хочет ли он быть русским земским царем Романовым, или Голштейн-Готорпским императором Петербургским?» В первом случае, он один, ибо «народ русский его еще признает», может совершить и окончить великую мирную революцию, не пролив ни одной капли русской или славянской крови». Но если царь изменит России, Россия будет повергнута в кровавые бедствия. Михаил Бакунин спрашивает: какую форму примет тогда движение, кто станет во главе его? «Самозванец-царь, Пугачев или новый Пестель-диктатор? Если Пугачев, то дай Бог, чтобы в нем нашелся политический гений Пестеля, потому что без него он утопит Россию и, пожалуй, всю будущность России в крови. Если Пестель, то пусть будет он человеком народным, как Пугачев, иначе его не потерпит народ»[5].

Революционная радикальность планов Пестеля привлекала Бакунина. «Политический гений» руководителя Южного общества проявлялся, по мнению автора «Народного дела», как в таланте заговорщика, так и в программе «спасения России». Декабрист Иван

Горбачевский напишет в мемуарах: Пестель был отличный заговорщик. И добавит: «Пестель был ученик графа Палена, ни более ни менее»[6]. В 1818 г. молодой гвардейский офицер Павел Пестель встретился с генералом Петром Паленом, руководителем дворцового переворота 11 марта 1801 г., окончившегося убийством Павла I и возведением на престол Александра I. 72-летний Пален, удаленный в отставку и живший в своем имении под Ми-тавой, часто беседовал с Пестелем и однажды дал ему совет: «Молодой человек! Если вы хотите что-нибудь сделать путем тайного общества, то это глупость. Потому что, если вас двенадцать, то двенадцатый неизменно будет предателем! У меня есть опыт, и я знаю свет и людей»[7].

«Политический гений» Павла Пестеля проявился, конечно, не в организации тайного общества, хотя Южное общество было организовано лучше Северного. Возможно, если бы полковник Пестель находился 14 декабря 1825 г. в Петербурге, заговорщикам удалось бы захватить власть. Без графа Палена вряд ли удался бы заговор против Павла I. Павел Пестель оставил свое имя в истории России как автор «Русской правды» — проекта радикального переустройства страны. Николай Тургенев сравнил программу Пестеля с «гениальными утопиями» Фурье и Оуэна. Авторы «Истории русской утопии» находят влияние на Пестеля Мабли, Морелли, Бабефа[8].

Два вопроса, которые занимали русское общество весь XVIII в., Пестель решает ясно и четко: отвергая все формы ограничения монархии, он предлагает сделать Россию республикой; «рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми». Одновременно уничтожаются все сословия: «...само звание дворянства должно быть уничтожено; члены оного поступают в общий состав российского гражданства». Программа Пестеля, при ее чтении в конце XX в., привлекает внимание не только как исторический документ — свидетельство состояния умов в начале XIX в., но также актуальностью некоторых решений, дебатируемых русским обществом 170 лет после смерти руководителя Южного общества.

Настаивая на освобождении крестьян, Павел Пестель считал необходимым сохранить общинное землевладение, которое должно было существовать рядом с частной собственностью на землю. Нежелание отдать частным хозяевам всю землю связано у Пестеля с его резким осуждением «аристократии богатства», иначе говоря — капиталистических тенденций. «Аристократия богатства» кажется ему значительно вреднее для народа, чем феодальная аристократия.

Как и все другие утописты, автор «Русской правды» не верит в то, что народ, счастьем которого он так озабочен, сможет сам понять свою пользу. Поэтому Павел Пестель уделяет особое внимание созданию министерства полиции («приказ благочиния»), организации системы шпионажа («тайный розыск»), цензуре, предлагает учредить корпус жандармов («внутреннюю стражу») по тысяче человек на губернию, считая, что «пятидесяти тысяч жандармов будет для всего государства достаточно».

Много места в проекте занимают вопросы административного устройства государства. Основной административной единицей предполагалось сделать волость. Население страны делилось между волостями, которые становились самоуправляемыми. Волостное общество предоставляло в пользование всем гражданам, приписанным к волости, земельные участки.

Идея всеобщего равенства лежала в основе решения Пестелем проблемы управления империей. Он категорически отверг федералистические идеи, от которых до конца своей жизни не мог отделаться Александр I. Павел Пестель видел Россию централизованной, единой и неделимой. «Русская правда» предлагала присоединить к империи всю Молдавию, Кавказ, Среднюю Азию, Дальний Восток и часть Монголии. Непокорных кавказских горцев, которые оказывали сопротивление русским войскам, Пестель считал необходимым переселить в центральную Россию. Православие объявлялось государственной религией, русский язык — единственным языком империи.

Евреям «Русская правда» предлагала на выбор: ассимиляцию или выезд из России на Ближний Восток, где они смогут основать собственное государство.

Вышеперечисленные постулаты Пестеля демонстрируют отношение главы Южного общества к имперской проблеме: российская республика представлялась ему единым централизованным государством с единым народом, составленным из всех народов империи. Фактически Александр I превратил Россию в федеративное государство, предоставив широкие права Польше и Финляндии. Павел Пестель категорически отвергает принцип федерализма. Он последовательно проводит эту мысль, предлагая окончательное свое решение «польского вопроса».

Южное общество, серьезно готовившееся к перевороту, начало переговоры с польскими революционерами. Для Пестеля, который участвовал в одной из конспиративных встреч, было важно получить поддержку поляков, от которых ожидали организации одновременно с Россией восстания и убийства великого князя Константина в Варшаве. Представители польских революционных обществ требовали признания права Польши на независимость. В 1825 г. с Южным обществом слилась небольшая радикальная группа заговорщиков — Общество соединенных славян, членами которого были как русские, так и поляки. Их программа мечтала о создании федерации славянских республик: ее территорию омывали четыре моря — Черное, Белое, Адриатическое, Ледовитый океан.

Идеи, которые вскоре приобретут название «славянофильство», не увлекали Павла Пестеля. Он соглашался на независимость Польши, но ограничил это согласие множеством условий.

Прежде всего, было отвергнуто право поляков безоговорочно отделиться от России: революционное временное правительство, после установления республики, признавало независимость Польши и передавало ей те провинции (губернии), которые соглашались войти в польское государство. До этого времени польская территория продолжает оставаться российской собственностью. При определении границ будущего польского государства решающий голос имеет Россия. Польша и Россия подписывают соглашение о сотрудничестве, главным условием которого является включение польского войска в русскую армию в случае войны. Правительственная система, административное устройство и основные принципы социального строя соответствуют принципам «Русской правды». Пестель хотел предотвратить влияние польской «аристократии» на общество и опасался привязанности поляков к монархии.

Северное общество отвергло предложения Пестеля по «польскому вопросу». Никита Муравьев считал, что нельзя возвращать завоеванных Россией земель, не следует вступать в переговоры с народами, населяющими государство, а тем более невозможно согласиться с уступками по отношению к иностранному государству, которое в будущем возможно проявит враждебность по отношению к России.

«Северяне» отказались принять и все другие пункты программы Пестеля. Предлогом было пугавшее многих «декабристов» честолюбие полковника. Для этого были основания. Властный характер Пестеля отмечают все, знавшие его. К тому же он предвидел длительную диктатуру, необходимую для строительства российской республики. В ответ на замечание одного из декабристов относительно диктатуры, которая продлится несколько месяцев, Пестель резко возразил: «Как, вы считаете возможным изменить всю эту государственную машину, дать ей другое основание, приучить людей к новым порядкам в течение нескольких месяцев? Для этого потребуется, по крайней мере, лет десять!»[9]. Вероятность иметь автора «Русской правды» в качестве диктатора не менее чем на десять лет, пугала членов Северного общества. Но больше всего — и в этом главная причина отказа принять «Русскую правду» «северянами». — пугал экстремизм программы Пестеля. Крайний характер его взглядов проявился во время допросов вождя Южного общества.

Декабристы откровенно рассказывали следователям, в числе которых был император, о своих взглядах. По обеим сторонам следственного стола сидели «свои» — дворяне, офицеры, часто хорошие знакомые, иногда родственники. Но одно дело рассказывать о своих взглядах, другое — называть сообщников. Заговорщики по-разному отвечали на вопрос о других участниках. Павел Пестель назвал всех. Евгений Якушкин, сын декабриста, хорошо знавший вернувшихся из ссылки товарищей отца, помогавший писать им воспоминания, высказал свое мнение о Пестеле: «Ни у кого из членов тайного общества не было столь определенных и твердых убеждений и веры в будущее. На средства он был неразборчив... Когда Северное общество стало действовать нерешительно, то он объявил, что ежели их дело откроется, то он не даст никому спастись, что чем больше будет жертв — тем больше пользы, и он сдержал свое слово. В следственной комиссии он указал прямо на всех участвовавших в обществе, и ежели повесили только пять человек, а не 500, то в этом нисколько не виноват Пестель: со своей стороны он сделал для этого все, что мог»[10].

Историк русской общественной мысли писал в 1911 г.: «В проекте Пестеля мы имеем первые зачатки социализма, который со второй половины XIX столетия стал господствующим мировоззрением среди русской интеллигенции». После казни Пестеля прошло три четверти века, до революции, осуществившей некоторые его идеи, оставалось шесть лет.

Декабристов судил Верховный уголовный суд, в котором участвовал Сперанский. Он составил тщательно разработанную классификацию родов и видов политических преступлений, и сам распределил по разрядам всех, привлеченных по делу о восстании. Это определяло степень наказания. Историки упрекают знаменитого юриста в том, что причины, по которым заговорщики были определены в тот или иной разряд, часто нелогичны. Но Николай I был доволен и писал брату Константину в Варшаву, что дал «пример судебного процесса, построенного почти на представительных началах, благодаря чему перед лицом всего мира было доказано, насколько наше дело просто, ясно, священно». Константин, испорченный жизнью в Варшаве, полагал, что суд в Петербурге незаконен, ибо был тайным, а у обвиняемых не было защиты.

Основанием для приговора были три преступления, совершенные осужденными: покушение на цареубийство, бунт, воинский мятеж. Пятеро главных преступников были приговорены к четвертованию, которое в России в XIX в. не применялось. Император решил заменить четвертование повешением.

Сохранилось свидетельство, что трое повешенных сорвались с виселицы, ибо оборвалась веревка. Сергей Муравьев будто бы сказал: «Боже мой, и повесить-то порядочно в России не умеют».

Запасных веревок не было, а время раннее, пришлось ждать, пока откроют лавки. 25 участников восстания были осуждены на вечную каторгу, еще 62 — на разные сроки каторжных работ, 29 — сосланы или понижены в чине.

Подверглись репрессиям и рядовые участники восстания — солдаты и офицеры. К ним применили два вида наказания. Первый — шпицрутены. Осужденный, привязанный к ружью, повернутому к нему штыком, медленно проходил сквозь строй солдат, вооруженных длинными, гибкими прутьями. Каждый из солдат делал шаг вперед и наносил удар по обнаженной груди или спине. Ввел шпицрутены в России Петр I в 1701 г., позаимствовав у культурных немцев. Количество ударов колебалось от 10 до 12 тыс. (12 тыс. ударов, как правило, убивало осужденного). К этому наказанию было осуждено 6 солдат, всего шпицрутенами было наказано 188 человек. Вторым наказанием для солдат и офицеров восставших полков был перевод на Кавказ, где шла война с горцами. На Кавказ было отправлено 27400 человек[11].

Английский историк осторожно замечает, что, хотя декабристы были наказаны сурово и с ними обращались жестоко, приговор нельзя считать диспропорциональным

преступлению. Их судили за самые тяжелые преступления, какие имеются в любом уголовном кодексе. Они не отрицали своей виновности. В 1820 г. — приводит пример английский историк — Артур Тистлвуд организовал заговор, имевший целью убийство всех министров. Заговорщики не успели ничего сделать, они только планировали. Но суд приговорил пятерых главарей к повешению, а остальных участников сослал в Австралию. Английское общественное мнение возмущалось не действиями властей, а преступными намерениями заговорщиков[12].

Русское общество не простило Николаю I расправы с декабристами: их героический ореол рос по мере того, как некоторые идеи из их идеологического багажа стали приобретать широкую популярность в России.

Репрессии советской эпохи продемонстрировали относительный характер порога жестокости, ужаса массового террора. Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛаг» сравнивает царскую каторгу с «истребительно-трудовыми» советскими лагерями: «На Акатуйской лютой каторге рабочие уроки были легкими, выполнимыми для всех...»[13]. Варлам Шаламов в «Колымских рассказах» говорит, что норма советского заключенного была в 15 раз больше нормы каторжника-декабриста. Акатуйская каторга, где осужденные добывали серебро, свинец, цинк, была страшным местом. Но все познается в сравнении. Предельно суровое для своего времени наказание кажется чуть ли не легким для современников строительства социализма.

Впечатление, произведенное судом над декабристами, было тем сильнее, что мятежников знали в лицо, во всяком случае, знали их имена. Круг, из которого они вышли, был очень узок. Восстание декабристов, скажет через 30 лет Михаил Бакунин, было «главным образом движение образованной и привилегированной части России»[14]. Василий Ключевский скажет еще более ясно: «Событие 14 декабря имело великое значение в истории русского дворянства: это было последнее военно-дворянское движение». Историк констатирует: «14 декабря кончилась политическая роль дворянства»[15].

Последующие события подтвердили точность наблюдения Ключевского, увидевшего причину слабости движения в отсутствии реальных программ и внутреннем расколе заговорщиков. «Их отцы были русские, которых воспитание сделало французами; дети по воспитанию были также французы, но такие, которым страстно хотелось сделаться русскими»[16].

Строительство системы

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Александр Пушкин

Все написано о дружбе Пушкина с декабристами, дружбе со многими из них, сочувствии идеям. И это — несомненно. Как несомненно и то, что в год расправы с друзьями поэт заявляет, что смотрит в будущее «без боязни», напоминает о том, что и Петр I начал царствовать, казнив мятежников. В 1931 г., в страшный год крестьянского голода, организованного советским правительством, Борис Пастернак откликнулся на стихотворение

Пушкина: «Столетье с лишним — не вчера, / А сила прежняя в соблазне / В надежде славы и добра / Глядеть на вещи без боязни»[17].

Борис Пастернак очень точно назвал желание «глядеть на веши без боязни» — соблазном. Каждое русское царствование начинается надеждой, каждое заканчивается горьким разочарованием. Пушкин пишет свои стихи в 1826 г., но печатает в 1828 г. Ибо все еще верит. В 1836 г. Владимир Печерин, профессор Московского университета, ученый и поэт, посланный за границу, не возвращается на родину. «Я бежал из России, как бегут из зачумленного города», — напишет он потом, объясняя свой поступок[18]. Пушкин ставит в пример Николаю Петра I. Маркиз де Кюстин, посетивший Россию в 1839 г., категоричен: «Да, Петр Великий не умер... Николай — единственный властелин, которого имела Россия после смерти основателя ее столицы»[19].

Споры о характере Петра I, его деятельности, его месте в истории России велись при жизни первого императора и продолжаются до сих пор. Деятельность Николая I, как и его характер, практически споров не вызывали: оценка современников и историков была отрицательной. Безжалостно осуждало личность императора и все, что он делал, рождавшееся движение революционных врагов самодержавия, возглавляемое Александром Герценом. Но один из умнейших русских администраторов — министр П.А. Валуев подытожил в сентябре 1855 г. итоги тридцатилетнего царствования: «Сверху блеск, внизу гниль»[20]. В это же самое время Федор Тютчев, поэт и политический писатель, убежденный монархист, выносит суровый приговор Николаю I: «Не Богу ты служил и не России, / Служил лишь суете своей, / И все дела твои, и добрые и злые — / Все было ложь в тебе, все призраки пустые: / Ты был не царь, а лицедей».

Враждебность врагов монархии — понятна: 30 лет Николай I воевал с революцией в Европе. Враждебность разочарованных монархистов обнаруживается перед смертью императора. Валуев и Тютчев судят Николая в 1855 г., когда Крымская война внезапно обнаружила — в столкновении с Западом — поразительную отсталость России. Вину за позорную неудачу в войне возлагали на императора вернейшие из его поклонников. Историк Михаил Погодин в письме царю просит выслушать «горькую правду», отвратив ухо от «безбожной лести». Михаил Погодин просит императора: «Освободи от излишних стеснений печать, в которой не позволяется употреблять даже выражение «общего блага»... Вели раскрыть настежь ворота во всех университетах, гимназиях и училищах...». Историк объясняет, что это необходимо в самых практических целях: «Дай средства нам научиться лить такие же пушки, штуцера и пули, какими бьют теперь враги наших милых детей... Мы отстали во всех познаниях: военные, физические, механические, химические, финансовые, распорядительные меры те ли у нас теперь, что у них?»[21].

Шок, вызванный поражением, был тем сильнее, что могущество России, ее главенствующее положение в Европе казались аксиомой. Была и вторая причина недовольства Николаем приверженников монархии. Историк Александр Пресняков назвал книгу о Николае I — «Апогей самодержавия», и это очень точно определяет место императора в истории России. Самодержавная система настоятельно нуждается в самодержце. Накануне революции 1917 г. монархист В. Шульгин предрек гибель династии, назвав Россию «самодержавием без самодержца». Николай I был идеальным самодержцем, моделью русского царя: властным, сильным, уверенным в себе и в своей миссии управления Россией. Он считал себя образцовым хозяином страны и подданных. И все видели его таким. А. Ф. Тютчева, придворная дама, внимательно наблюдавшая жизнь при Александре I и Николае I, писала о последнем: «Никто лучше, как он, не был создан для роли самодержца. Он обладал для того и наружностью, и необходимыми нравственными качествами... Никогда этот человек не испытал тени сомнения в своей власти или в данности ее... Его самодержавие милостью Божией было для него догматом и предметом поклонения, и он с глубоким убеждением и верою совмещал в своем лице роль кумира и великого жреца этой религии...»[22].

Неудача царствования, вдруг открывшаяся современникам Крымской войны, разрушала веру в абсолютного монарха. Единственным утешением было всеобщее желание свалить всю вину на императора. Федор Тютчев уже не в стихах, а в прозе писал в письме жене: «Чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злополучного человека». Поэт, до глубины души обиженный в своих монархических надеждах, был несправедлив. Николай I не был «чудовищно тупым» человеком. Значительно хуже образованный, чем Александр I, воспитанный грубым графом Ламздорфом, нередко бившим великого князя, будущий император обладал быстрым природным умом, его увлекали математика, потом артиллерия, служа в инженерных частях, он говорил о себе: «Мы инженеры». Он был отличным знатоком всех тайн шагистики и деталей службы. Отлично играл на барабане.

Репутация Николая I, «Николая Палкина», настолько плоха — у либеральных историков XIX в., в особенности у советских историков, — что она начинает казаться преувеличительно отрицательной. Делаются попытки полностью «реабилитировать» Николая I, представить его первым борцом с революцией, которая в 1917 г. разрушила Россию. Американский историк Марк Раев, знаток эпохи, желая не реабилитировать монарха, а, следуя за другими, осудить его, отмечает парадоксы царствования. В числе которых — цензурный гнет и преследования писателей, но одновременно невиданный расцвет русской культуры и литературы. Подлинный ее «золотой век». Никогда в будущем Россия не будет иметь на таком коротком временном пространстве такого количества литературных гениев. И одновременно: царь рецензирует Пушкина, ссылает на Кавказ и на смерть Лермонтова, отправляет в ссылку Герцена, ставит на эшафот, милуя в последний момент, Достоевского. Первая современная политическая полиция, название которой — III отделение, навсегда войдет в русский язык как синоним «недреманного ока» властей, все видящих, все знающих, за все наказывающих. Лазоревые мундиры корпуса жандармов — вооруженные руки III отделения. «И вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ», — напишет Михаил Лермонтов, уезжая на Кавказский фронт. Сокращение числа студентов в университетах, закрытие философских факультетов. Перечень примеров «реакционной деятельности» Николая I легко продолжить. Великие русские писатели, современники в своих мемуарах позаботились передать потомству страшный облик царя-деспота и жившего под его властью — в постоянном страхе — государства. Факты, события, свидетельства современников дают все основания для изображения жизни в России в николаевское время в самых черных красках. «Но при такой отрицательной оценке царствования, — размышляет Марк Раев, — остается необъяснимым и неожиданным не только сам факт Великих реформ (начиная с освобождения крестьян) непосредственно после кончины Николая I, но их тщательная подготовка и успешное проведение в жизнь и последующее бурное развитие страны в 60—70-х гг.». Марк Раев приходит к выводу, что что-то крылось и развивалось в недрах николаевской эпохи, «либо незамеченное современниками, либо умалчиваемое ими и, после них, традиционной историографией»[23].

Современные историки — не только зарубежные, но и русские, получившие возможность свободно изучать прошлое, — стремятся обнаружить процессы, нередко подспудные, которые готовили реформы Александра II. Николай I умер в феврале 1855 г., а ровно шесть лет спустя его сын Александр II подписал Манифест об освобождении крестьян, решив вопрос, который более века был главной проблемой России. Молниеносная реформа Александра II родилась в годы царствования его отца.

Надежды, выраженные в стихах Пушкина, разделялись многими. Разочарование деятельностью (или бездеятельностью) Александра I в последнее десятилетие царствования рождало мечты о молодом царе, который избавит страну от Аракчеева и проведет необходимые реформы. Известно, что Николай I приказал приготовить для него свод показаний декабристов и держал книгу на столе, знакомясь с критикой и положительными программами осужденных мятежников.

Убежденный в своем праве самодержавно управлять Россией и в необходимости абсолютной власти, император Николай видел главную цель преобразований в создании системы, в которой единоличная власть решает все проблемы. Пушкин в назидание Николаю напомнил предка Петра I. В таком сопоставлении был смысл: Николай продолжил деятельность Петра по созданию регулируемого государства. Но он не хотел резких изменений — реформ, он желал лишь улучшить функционирование системы, усовершенствовать ее детали. А для этого создать армию исполнителей своей воли, армию чиновников, бюрократию — рычаг самодержавной власти. В основание деятельности Николая I, как формулирует Ключевский, был положен «пересмотр, а не реформа, вместо законодательства — кодификация»[24].

Царствование Николая I начинается мятежом 14 декабря — страхом перед восставшими полками, ожидавшими только приказа, чтобы двинуться к Зимнему дворцу. После спокойного пятилетия приходит 1830 г., приносящий восстание в Польше, а затем войну с ней и революцию во Франции, потрясшую основы Священного союза. «Весна народов» 1848 г. была новым землетрясением, которое царь переживал в Петербурге, убежденный, что опасность грозит не только Европе, но и России. Инженер по профессии, он объяснял саксонскому посланнику: «Земля под моими ногами, как и под вашими, минирована».

Опасности не пугали императора, тем более что он знал: только он может защитить Европу от революции. Князь Александр Меншиков вспоминал: «С Венгерской кампании покойный государь был пьян (точнее, опьянен. — *М.Г.*), никаких резонов не принимал, был убежден в своем всемогуществе»[25]. Революционные взрывы извне, разделившие царствование Николая на три части (1825—1830; 1831—1848; 1849—1855), во многом определяли внутреннюю политику России. Главным условием спокойствия в империи было, по убеждению Николая, личное управление всеми делами.

Следуя принципу — не реформировать, но поправлять, Николай оставил практически без изменения правительственные учреждения. В Государственный совет был добавлен новый департамент — департамент Царства Польского. В состав Сената введены два новых — Варшавских — департамента. К существовавшим десяти министерствам было добавлено одиннадцатое — для управления государственным имуществом, казенными землями и крестьянами. Для прямого, личного управления делами император создал Собственную Канцелярию, состоящую из четырех отделений: I — готовило бумаги для Николая и следило за исполнением высочайших распоряжений; II — занималось подготовкой законодательства; III — ведало делами безопасности государства; IV — заведовало благотворительными учреждениями.

Наибольшую известность приобрело, став символом николаевского царствования, — III отделение Собственной Канцелярии Его Императорского Величества с приданным ей корпусом жандармов.

В январе 1826 г., когда еще шло следствие по делу декабристов, Николай получил «собственноручную записку генерал-адъютанта Бенкендорфа об учреждении высшей полиции под начальством особого министра и инспектора корпуса жандармов». Император отказался от восстановления министерства полиции, даже с прилагательным «высшая», ибо ему не нравился «французский» привкус слова, напоминающего о наполеоновских войнах. Приняв основные идеи Бенкендорфа, он внес важнейший личный вклад: полиция (под другим названием) становилась частью его собственной канцелярии, и тем самым его собственным аппаратом обеспечения безопасности государства. В отличие от I и II отделений имперской канцелярии — III отделение располагало широкими исполнительными функциями. Указ о создании III отделения, подписанный Николаем I 3 июля 1826 г., перечислял «сферы интереса» нового аппарата власти: все полицейские дела; информация о различных сектах и диссидентских движениях; информация о всех лицах, находящихся под полицейским наблюдением; расследование всех дел, связанных с подделкой денег и

документов; все вопросы, касающиеся иностранцев, проживающих на территории России, и т.д. После перечисления «сфер интересов» параграф Указа резюмировал: «Информация и донесения о всех событиях без исключения».

Начальником III отделения и шефом жандармов был назначен генерал-адъютант Александр Бенкендорф (1783—1844). Боевой генерал, герой Отечественной войны, короткое время член масонской ложи «Соединенных друзей», в которой были также Пестель, Чаадаев и Грибоедов, — Бенкендорф 14 декабря продемонстрировал Николаю свою несгибаемую верность. Барон Корф вспоминает в своих «Записках», что шеф жандармов «имел самое поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал и даже никакой грамоты не знал порядочно». Чудовищный французский язык, на котором Бенкендорф писал рапорты царю, простителен лишь потому, что он русского языка не знал вообще. Безграмотность первого начальника III отделения, который позволял себе давать советы Пушкину, была одной из причин неприязненного отношения к Бенкендорфу современников и историков. Исчерпывающий портрет человека, который более десяти лет был вторым человеком в государстве, нарисовал Александр Герцен: «Наружность шефа жандармов не имела в себе ничего дурного; вид его был довольно общий остзейским дворянам и вообще немецкой аристократии. Лицо его было измято, устало, он имел обманчиво добрый взгляд, который часто принадлежит людям уклончивым и апатичным. Может, Бенкендорф и не сделал всего зла, которое мог сделать, будучи начальником этой страшной полиции, стоящей вне закона и над законом, имевшей право вмешиваться во все, я готов этому верить, особенно вспоминая прекрасное выражение его лица...».

Не сделать всего зла, которое можно сделать, обладая неограниченной властью, — бесспорная добродетель. Она представляется особенно ценной при сравнении с деятельностью шефов «органов безопасности» в XX в., раздвинувших границы сделанного зла до бесконечности. По мысли Николая I, новое учреждение было «полицией покровительственной». Бенкендорф рассказал своему адъютанту, что, когда он спросил императора, что же ему делать на посту шефа жандармов, Николай дал ему носовой платок со словами: «Утирай слезы несчастных и отвращай злоупотребления власти, и тогда ты все исполнишь[26]. Некоторые историки считают рассказ о платке легендой, другие верят в ее подлинность, поскольку она хорошо выражает характер императора.

Важнейшей особенностью III отделения была продуманность организации системы наблюдения за жизнью страны. Россия знала значительно более жестокие тайные службы. При Николае она получила систему наблюдения. Вся страна была разбита на жандармские дистрикты, возглавляемые генералом. Каждый дистрикт — на секции под командованием полковников. Первоначально страна была разделена на пять дистриктов, включавших 26 секций. Их штаб-квартиры находились в крупных городах. По непонятным причинам было забыто Царство Польское — не включенное в 1827 г. в систему наблюдения, не вошло ни в один дистрикт. Когда в 1830 г. Польша восстала, специалисты полицейского дела считали причиной этого отсутствие надлежащего жандармского надзора. В 1836—1837 гг. система была улучшена. Число дистриктов доведено до семи. В сеть была включена, само собой разумеется, Польша (это, правда, не помешало полякам снова восстать через три десятилетия), 6-й дистрикт был организован для наблюдения за новыми территориями, завоеванными на Кавказе, а 7-й — заботился о Западной Сибири, вплоть до Иркутска и далее к океану.

Численность «обсервационного корпуса», как выражались современники, была очень невелика, учитывая размеры территории (под наблюдением находились также и русские за границей) и желание императора знать все о всех. В 1836 г. корпус жандармов насчитывал 4324 человека (офицеры и рядовые)[27]. О численности III отделения упоминает в декабре 1861 г. историк П. Ефремов в письме знакомому: «В четверг в Знаменской гостинице собралось на обед все третье отделение. Не знаю, что праздновали, но кричали «ура» и выпили кроме других питий 35 бутылок шампанского на 32 человека»[28].

О размерах деятельности политической полиции Николая свидетельствует объем канцелярской работы. До 1838 г. ежегодно III отделение обрабатывало 10—12 тыс. приходящих бумаг и до 4 тыс. исходящих, получая до 200 императорских инструкций. В 1839—1861 гг. императору докладывалось ежегодно от 300 до 600 дел, число его инструкций колебалось между 250—450.

Государственная деятельность не исчерпывалась, конечно, усердным трудом III отделения и корпуса жандармов. Но именно эта деятельность давала в первую очередь ощущение самодержавной власти, поскольку создавала иллюзию полного контроля за всем происходящим в стране. Слежка за политическими неблагонадежными на территории империи и вне ее составляли лишь часть деятельности «обсервационного корпуса». Пристальное внимание уделялось контролю государственного аппарата. В 1847 г. число чиновников составляло 61548 человек. Из них половина состояла на службе в двух министерствах: внутренних дел и юстиции — 32395 человек. В 1857 г. насчитывалось 90139 чиновников[29].

Рост бюрократического аппарата — за полвека он возрос в 4 раза — вел к резкому увеличению казнокрадства и взяточничества. Возникал заколдованный круг: чем больше было чиновников, в обязанность которых входила, в частности, борьба со злоупотреблениями, тем больше «злоупотребляли». Исследование причин взяточничества и казнокрадства, присущих каждой бюрократической системе, дает во всех странах примерно те же результаты. Главная причина — возможность получить взятку. По мысли просителя, взятка смазывает движение колесиков чиновничьей машины. Главными обстоятельствами, питавшими рост взяточничества в России, были: нищенское положение канцелярских служащих и мелких чиновников[30]; злоупотребления властью, которые в государстве, где царствовал самодержец, представлялись чем-то натуральным; необыкновенная сложность законодательства.

Император хотел все знать и все контролировать. Армия была идеальной моделью строго контролируемого и поэтому послушного и точно работающего механизма. Мундир чиновников гражданских министерств включал их в систему, обязывал подчиняться, но в то же время наделял частицей власти (в зависимости от чина), делая их представителями самодержавного государя. Духовная жизнь регулировалась и контролировалась цензурой и III отделением. Поведение регулировалось правилами, определявшими внешний вид. Николай уделял много внимания цвету, покрою мундиров, презирая всех «фрачников». Он строго следил за тем, чтобы соблюдалось обязательное правило: военные должны носить усы, гражданские не имели на них права. Константин Аксаков (1817—1860), один из первых «славянофилов», долгие годы добивался разрешения носить бороду, но так его и не получил. Бороду носили крестьяне, а Аксаков принадлежал к старинному дворянскому роду.

Важнейшим инструментом контроля была «бумага» — канцелярский документ. Шел неудержимый процесс строительства бюрократического аппарата: необходимость (требование сверху) «бумаг» вело к увеличению числа чиновников, что в свою очередь, вело к увеличению количества «бумаг». Василий Ключевский приводит случай, характерный для конца 20-х — начала 30-х годов: 15 секретарей расследовали в Московском департаменте Сената дело, только его экстракт составлял 15000 листов. Для перевозки всех бумаг в Петербург понадобилось несколько десятков подвод. По дороге между столицами дело — вместе с подводами — пропало, как в воду кануло. И найти его не удалось.

Строительство бюрократического аппарата, фундамента регулируемого государства, началось при Петре I. При Николае I аппарат уже работал в полную силу, но направление его деятельности часто было таково, что она не оказывала никакого влияния на реальную действительность. Вместе с тем, Василий Ключевский, рассказывая историю с исчезнувшим делом, добавляет, что теперь (не более сорока лет спустя) это кажется «сказочным»[31]. Историк имеет в виду, что менее чем за полвека бюрократический аппарат российской

империи стал работать иначе, т.е. стал, если так можно выразиться, нормальной бюрократической машиной.

Даже самые радикальные критики царствования Николая I признают значение кодификационной деятельности, осуществленной по указанию императора. С этой целью было создано II отделение собственной императорской канцелярии. В январе 1826 г. Михаил Сперанский (член Государственного совета с 1821 г.) подал Николаю I записку с предложением навести порядок в российском законодательстве. Сперанский предложил составить «Полное собрание законов» (включающее важнейшие памятники русского права), затем «Свод законов» (собрание действующего законодательства), а потом «Уложение», в котором все законодательство перерабатывалось в соответствии с уровнем общественно-политического состояния страны. Николай I отверг предложение о составлении «Уложения», опасаясь, как он объяснял, что это приведет к потрясениям существующего порядка, но согласился с двумя первыми пунктами программы Сперанского.

К началу 1830 г. было издано 45 томов «Полного собрания законов», содержавшего более 30 тыс. различных указов, актов и постановлений, начиная с Уложения 1649 г. В 1832 г. был закончен Свод законов, содержавший, как объяснял Михаил Сперанский, то, что в законах «оставалось неизменным и ныне сохраняет свою силу и действие»[32].

На протяжении 30 лет царствования, пишет биограф Николая I, «в центре его внимания был крестьянский вопрос[33]. Он создал девять Секретных комитетов, которые пытались решить вопрос: как освободить крестьян от крепостного права? Историки упрекают Николая за то, что он не освободил крестьян. Они признают, что он видел необходимость изменения отношений между помещиками и крестьянами, но не знал, как это сделать. Не дали ответа и комитеты. В конце XX в., после развала Советского Союза и краха коммунистической системы, стала особенно очевидной трудность освобождения крестьян. И после исчезновения советского строя крестьянский вопрос остается нерешенным в последнем десятилетии XX в. Те же вопросы, которые стояли перед Николаем, стоят перед русскими законодателями — наследниками советской системы: освобождать с землей или без, брать выкуп за землю или нет, если брать, то какого размера?

Решение крестьянского вопроса было поручено V отделению Собственной канцелярии Его Императорского величества. Во главе этого отделения император поставил генерала Павла Киселева, одного из умнейших государственных деятелей эпохи, единственного из окружения Николая, желавшего освободить крестьян с землей. Николай I объявил Павлу Киселеву, что «признает необходимейшим преобразование крепостного права, которое в настоящем его положении оставаться не может», и провозгласил: «Ты будешь мой начальник штаба по крестьянской части»[34]. Единственное условие, которое ставил император: помещичья земельная собственность должна была остаться неприкосновенной.

Ограниченный в реформаторской деятельности, ненавидимый своими сановными коллегами как «красный», даже как «Пугачев», Павел Киселев приступил к разработке нового положения, касавшегося «казенных» крестьян, т.е. крестьян, являющихся собственностью государства и лично свободных. Предполагалось постепенно подготовить слияние государственных и частновладельческих (крепостных) крестьян, что привело бы к ликвидации права помещиков распоряжаться личностью крестьянина. Улучшение системы управления хозяйственной деятельностью казенных крестьян должно было привести к созданию образца для частных владельцев (помещиков).

Число казенных крестьян — около 20 млн. человек — равнялось примерно числу крепостных (25 млн.). Это был значительный процент населения России, насчитывавшей по переписи 1835 г. 60 млн. жителей. Реформа Киселева лишь незначительно улучшила положение казенных крестьян, что было условием дальнейшего «слияния» государственных и крепостных земледельцев. Она реорганизовала систему управления. В декабре 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ, возглавляемое Павлом Киселевым.

Возникла могучая бюрократическая машина: наверху — министерство, в губерниях — палаты государственных имуществ. Каждая губерния делилась на несколько округов во главе с окружными начальниками. Округ состоял из нескольких волостей, которые управлялись на выборной основе. Волости делились на сельские общества, выбиравшие сельских старшин, старост, сборщиков подати и т.п.

В результате создания большого и дорогостоящего бюрократического аппарата чиновник стал играть ту же роль, что помещик в крепостной деревне. Причем роль помещика — неизменно падает. Служба в самоуправляющихся дворянских собраниях становится государственной службой. Дворяне получают мундир — министерства внутренних дел. Значительно важнее: падает их экономическое значение. По ревизии (переписи) 1835 г., всех дворян, владельцев крепостных душ в Европейской России (без Царства Польского, Финляндии и земли войска Донского), числилось около 127 тыс. Большинство их составляли помещики, которые имели до 21 души, т. е. владельцы средних имений. Ревизия 1858 г. констатировала, что число помещиков сократилось до 103880 человек. Сокращение числа землевладельцев отражало, в частности, процесс сокращения численности крепостных крестьян. В 1835 г. крепостные составляли 44,5% населения, а в 1858 г. — только 37%, в то время как население за эти годы возросло. «Крепостное право, — резюмирует Ключевский, — не только ухудшало экономическое положение крестьян, но и повело к приостановке естественного их размножения»[35].

Складывается новая ситуация. Традиционный уклад русской жизни — государство—дворянство—крестьянство — начинает колебаться в своих основах. Выпадение дворянства, терявшего свою политическую и экономическую роль, оставляло лицом к лицу государство и крестьянство. Государство представлял бюрократический аппарат, не перестававший расти. В 1855 г. число чиновников составляло 82353 человека[36]. Причем это были только чиновники, имевшие табельные ранги, а еще существовала дополнительно армия низших канцелярских работников. По переписи 1855 г., число чиновников немногим уступало числу помещиков.

Великая русская литература XIX в. сделала все, чтобы представить чиновника в самом неприглядном виде. Ли'бб это нищее, несчастное, жалкое существо, как герой повести Гоголя «Шинель». Либо это бесстыдный взяточник, презирающий нижестоящих и пресмыкающийся перед вышестоящими — этот тип серной кислотой выписан Салтыковым-Щедриным. Литература не придумала этот образ. Современники воспринимали его таким. Владимир Печерин, когда он восклицает: «Я бежал из России, как бегут из зачумленного города», — объясняет свой поступок: «А я предчувствовал, предвидел, я был уверен, что если б я остался в России, то с моим слабым и мягким характером я бы непременно сделался подлейшим верноподданнейшим чиновником или попал бы в Сибирь ни за что ни про что. Я бежал не оглядываясь для того, чтобы сохранить в себе человеческое достоинство»[37].

Владимир Печерин был профессором Московского университета и тем не менее, а может быть и поэтому, видел перед собой только два жизненных пути: верноподданный чиновник или Сибирь. Человек необыкновенно увлекающийся, один из первых русских эмигрантов, бежавших на Запад, чтобы включиться в революционное движение, Печерин попеременно поклонялся коммунизму Бабефа, прочитав «Заговор равных» Филиппа Буонарот-ти, религии Сен-Симона, системе Фурье; откровением нового Евангелия стала для него брошюра Ламенне «Слово верующего» и, наконец, он принял католичество и вступил в орден монахов Редемптористов, откуда тоже убежал — через 20 лет. Объясняя русский характер, Герцен говорил, что если русский человек переходит из православия в католичество, то он становится монахом-иезуитом. Александр Герцен имел в виду Печерина, подчеркивая крайности, свойственные русскому характеру.

Представление о чиновниках, как существах, недостойных уважения, становится убеждением рождающейся русской интеллигенции. Чем больше растет корпус чиновников, тем хуже к ним относятся представители просвещенного общества. В лучшем случае их

жалеют как жертв самодержавной системы, но не любят как инструмент самодержавия. Герой «Шинели» Гоголя Акакий Акакиевич, над горькой судьбой которого продолжают плакать читатели, был чиновником, который не смог (или не захотел) получить образование, позволившее бы ему сдать экзамен и получить следующий, обер-офицерский чин, что изменило бы образ его жизни. Литературная критика (вопреки Гоголю) превратила героя «Шинели» в жертву социальных условий, сделала его, чиновника, синонимом жалкой, ничтожной личности.

Отрицательное отношение к чиновничеству вообще, а к высшему в особенности, определялось и тем, что оно (чиновничество) воспринималось как чуждое, ибо — немецкое. Немцы занимали доминирующее положение в государственном аппарате России. В 1844 г. статский советник Филипп фон Ви-гель, именовавший себя по-русски Филипп Филиппович Вигель, опубликовал по-французски брошюру «Россия, оккупированная немцами». Вигель, человек язвительного, саркастического ума, сумел написать свою книгу так, что она могла восприниматься и как осуждение чрезмерного немецкого влияния, и как похвала роли немцев в развитии России[38]. Но если возможна была различная интерпретация фактов, сами факты не оставляли сомнения. По подсчетам американского историка Уолтера Лакера, около 57% руководящих чиновников министерства иностранных дел России, 46% — военного министерства, 62% — министерства почты и путей сообщений составляли выходцы из Германии, немцы, родившиеся в России или в балтийских провинциях. Русский историк Петр Зайончковский, исследовавший правительственный аппарат, подсчитал, что на 1 января 1853г. в Государственном совете было 74,5% русских. 16,3 % немцев, 9,2% поляков.[39] В комитете министров важнейшие посты занимали немцы. III отделение называли «немецким комитетом». Министерство финансов находилось в руках немцев. Они составляли менее 1% населения страны.

Николай I, ощущавший себя полным хозяином империи, имел достаточно оснований привлекать в бюрократический аппарат, управлявший Россией, немцев. Во-первых, имели значение родственные связи: прусская принцесса, ставшая российской императрицей, охотно окружала себя родственниками. Во-вторых, что было гораздо важнее, Николай, помнивший о том, что родовитое русское дворянство пыталось в декабре 1825 г. не допустить его к трону, доверял немцам больше, чем русским. Известно его заявление: русские служат России, а немцы — мне. Было, наконец, еще одно обстоятельство: немецкие чиновники обладали качествами, которых иногда не хватало их русским коллегам. В числе бесспорных достижений царствования Николая была финансовая реформа, осуществленная министром финансов Егором Канкриным (1774-1845), сыном немецкого специалиста по горному делу, приглашенного в Россию Павлом I.

Несмотря на все основания использовать немцев в управленческом аппарате, Николай I сознавал, что есть в этом нечто не совсем нормальное. В 1849 г. был арестован Юрий Самарин, служивший в Риге при генерал-губернаторе князе Суворове. Самарин, будущий известный славянофил и государственный деятель, в письмах друзьям критиковал особое положение «остзейских немцев». По указанию Николая он был заключен в крепость, а затем — через 20 дней — вызван для разговора к государю. Профессор Московского университета, цензор Александр Никитенко записал в своем дневнике то, что говорили о событии в Петербурге. «Знаешь ли ты, что могла произвести пятая глава твоего сочинения? (Николай имел в виду одно из писем, распространявшихся тетрадкой. — *М.Г.*). Новое четырнадцатое декабря!

Самарин сделал движение ужаса.

— Молчи! Я знаю, что у тебя не было этого намерения. Но ты пустил в народ опасную идею, толкуя, что русские цари со времен Петра Великого действовали только по внушению и под влиянием немцев. Если эта мысль пройдет в народ, она произведет ужасные бедствия»[40].

Рождение идеологий

Стабильность — была главной целью Николая I. Строжайший контроль за жизнью государства и его жителей представлялся императору необходимым средством обеспечения спокойствия в стране. Армия — модель государственного порядка. Россию разделили на губернии: половина губернаторов были генералами, вторая половина — чиновниками, ранее служившими в министерстве внутренних дел. Кроме того, в середине XIX в. насчитывалось 10 генерал-губернаторов, которые, естественно, были генералами. Они «укрепляли» власть губернаторов в окраинных губерниях и в двух столицах. Сеть жандармских дистриктов и секций обеспечивала дополнительный надзор. Строжайшая государственная опека, придирчивая цензура, внимание императора ко всем проявлениям духовной жизни были рамками, в которых шло оживленное умственное течение. Эпоха Николая I была временем рождения идеологических концепций, постановки вопросов, которые остаются актуальными в конце XX в.

В числе причин, способствовавших бурному развитию умственного движения в николаевскую эпоху, особенно важную роль играло положение России в европейском концерте держав после наполеоновских войн. Николая I называли «жандармом Европы», и для этого были основания — русская армия была, как все были убеждены, сильнейшей на континенте. Когда в 1835 г. Алексис де Токвиль закончил первый том «О демократии в Америке» пророческим предсказанием о том, что век спустя в мире будут господствовать две супер-державы — Россия и Америка, современники были удивлены будущим Америки, тогда как доминирующее положение России в мире представлялось очевидным.

Могущество Российской империи рождает вопрос о причинах силы, но также о назначении, о миссии. Вопрос задают как сторонники самодержавной монархии, так и противники. Объяснений требовал все более очевидный для просвещенного общества парадокс: могучая военная держава — Россия была, как стали выражаться в XX в., экономическим карликом. Крымская война продемонстрировала техническую отсталость оплота русского могущества — армии (она была вооружена кремневыми ружьями). Одной из причин поражения считали плачевное состояние путей сообщения. При Николае I было построено 963 версты железных дорог. В стране, за исключением Финляндии, Царства Польского и Кавказа, имелось всего 5625 верст шоссейных дорог.

На экономический вызов Западной Европы Россия дает идеологический ответ, провозгласив экономическую слабость высшим проявлением духовной мощи. Вызов Запада воспринимается как идеологический спор, который, как подчеркивали участники спора, начался очень давно, уходя корнями в противопоставление православия католицизму, России — Западу, русских — немцам, т.е. чужим.

Выработка идеологического ответа — процесс рождения идеологий — заняла два десятилетия. Толчок был дан польским восстанием, вспыхнувшим в ноябре 1830 г. В 1848 г., когда революции, прокатившиеся по Европе, взорвали систему, построенную после победы над Наполеоном, в России были составлены все основные идеологические формулы, продолжающие питать русскую политическую и общественную мысль и в конце XX в.

Сравнительно быстрое построение полного спектра умственных концепций, отвечавших на «проклятые вопросы» о миссии России, ее прошлом и будущем, объясняется тем, что они имели глубокие корни в российской истории, опирались на убеждения, сложившиеся очень давно. В апреле 1848 г., после февральской революции во Франции, Федор Тютчев подает Николаю I записку о положении в Европе. Она начиналась

констатацией главного: «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть может, завтра они вступят в борьбу»[41]. С этим анализом был вполне согласен и Маркс, видевший в России основного врага революции. Но в том же 1848 г. Михаил Бакунин (1814—1876), находившийся на Западе, активно участвовавший в революционных движениях «весны народов», ездил, по его собственным словам, на русскую границу, прикидывая, как перебросить революцию на родину.

Россия и революция были ипостасью противопоставления — Россия и Запад. Все идеологии ставят в центр этот «проклятый вопрос»: борьба или сотрудничество, источник зла или источник мудрости, кому принадлежит будущее, что важнее — дух, представляемый Россией, или тело (материя), воплощаемые Западом?

О сложности вопросов и еще большей сложности ответов может свидетельствовать хотя бы тот факт, что Тютчев писал свою записку, — предвещавшую крах Запада, Европы Карла Великого и Европы трактатов 1815 г., Римского папства, католицизма и протестантства, — на французском языке, и впервые напечатана она была в Париже в 1849 г.

Много лет спустя Александр Герцен (1812—1870) вспоминал: «Вдруг, как бомба, разорвавшаяся возле, оглушила нас весть о варшавском восстании... Мы радовались каждому поражению Дибича (командовавшего русскими войсками. — *М.Г.*), не верили неуспехам поляков, и я тотчас прибавил в свой иконостас портрет Фаддея Костюшки»[42]. Чувства Герцена отражали настроения меньшинства русского общества. Настроения большинства наиболее ярко, исчерпывающе, выразил Александр Пушкин. Он пишет одно за другим три стихотворения, откликающиеся на восстание. В первом — «Перед гробницею святой» — поэт, встревоженный временными неудачами русского оружия, обращается к гробу Михаила Кутузова, спасшего Россию от Наполеона, с призывом: «Встань и спасай царя и нас». Во втором — самом знаменитом из цикла — было обращение к «Клеветникам России» — западным врагам. В третьем — «Бородинская годовщина» — праздновалась победа: Варшава была взята 26 августа 1831 г. — в годовщину Бородинской битвы.

Александр Пушкин отвергает право Запада вмешиваться в давний «спор славян между собою», напоминая, что Европа обязана своим спасением от Наполеона России и, следовательно, проявила постыдную неблагодарность, критикуя подавление польского восстания. Поэт обводит границей пределы России — «от Перми до Тавриды, от финских хладных скал до пламенной Колхиды, от... Кремля до... Китая»[43]. Это границы империи — польский мятеж был посягательством на ее целостность.

Александр II вспоминал, что, «когда Пушкин написал эту оду («Клеветникам России»), он прежде всего прочел ее нам»[44], т.е. Николаю I и его семье. Великий поэт не писал своих стихов по заказу императора, он писал то, что действительно думал. 9 декабря 1830 г., едва известие о восстании в Варшаве дошло до него, Пушкин делится мыслями с Елизаветой Хитрово, дочерью Кутузова: «Начинающаяся война будет войной до истребления — или по крайней мере должна быть таковой»[45]. 1 июня 1831 г. в письме князю Петру Вяземскому, поэту, близкому другу, Пушкин настаивает, говоря о поляках: «Но все-таки их надобно задушить, и наша медлительность мучительна»[46].

Петр Вяземский в записях для себя резко полемизировал с Пушкиным: «За что возрождающейся Европе любить нас?.. Мне также уже надоели эти географические фанфароды наши «От Перми до Тавриды» и проч. Что же хорошего, чему радоваться и чем хвастаться, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст...»[47]. Спорил с Пушкиным и Александр Тургенев, по мнению некоторых критиков — адресат стихотворения «К полонофилу», где, в частности, говорится: «При клике «Польска не згинела!» / — Ты руки потирал от наших неудач». Декабрист Александр Одоевский (1802—1839), осужденный на 12 лет каторги, видел из Сибири польское восстание в иных категориях. Он писал: «Вы слышите: на Висле брань кипит! / Там с Русью лях воюет за свободу...».

Взгляды Александра Пушкина были точкой зрения подавляющего большинства русского общества. Современный биограф Пушкина Юрий Лотман, рассказывая о реакции современников на стихотворение «Клеветникам России», подчеркивает: «к нему восторженно отнесся и Чаадаев, назвав в этой связи Пушкина «народным поэтом»[48]. Мнение Петра Чаадаева (1794—1856) имело важное значение для Пушкина. В 1816 г. юный поэт писал о блистательном Чаадаеве, проделавшем всю наполеоновскую кампанию: «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес. У нас он офицер гусарский». Выдающиеся способности молодого офицера, делавшего отличную карьеру, но вышедшего в 1821 г. в отставку, признавались всем московским обществом. Масон, близко связанный с будущими декабристами, Петр Чаадаев покинул Россию и отправился в путешествие на Запад, которое длилось несколько лет. Возвращение на родину после разгрома декабристского восстания, тяжелая атмосфера, царившая в России, побуждают его к размышлениям о судьбах человечества и России. Свои мысли Петр Чаадаев излагал в письмах Екатерине Пановой, московской знакомой. Они не предназначались для посторонних, но — как это часто бывало в то время — стали ходить по рукам, читаться в салонах. В 1836 г., в № 15 журнала «Телескоп» было опубликовано первое письмо, которое назвали «философическим». Реакция была мгновенной. «Прочитав статью, — высказал свое мнение государь, — нахожу, что содержание оной — смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного»[49]. Словцо было сказано и власти распорядились, чтобы к Чаадаеву ежедневно наведывался врач, узнавать о «болезни». Медицинские визиты вскоре прекратились, а год спустя надзор был снят при условии «ничего не печатать».

О преследованиях автора «Философического письма» много писали, оно изображалось синонимом реакционной николаевской эпохи. Вспоминали страдания Петра Чаадаева и в 60-е годы XX в.. когда советская власть стала в широких масштабах применять заключение в психиатрические больницы (и лечить от «вялотекущей» шизофрении) инакомыслящих. Сравнения трудны, ибо каждое время имеет свой порог репрессий и мучений. С XX веком конкурировать трудно.

Александр Герцен воспринял «Философическое письмо» так же эмоционально, как император: но то, что у Николая I вызвало негодование, у Герцена вызвало радость. «Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь», — писал находившийся в ссылке молодой Герцен. Он нашел в письме Чаадаева «безжалостный крик боли и упрека Петровской России», «мрачный обвинительный акт против России, протест личности, которая за все вынесенное хочет высказать часть накопившегося на сердце»[50]. Цитируя эти слова, исследователь «жизни и мышления» Чаадаева замечает. Герцен говорит о «выстреле в ночи», не справившись, «кто и в кого стреляет», он мгновенно решает, что «это союзник и что выстрел направлен против общего врага»[51].

Революционер Герцен увидел в Чаадаеве «своего», ибо он безжалостно критиковал прошлое России и был наказан государем. Но многие мысли Чаадаева были подхвачены и славянофилами, и западниками, отвергавшими революционные идеи. Он дал могучий толчок русскому умственному движению, потому что поставил важные вопросы и дал на них ответы, которые можно было интерпретировать по-разному.

Многозначность интерпретаций мыслей Петра Чаадаева была связана и с тем, что «Телескоп» с «Философическим письмом» был запрещен, изъят, редактор — литературный критик Николай Надеждин отправлен в ссылку в Усть-Сысольск. Даже те, кто прочитал письмо, не могли понять его до конца, ибо оно было лишь началом размышлений автора. К тому времени, когда было опубликовано первое письмо, Петр Чаадаев продолжал развивать свои взгляды. «Апология сумасшедшего» (1837) завершает цикл философских сочинений мыслителя, которого Бердяев назвал «одной из самых замечательных фигур русского XIX в.»

В русском переводе тексты Петра Чаадаева появились лишь в 1906 г., но по-французски были известны не только в русском обществе. Имеются серьезные предположения о возможной встрече де'Кюстина с Чаадаевым. Легко обнаружить сходство

между некоторыми наблюдениями де Кюстина и беспощадными суждениями Чаадаева. Такими, например, как: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок»[52].

В первом «Философическом письме» Петр Чаадаев зачеркивает прошлое России: «Увлекательный фазис в истории народов есть их юность, эпоха,.. память о которой составляет радость и поучение их зрелого возраста. *У* нас ничего этого нет. Сначала — дикое варварство, потом глубокое невежество, затем свирепое и унизительное туземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть, — такова печальная история нашей юности»[53]. Одной из главных причин неподвижности России Чаадаев считает раскол церквей, выбор «нравственного устава» в Византии.

Значение Петра Чаадаева в истории русского умственного движения заключается в том, что его взгляды содержат, как в зерне, все главные стороны «русской идеи», в самых ее противоречивых выражениях. Начав с отказа русскому народу в прошлом, философ приходит затем к пониманию того, что «тысячелетняя история народа не может быть сплошной ошибкой»[54]. Он приходит к выводу, что своеобразие русской судьбы — залог особого предназначения России. В «Апологии сумасшедшего» Петр Чаадаев подводит итоги эволюции своих взглядов. Они могут быть выражены в трех тезисах. Первый: у России нет прошлого. Здесь Чаадаев остается верным взгляду, выраженному в первом «Философском письме». Потом, однако, он делает из этого заключения иной вывод. Отсутствие истории становится преимуществом. Второй тезис: незасоренность русской психики, девственность русского духа позволяют молодому народу воспользоваться готовым плодом всех усилий европейских народов и очень быстро пойти вперед, опережая Запад. Более того, — третий тезис: будущее призвание России — указать остальным народам путь к разрешению высших вопросов бытия. В 1835 г. Петр Чаадаев писал Александру Тургеневу: «Мы призваны... обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого... Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу»[55].

Петр Чаадаев дает ответ на «проклятый» вопрос об отношениях между Россией и Западом. России грозят две опасности: если она пойдет по следам Запада; если она отвергнет западный опыт. Ее путь особый — жить по-своему, но пользоваться плодами опыта западных народов.

Опасности, о которых предупреждал Петр Чаадаев, были предметом оживленных дискуссий, шедших в узком кругу — прежде всего московской — дворянской молодежи. В результате этих дискуссий, поездок за границу, в германские университеты, возникает движение славянофилов. Иван Киреевский, Алексей Хомяков, Константин Аксаков, Владимир Одоевский и их друзья создают национальную идеологию.

Идея нации появляется в Европе в начале XIX в. Разрабатывается доктрина, исходящая из того, что человечество естественным образом делится на нации, которые обладают очевидными характерными чертами. Отсюда — единственной законной формой власти является национальное самоопределение. Авторами новой доктрины были, в первую очередь, немецкие философы. Фридрих Шлейермахер объяснял, что каждая нация предназначена своими особенностями и своим местом в мире представлять одну из сторон божественного образа. Иоганн Готфрид Гердер, переехавший из Кенигсберга в Ригу, поощрял изучение национальных языков, в первую очередь немецкого, которому, как он был убежден, угрожал французский язык. Иоган-Готлиб Фихте учил, что национальное самоопределение, в конечном счете, является проявлением воли, а национализм — это метод обучения правильному проявлению этой воли.

Германия, состоявшая из множества мелких княжеств и королевств, была благодатным полем для рождения идеологии, которая давала философское обоснование

легитимности желания создать единое государство. Наполеон, победы которого унижали немцев, дал национальной доктрине важный элемент — врага, которого следовало ненавидеть. Политика французского императора, поощрявшего национальные чувства народов — поляков, венгров, итальянцев, — когда это входило в его планы — способствовала успехам национальной доктрины в Европе. Выступления Фихте в 1806 г., после разгрома Пруссии при Иене, дали толчок освободительному движению.

Немцы, итальянцы, поляки, венгры искали в национальной доктрине оружие для самоопределения и создания национального государства. Россия была могучим государством. Обращение к национальной идеологии было связано с поисками объяснения парадокса: сильная Россия и слабая Россия; сильная в военном отношении, отстающая от Запада в культурном и техническом отношениях.

Иван Аксаков (1823—1886), младший брат главы русских славянофилов Константина, известный публицист, рассказал, как родилось славянофильство: «Влияние французских мыслителей и вообще философии XVIII в. сменяется более благотворным, хотя иногда очень поверхностным воздействием на русские умы германской науки и философии. Русская мысль трезвеет и крепнет в строгой школе приемов немецкого мышления и также пытается стать в сознательное философское отношение к русской народности». В результате славянофилы «с увлечением превозносят историческое и духовное призвание России, как представительницы православного Востока и славянского племени и предвещают ей великое мировое будущее»[56].

Фридрих Шеллинг становится, по выражению одного из его поклонников, Колумбом, открывшим русской дворянской молодежи новый континент — душу. Будущие славянофилы искали «цельное» мировоззрение, систему, которая позволяла бы получить ответ на все «проклятые» вопросы. Они нашли ее в романтической философии Шеллинга. Славянофилы говорят и пишут о смысле бытия, об отношениях между религией и философией, но, в конечном счете, все эти темы сводились к одной: Россия и ее место в истории и мире.

Славянофилы соглашаются с Чаадаевым, считая, как и он, что русский народ — уникален и, в связи с этим, наделен особой миссией. Корень разногласий между автором «Философического письма» и славянофилами лежал в различном характере двух патриотизмов. Чаадаев сознательно любил свое, поскольку оно было хорошим, «у славянофилов — любовь к своему безусловная и беспричинная»[57].

Создание национальной доктрины было главным содержанием творчества славянофилов. Это хорошо видно из книги Владимира Одоевского «Русские ночи». Историк пишет о ней: «Книга эта одинока в истории нашей литературы, ее просто не с чем сравнить»[58]. Это замечание относится к такому жанру, как цикл повестей, связанных философскими диалогами. Значительно важнее то, что «Русские ночи» — энциклопедия миросозерцания поколения 30-х годов, в ней запечатлена атмосфера времени рождения славянофильского движения. Владимир Одоевский (1803—1869), ведший свое происхождение от Рюрика, «первый аристократ России», как его называли, подчеркивая, что он родовитее Романовых, был одним из образованнейших людей своего, времени, писателем, ученым, философом.

Активный участник умственного движения, автор «Русских ночей» стремится найти синтез славянофильства и западничества, отвергая крайности и того, и другого направления.

Фауст — так назвал писатель главного выразителя славянофильства в книге — строит «теорию» на основе исторического опыта человечества. На протяжении десяти веков одни народы сменяли другие: после Египта пришла Греция, ей на смену явился Рим и т. д. «Где же ныне шестая часть света, определенная провидением на великий подвиг? Где ныне народ, хранящий в себе спасение мира?» Ответ для него очевиден: «В годину страха и смерти один русский меч рассек узел, связывавший трепетную Европу, — и блеск русского меча доныне грозно светится посреди мрачного хаоса старого мира... Европа назвала русского

избавителем! В этом имени таится другое, еще высшее звание, которого могущество должно проникнуть все сферы общественной жизни: не одно тело должны спасти мы — но и душу Европы!»[59].

Причины избранничества России — для героев «Русских ночей» — очевидны: «Мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы»[60]. Запад должен уступить свое место, ибо его литература, «один из термометров духовного состояния общества», показывает «неодолимую тоску, ... отсутствие всякого общего верования, надежду без упования, отрицание без всякого утверждения»[61].

Дряхлый духом. Запад использует старые, непригодные для нового мира политические, экономические и социальные структуры. В «Русских ночах» резко критикуется парламентская система: «Куда бежит эта толпа народа? Выбирать себе законодателей — кого-то выберут? Успокойтесь, это все знают — того, за кого больше заплачено». Не менее остро осуждается «мануфактурный мир», т. е. капиталистическая система. Фауст признает, что западная промышленность производит множество товаров, но все это ценой безжалостной эксплуатации («к счастью, — пишет В. Одоевский в примечании, это слово в сем смысле еще не существует в русском языке; его можно перевести: наживка на счет ближнего»), использования детского труда, роста преступлений. Заслуживает внимания тот факт, что Фауст, критикуя капитализм, ссылается на отчеты, подготовленные для парламента Великобритании, которые были использованы Фридрихом Энгельсом в его книге «Положение рабочего класса в Англии», вышедшей в 1845 г. — через год после «Русских ночей».

В конце 30-х годов начинается складываться умственное движение «западников». Их духовным Колумбом становится Гегель, приобретший в 40-е годы такую популярность, что его называли по-русски — Егором Федоровичем, переводя с немецкого имя философа — Георг Фридрих. В философско-литературном кружке Николая Станкевича (1813—1840) встречаются и славянофилы, и молодые «западники» — Виссарион Белинский (1811—1848), будущий знаменитый литературный критик; «отец» русской интеллигенции Михаил Бакунин (1814—1876). Вскоре «западничество», прежде всего под влиянием Александра Герцена, складывается в особое движение, принимающее постепенно все более революционный характер. На его почве вырастет русская интеллигенция, которая пойдет учиться во Францию — к Сен-Симону, Ламенне, Огюсту Конту, Прудону, чтобы найти потом идеально «целостную», всеобъемлющую и все объясняющую теорию Маркса.

Поверх всех споров, принимавших все более острый характер, лежало убеждение — общее для сторонников охранительного патриархального самодержавия, немногочисленных приверженцев либеральных взглядов, революционеров — в исключительности, особом характере, уникальной миссии России. «Россия должна спасти мир от революции», — верили одни. «Россия принесет миру революцию» — говорили другие.

Правоверный славянофил мог утверждать: «Русскому народу, как древнему Израилю, вверены словеса Божьи. Он носитель и хранитель истинного христианства. У него истинное богопознание, у него вера истинная, у него сама истина — истинное христианство, у него истинная свобода, истинная любовь, у него православие». Александр Герцен, западник, революционер, разбудивший следующее поколение, критикуя первое «Философическое письмо» Чаадаева, объяснял: все факты говорят за Чаадаева, а прав я, Герцен, потому что я «верю», а он «нет».

Поразительные стихи Федора Тютчева удивляли только иностранцев. Убеждение поэта: «Умом Россию не понять. Аршином общим не измерить: У ней особенная стать В Россию можно только верить», — казалось русским читателям вполне понятным после публикации стихотворения в 1866 г. и совершенно понятно читателям в конце 90-х годов XX в. Стихи Тютчева стали популярнейшим объяснением сложной ситуации в России на исходе второго тысячелетия.

Вера стояла на твердых основаниях: молодость народа, истинная вера, свойственный народу коллективизм, резко отделявший его от индивидуалистического Запада.

В 40-е годы был открыт важнейший новый объект веры, убедительнейший аргумент, доказывавший исключительность России. Этим объектом и этим аргументом была крестьянская община, которую называли — мир. Кажется, единственной реформой, проведенной после Февральской революции Временным правительством и сохранившейся до сегодняшнего дня, была реформа орфографии: из алфавита выкинули несколько букв, показавшихся излишними. В связи с этим слово «мир», имеющее на русском языке два значения, в обоих случаях стали писать одинаково. До реформы — мир, в смысле отсутствия войны, писался через «и», а в смысле — вселенная, земной шар, писался через і. Крестьянский мир — община — писался, как и обозначение вселенной, — через і. Община была для крестьян их миром, их планетой.

Существование крестьянской общины не было ни для кого тайной — ни для крестьян, живших в ней, ни для помещиков-дворян, живших за ее счет. Славянофилы открыли общину, как ячейку общественной жизни, в которой польза всех важнее интересов одного. Подлинное открытие общины состоялось после поездки по России немецкого ученого, специалиста-аграрника Августа Гакстгаузена. Он приехал через три года после визита Кюстина, но был встречен чрезвычайно благожелательно. Николай I вручил ему 1500 рублей «пособия» и еще 6 тыс. рублей на публикацию книги. Губернатор территории, которую отправился изучать Гакстгаузен, получил предписание: «Отстранять незаметным образом все то, что могло бы сему иностранцу подать повод к неправильным и неуместным заключениям, которые легко могут произойти от незнания им обычаев и народного быта нашего отечества»[62].

Изданная в 1847 г. за границей на немецком языке книга Гакстгаузена «Исследование внутренних отношений народной жизни, и в особенности сельских учреждений в России» стала научным подтверждением существования особой русской формы жизни. Община объединяла группу крестьян, как правило, живших в одном селе: земля, которую они обрабатывали, принадлежала общине, а не земледельцу. Земельные наделы регулярно переделялись, чтобы все могли получать и хорошие, и плохие участки. Соблюдение идеального равенства было главной целью общины. Выйти из нее было нельзя, даже согласившись платить свою часть подати. Круговая порука связывала всех членов общины, отвечавших за неуплату подати одним из них.

Славянофилы увидели в общине доказательство особого характера России, выражение ее коллективистского духа и блюстителя равенства. Западники, начиная с Александра Герцена, увидели в общине доказательство социалистического характера русского крестьянина. В 1875 г. Петр Ткачев (1844—1883), один из наиболее радикальных русских революционеров, которого Бердяев назвал предшественником Ленина, писал Энгельсу: «Наш народ... в огромном большинстве — проникнут принципами общинного владения; он, если так можно выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции»[63]. В 1880 г. Маркс и Энгельс, убежденные Ткачевым и другими русскими революционерами, пришли к выводу: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явится исходным пунктом коммунистического развития»[64].

Владимир Одоевский закончил «Русские ночи» пророческим утверждением: «Девятнадцатый век принадлежит России»[65]. В этом не было сомнений ни у славянофилов, ни у западников, ни у революционеров следующего поколения. Не было, конечно, в этом сомнения у представителей официальной идеологии, которая складывается в 30-е годы и находит свое сжатое, но очень емкое выражение в формуле министра народного просвещения Сергея Уварова: «православие, самодержавие, народность». Назначенный в 1833 г. министром народного просвещения, многие годы до этого работавший в системе просвещения, Сергей Уваров был человеком, сотканным из противоречий. Знаменитый

историк Сергей Соловьев писал, что Уваров «придумал эти начала, т.е. слова... православие — будучи безбожником, не веруя в Христа, даже и по-протестантски; самодержавие — будучи либералом; народность — не прочитав в свою жизнь ни одной русской книги, писавший постоянно по-французски или по-немецки»[66].

Возмущение Сергея Соловьева вызвано не содержанием «триады», а цинизмом ее автора. В десятилетний юбилей своей министерской деятельности Сергей Уваров представил императору записку, в которой, в частности, рассказывал о рождении формулы: «Надлежало укрепить отечество на твердых основаниях... Найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие... Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть... Самодержавие составляет главное условие политического существования России... Наряду с этими двумя национальными началами находится и третье, не менее сильное: народность»[67].

Два первых члена «триады» — православие и самодержавие — не нуждались в комментариях, третий член — народность — было понятием новым. Неясность его смысла позволяла всем, кто хотел им воспользоваться — все рождающиеся в это время доктрины пользуются новым термином и могут его интерпретировать, как хотят. Славянофилы обратились в поисках источника «народности» к Древней Руси, пробовали носить «национальное» русское платье, которое на улицах Москвы принимали за персидское. Как говорили злые языки, славянофилы, демонстрируя подлинно русский дух, разбавляли шампанское квасом. «Народность» в понимании Герцена выражалась в «незасоренности» психики русского крестьянина, живущего в общине. Это позволило автору «Былого и дум» сказать, что «русский человек — самый свободный человек в мире»[68]. Принятие всеми идеологиями понятия «народность», интерпретируемого по-своему, привело к созданию особого — исключительного — представления о русском обществе. Его видели состоящим из народа, т. е. крестьян, и всех остальных — публики, по выражению славянофилов. В народе хранилась истина, подлинный русский дух.

Особенностью николаевской эпохи было подозрительное отношение государя к славянофилам, исповедовавшим — выраженные практически в идентичных терминах — ценности официальной идеологии. Важной причиной подозрительности императора был страх перед неконтролируемым мышлением. Джузеппе Мадзини рассказывает в своих воспоминаниях, что, когда после ареста в 1830 г. отец отправился к губернатору Генуи узнавать, почему юноша арестован, губернатор ответил, что молодой человек — талантлив, но очень любит одиночные прогулки по ночам и ничего не рассказывает о своих размышлениях и что правительство не любит талантливых молодых людей, размышляющих на неизвестные властям темы. Подозрительность австрийских властей полностью разделялась русскими властями.

Александр Герцен писал об отношениях между славянофилами и западниками: «Да, мы были противниками, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинаковая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы за пророчество, чувство безграничной, обхватывающей все существование, любви к русскому быту, к русскому складу ума»[69]. Любовь к русскому быту, к русскому складу ума была обратной стороной отрицания Запада, западных ценностей. Профессор Московского университета Степан Шевырев, славянофил и горячий защитник «триады» Уварова, писал о Западе: «Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувств — и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет». Александр Герцен вторит: «Я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалею ничего из существующего»[70].

Наличие общих пунктов во всех рождавшихся идеологиях особенно очевидно в неожиданном «диалоге» между Николаем I и Михаилом Бакуниным. В мае 1851 г. швейцарские власти выдали России государственного преступника Михаила Бакунина,

активного участника революции 1848 г. в Германии. Швейцария не была обязана выдать революционера, искавшего на берегах Леманского озера политического убежища, но вес России в Европе был слишком велик. Бакунин был заключен в Петропавловскую крепость. К нему явился по поручению императора преемник Бенкендорфа на посту главы III отделения граф Алексей Орлов и предложил написать исповедь царю, «как духовный сын пишет к духовному отцу».

«Исповедь» Бакунина была впервые опубликована в Москве в 1921 г. и вызвала споры среди историков. Одни считали ее раскаянием автора, свидетельством его отказа от революционной деятельности, другие видели в документе, написанном в крепости, хитрость революционера, желавшего обмануть тюремщика. Николай читал «Исповедь» с большим интересом и на полях выражал свои чувства по поводу написанного. Одобрение императора вызывали все размышления Михаила Бакунина, «разоблачавшие» Запад. Бакунин пишет, что в Западной Европе, куда не повернись, видны дряхлость, слабость, безверие и разврат, никто не верит никому, даже самому себе... Николай на полях отвечает: «Разительная истина». Бакунин критикует Французский парламент. Николай подчеркивает фразу и комментирует: «Прекрасно». Бакунин констатирует возникновение коммунизма, который появляется одновременно сверху и снизу — как система, пропагандируемая немногими организованными тайными или явными организациями, и как неопределенная, невидимая, неуловимая, но присутствующая всюду сила. Николай реагирует: «Правда».

Михаил Бакунин успокаивает царя, объясняя, что видит коммунизм, как естественный, неизбежный результат экономического и политического развития Западной Европы. Он подчеркивает: только Западной Европы, ибо считает, что на Востоке и в славянских государствах (за исключением, может быть, Чехии, Моравии и Силезии) коммунизм не имеет ни оснований для возникновения, ни смысла. Узник дает тюремщику совет, разговаривая на равных, как один знаток политических вопросов с другим. «Я думаю, — писал Михаил Бакунин, — что в России более чем где будет необходима сильная диктаторская власть, которая бы исключительно занялась возвышением и просвещением народных масс, — власть свободная по направлению и духу, но без парламентских форм; с печатанием книг свободного содержания, но без свободы книгопечатания; окруженная единомыслящими, освещенная их советом, укрепленная их вольным содействием, но не ограниченная никем и ничем»[71]. Современный московский историк, биограф Бакунина, видит в предложенной Николаю «схеме власти просвещенного абсолютизма» тактический ход революционера, находящегося «во власти медведя»[72]. Это, конечно, не исключается. Примечательно, однако, то, что в «схеме власти», изложенной Бакуниным, нет ничего, чего бы не было в «Русской правде» Павла Пестеля. Александр Герцен, находясь в эмиграции, говорил, что в России никогда конституции не будет и средний умеренный либерализм в ней никогда не пустит корней. Это для России слишком мелко, утверждал Герцен, пророчествуя; «Россия никогда не будет juste milieu».

Прочтя «Исповедь» Бакунина, Николай передал ее наследнику, снабдив рекомендацией: «Стоит тебе прочесть: весьма любопытно и поучительно».

Император был прав. «Поучительность» текста, написанного Бакуниным, в том, что автор, революционер, противник самодержавия, выражал нередко мысли, с которыми соглашался царь. Николай I не сомневался во враждебности взглядов Бакунина, после трех лет заключения в Петропавловской крепости революционер просидел еще три года в Шлиссельбурге, затем был сослан в Сибирь, откуда только в 1861 г. он сумел бежать. Михаила Бакунина держал в заключении не только Николай I, но и его наследник — прочитавший «Исповедь» — Александр II. Поучительность «Исповеди» в том, что она содержит некоторые убеждения, характерные для всех русских идеологий, сложившихся в середине XIX в. Важнейшей из них был внешнеполитический аспект идеологий. Все они носили оборонительно-наступательный характер. Все они, принимая в качестве аксиомы

исключительность России, представляли собой системы, объяснявшие необходимость обороны, лучшей формой которой, как известно, является наступление.

Врагом был Запад в разных его проявлениях: католицизм, капитализм, парламентаризм, революция. Интеллектуальным толчком к возникновению русских идеологий были идеи национализма, приходившие из Германии. Физическим толчком было польское восстание 1830—1831 гг. Поляки были воплощением всех пороков: славяне, но католики, подданные русского царя, но имевшие парламент. Николай I объяснял де'Кюстину: «Я понимаю республику, это образ правления прямой и искренний или могущий, по крайней мере, быть таким; я понимаю абсолютную монархию, потому что я стою во главе подобного порядка вещей, но я не понимаю представительной монархии. Это — правление лжи, обмана и коррупции... Я был конституционным государем (в Польше. — *М.Г.),* и миру известно, чего мне стоило нежелание подчиняться требованиям этого подлого образа правления... Слава Богу, я покончил навсегда с этой ненавистной политической машиной»[73].

Николай беседовал с Кюстином в 1839 г. Тридцать пять лет спустя Иван Аксаков, после очередного польского восстания в 1863 г., пришел к выводу: «Вопрос о Польше сводится к вопросу: в какой степени способна она стать снова славянской и православной? Это для нее вопрос жизни и смерти»[74]. Польша не могла перестать быть славянской. Она никогда не была православной. Для Ивана Аксакова, видного славянофила, это не имело значения. Важно было то, что поляки не хотели быть русскими, верноподданными Российской империи.

31 мая 1846 г. на чрезвычайном собрании Петербургского университета было зачитано — к сведению профессоров — предписание министра графа (с 1846 г.) Уварова, составленное по воле императора. Указание министра объясняло, «как надо понимать нам нашу народность и что такое славянство по отношению к России». «Триада», основа официальной доктрины, объяснялась точно и сжато: «Народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию, а славянство западное не должно возбуждать в нас никакого сочувствия. Оно само по себе, а мы сами по себе. Мы сим самым торжественно от него отрекаемся»[75].

Инструкция графа Уварова нащупала «больное место» концепции «славянства», следовательно — «славянофильства». Объединение всех славян под рукой старшей сестры России подробно изложил Юрий Крижанич. Но Московское государство XVIII в. могло лишь мечтать о роли объединителя славянства. В XIX в. могучая Российская империя имела материальные возможности для освобождения славян и принятия их «на грудь русского орла». Пришедший из Германии национализм с использованием понятия «дейчтум», дало русским мыслителям идею создать концепцию «славянофильства».

Славянофильство воспринималось Николаем I как идея опасная, ибо она исходила из необходимости освобождать славян, значительная часть которых находилась во власти основных субъектов российской внешней политики: Оттоманской империи, Австрии, Пруссии. Не менее важным была необходимость, «освобождая» славян, разбивать рамки государств, подданными которых они были. Николай I отлично это понимал. На полях «Исповеди» Бакунина, в том месте, где он зовет царя возглавить славянское движение, Николай пишет: «Не сомневаюсь, т.е. я бы стал в голову революции славянским Мазаньелло[76], спасибо!»[77].

Для славянофилов, искавших теорию, «славянофильство» было состоянием духа, для Николая I — источником потенциальных внешнеполитических осложнений, революционной угрозы, неуклонно приближавшейся к его империи.

20 июля 1852 г. Николай I в беседе с саксонским посланником объяснил ему, что революция подкапывает землю во всех странах, не исключая России. «Земля минирована под

моими ногами, как и под вашими», — пугал император, как инженер, хорошо знавший опасность мин[78].

Николай I считал, что имеет полное основание для тревоги. Призрак революции ходит по Европе. И милые славянофилам славяне были среди горючего материала. Прежде всего была враждебная Польша. Кроме поляков, в составе Российской империи жили и другие — помимо русских — славяне. В 1837 г. униатская церковь, которую считали антиправославной, а следовательно, сочувствующей Польше, была передана в ведение Синода. В 1839 г. Синод окончательно объявил о воссоединении униатов с православными. Церковь, которая существовала уже около 140 лет и была принята частью украинского и белорусского населения — исчезла: православие вернуло в свое лоно заблудших славян.

В начале 1846 г. в Киеве было создано тайное украинское общество, назвавшее себя Братством Кирилла и Мефодия, по имени создателей славянской письменности, принесших славянам слово Христово. Братство Кирилла и Мефодия, созданное учителем Пантелеймоном Кулишом, профессором университета, историком Николаем Костомаровым, поэтом Тарасом Шевченко (1814—1861), было знаком зарождения современного национального чувства. Оно было сходно с национальной доктриной, рождавшейся в Москве и Петербурге. Принципиальная разница заключалась в том, что московские славянофилы воспринимали Российскую империю как заслуженный подарок Бога. Украинцы ощущали себя подданными империи. Не всегда самыми любимыми. К тому же они видели свою страну — Украину разорванной на три части между Россией, Австрией и Пруссией. Литература — как всегда — первой выражает национальные стремления и чувства. Иван Котляревский (1769—1838) пишет поэму «Энеида», которая была своеобразным переводом поэмы Виргилия: Эней странствует по Украине. Котляревский посвящает свою «Энеиду» «любителям малороссийского слова». Ему же принадлежат первые пьесы украинского театра. Историк Николай Костомаров пишет «Книгу бытия украинского народа», в которой ищет принципы равенства, братства, свободы и народовластия в прошлом Украины — в казачестве, религиозных братствах. Тарас Шевченко, величайший украинский поэт, остро ощущает тяжесть императорской ладони, лежащей на его земле. Украина, пишет поэт, «ободрана, сирота, плачет над Днепром».

Братство Кирилла и Мефодия не было революционной организацией, готовившей практические акты. Участники собирались, чтобы размышлять и спорить о возможных путях восстановления Украины. Их привлекала идея славянской федерации. В 1847 г. по доносу «братчики» были арестованы. Особенно тяжело пострадал Тарас Шевченко, сосланный навечно в солдаты. Значительно больше напугал Николая I кружок, собравшийся вокруг чиновника министерства иностранных дел и литератора Михаила Буташевича — Петрашевского (1821—1866).

Страх вызывала группа молодых чиновников и литераторов, собиравшаяся для разговора о философии Фурье, что казалось им чрезвычайно необходимым для понимания положения в России. Тайные агенты III отделения давно следили за кружком. В ночь с 22 на 23 апреля было арестовано несколько десятков человек. Попытка следствия превратить занятия философией в обширный заговор, готовивший переворот наподобие «декабристского» не удалась. Тем не менее, 16 октября 1849 г. были приговорены к смертной казни 15 обвиняемых, к каторжным работам — 5. Объявление о замене смертной казни каторгой для приговоренных к расстрелу было зачитано на эшафоте. Среди приговоренных и помилованных был отставной инженер-поручик и литератор Федор Достоевский.

Николай I внимательно следил за допросами. Им редактировалось правительственное сообщение о завершении следствия и приговора. Оно начиналось объяснением: «Пагубные учения, народившие смуты и мятежи по всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени и в нашем отечестве»[79]. В части сообщения, где говорилось о намерениях

заговорщиков, император вычеркнул употребленные следователями слова «коммунизм» и «социализм», заменив их «безначалием». Слово «прогрессисты» царь заменил выражением «люди превратных мнений».

Расправа с «петрашевцами» произошла в 1849 г. Страх Николая в этот момент был оправдан: революции трясли Европу. Но не менее боялся император и в 1831 г. Летом 1831 г. в Петербурге вспыхнула эпидемия холеры. В городе пошли слухи, что эпидемию распространяют врачи. Начались волнения. На Сенную площадь, где собралось около 5 тыс. человек, разгромивших больницу, убивших нескольких врачей, явился Николай I. Бесстрашно въехав в толпу, он обратился к народу: «Стыдно народу русскому, забыв веру отцов, подражать буйству французов и поляков, они вас подучают, ловите их, представляйте подозрительных начальству...»[80]. Холерная эпидемия вспыхнула во время польского восстания, и связь между двумя событиями найти было просто: яд и микробы шли с Запада. Национальная доктрина была одним из способов преграждения им пути в Россию.

1825—1830 гг. — первый период царствования: страх после восстания декабристов: 1831—1848 гг.: страх перед польским бунтом и «весной народов»; 1849—1855 гг.: Россия, император не могут понять, почему «спасительница народов», последний оплот законных монархов, становится все более и более изолированным государством.

Николаевские войны

Со времени Петра Великого вы все более и более расширяете свои пределы, не потеряйтесь в безграничном пространстве.

(Граф Сен-Симон Павлу Лунину, Париж, 1817)

Русский народ теперь ни к чему не способен, кроме покорения мира... Потому, что никакой другой целью нельзя объяснить безмерные жертвы, приносимые государством и отдельными членами общества. Очевидно, народ пожертвовал своей свободой во имя победы. Без этой задней мысли, которой люди повинуются, быть может, бессознательно, история России представлялась бы неразрешимой загадкой.

Де Кюстин. 1839

Наблюдение Анри де Сен-Симона, утопические планы которого приобретут через несколько десятилетий широкую популярность в России, не требовало специально изучения истории. Достаточно было взглянуть на карту евразийского континента. Впрочем, разговор между французским философом и русским офицером происходил в Париже, где расположился русский гарнизон. Предположение маркиза де'Кюстина выражено остроумной формулой, но не становится доказательным. Национальные доктрины, рождавшиеся в то самое время, когда Кюстин прогуливался по империи Николая I, были доктринами русскими. В них отсутствовали универсальные лозунги, которые несли армии Александра, или Чингиз-хана, или Наполеона. Триада Уварова носит ограничительный характер: православие. Вне православия нет спасения. Россия иногда вынуждала — разными методами — побежденные народы, включенные в империю, принимать православие. Но она не предпринимала завоеваний для распространения православия. Ограничительный характер носила и доктрина славянофилов: русской миссией они считали освобождение славян, братьев по крови.

Защита славянства, распространение православия в определенных условиях не могли быть инструментом, позволявшим добиваться мирового господства. Только в 1917 г.

государство, возникшее на развалинах Российской империи, положит в основу своей внешней политики универсальную доктрину — коммунизм, которая делала притязания на мировое господство реальным.

В начале 1854 г., когда уже началась война с европейской коалицией, историк Михаил Погодин отправил Николаю I записку, озаглавленную «Взгляд на русскую политику в нынешнем столетии»[81]. Московский историк исходит из очевидного для него тезиса: «Россия пятьдесят лет служила Европе». Сначала это было спасение континента от Наполеона. Затем, «с 1814 г. Россия стала на стражу порядка», созданного после победы, на стражу идей Священного союза. «Сорок лет, — жалуется Михаил Погодин, — миллион русского войска готов был лететь всюду, в Италию и на Рейн, в Германию и на Дунай». Содержа «целый миллион войска, для нее самой почти ненужного, она готова была останавливать все покушения, ниспровергнуть или поколебать их, где бы они ни обнаруживались».

Автор записки напоминает о спасательной деятельности русской армии. В 1841 г. спасен Константинополь от покушения египетского паши. В 1850 г. Австрия приведена была на край гибели: «Двести тысяч русского войска принудили венгерцев сдаться, и Австрия была спасена». В 1851 г. Пруссия и Австрия готовы были начать междоусобную войну, которая неминуемо привела бы их обеих на тот же край гибели вместе с Германией, и двести тысяч Русского войска остановили пагубное кровопролитие. Естественно, Михаил Погодин вспоминает «страшное потрясение 1848 г.», когда престолы Австрии, Пруссии, всей Германии устояли только благодаря России. И подчеркивает: «...в 1848 г., когда вся Европа была поставлена вверх дном, Россия не ступила ни одного шага для распространения своих владений».

Вывод историка — внешняя политика России была благотворительной: она «приносила в жертву все свои самые дорогие, кровные интересы... Все для Европейского порядка, который был, кажется, высшей, единственной целью». Критикуя внешнюю политику Александра I и Николая I, Михаил Погодин особенно подчеркивает главный грех: «Тридцать миллионов народа Славянского, ей соплеменного, связанного с нею теснейшими узами крови, языка и религии, было оставляемо почти без малейшей помощи, без малейшего участия в их горестной судьбе, на жертву всем истязанием, из коих турецкие были самые легкие...»

Историк имеет в виду, что «истязания» австрийские и прусские были еще тяжелее.

Михаил Погодин писал об ошибочности русской внешней политики в течение полувека не только потому, что был славянофилом и считал помощь братьям по крови, языку, религии миссией России. Но и потому, что 1854 г. показал: Австрия и Пруссия, всем обязанные Николаю I, не поддержали его, когда образовалась антирусская коалиция. Союзники — предали.

Крах политики Николая I в 50-е годы дал московскому историку основание отвергнуть ее, как ошибочную. Для Погодина ошибками были желание вмешиваться в европейские дела, «спасать Европу» и союз с Австрией и Пруссией. Военное поражение сделало Михаила Погодина мудрым задним умом.

Союз России с Австрией и Пруссией был сознательным выбором и фундаментом русской внешней политики Николая I. В 1838 г. барон Филипп Бруннов, один из виднейших русских дипломатов эпохи, многолетний посол в Лондоне, составил для императора «Обзор политики русского двора в нынешнее царствование». Этот текст вошел в курс внешней политики, преподаваемый наследнику, будущему императору Александру II. Логика барона Бруннова была безупречной: Запад, прежде всего Франция, рассадник революции; Австрия и Пруссия представляют собой плотину, защищающую Россию от революционного потока; если плотина рухнет, России снова, как в 1812 г., но в более тяжелых условиях, придется воевать с Францией и поддерживающими ее революционными силами. В связи с этим

важный и постоянный интерес России — поддерживать моральный барьер, ограждающий от Франции и состоящий из союзных государств, стоящих на родственных нам принципах[82].

Николай I спасал Европу от революции, посылал войска поддерживать шатавшиеся троны, прежде всего в собственных интересах, предпочитая воевать со своим самым страшным врагом — революцией на чужой территории, вдали от русских границ. Революция была главным врагом Николая I. Но, пишет барон Бруннов, восточный вопрос занимал внимание императора с первых дней его царствования и всегда оставался в центре его интересов.

Восточным вопросом в XIX в. был вопрос о судьбе Оттоманской империи. Грознейший противник России на протяжении двух веков, Блистательная Порта, терзаемая внутренними неурядицами, начинает клониться к упадку. Наследство гигантской империи, раскинувшейся на три континента, становится предметом дипломатических маневров европейских держав, примеривающихся, как разделить шкуру медведя, который еще не умер, но серьезно заболел. Интерес России к восточному вопросу был особенно острым, ибо она, во-первых, непосредственно граничила с Турцией, а во-вторых, считала себя покровительницей славян и православных, подданных Оттоманской империи.

Когда слухи о восстании декабристов в Петербурге дошли в искаженном виде до Тегерана, персы решили воспользоваться благоприятной ситуацией и в июле 1826 г. перешли русскую границу. Персия была недовольна условиями Гюлистанского договора 1813 г., оставившего за Россией завоеванные ханства. Политика генерала Ермолова, командовавшего русскими войсками на Кавказе, поддерживавшего противника наследного принца Аббаса-Мирзы, усилила военную партию при персидском дворе.

В ходе двух кампаний — 1826 и 1827 гг. — персидская армия была разбита. 13 февраля 1828 г. в Туркманчае был подписан мирный договор, по которому Персия уступила России Нахиче-ванское и Эриванское ханства и обязалась уплатить 20 млн. рублей серебром контрибуции. Активное участие в переговорах о мире принимал Александр Грибоедов. Знаменитый драматург, опытный дипломат, Грибоедов составил проект экономического освоения завоеванных территорий. Он предлагал создать торговую компанию типа Ост-Индийской или Русско-Американской, устроить русские торговые конторы в Энзели и Астрабаде, открыть консульства в крупных коммерческих центрах Персии. Но, как выразился историк-марксист Михаил Покровский, «Закавказье завоевывала не буржуазная, а еще дворянская Россия». Генерал Паскевич, победитель персов, заменивший Ермолова, предлагал расчленить Персию, часть территории присоединить к России, а на остальной образовать вассальные и полувассальные ханства. Николай I, блюститель легитимного порядка, отказался от свержения законного шаха. Александр Грибоедов был назначен полномочным министром в Тегеран и вскоре по прибытии в столицу Персии был зверски убит — 11 февраля 1829 г. — во время нападения толпы возбужденных фанатиков на русское посольство. Туркманчайский договор был ратифицирован. Он завершил последнюю русско-персидскую войну. В состав империи вошли земли, населенные армянами.

Едва был подписан мирный договор с Персией, началась русско-турецкая война. 7 мая 1828 г. главная русская армия, в штабе которой находился император Николай I, перешла Прут, одновременно кавказская армия начала военные действия в Азии. Война с Оттоманской империей была завершением двухлетней дипломатической деятельности вокруг восточного вопроса. Через два месяца после вступления на престол Николай I предъявил султану ультиматум.

Император потребовал: восстановления политических, военных и гражданских условий, существовавших в княжествах Молдавии и Валахии до 1821 г.; предоставления Сербии учреждений, обещанных по Бухарестскому договору. Турецкому правительству предлагалось выслать делегатов для переговоров на русскую границу и давалось шесть недель для принятия условий.

В ультиматуме не было ни слова о Греции. Николай I, продолжая политику Александра I, считал греков «мятежниками», восставшими против законного государя. Было для всех очевидно, однако, что русский ультиматум грозил Турции открытием нового фронта, который ослабил бы ее в Греции.

В первые годы царствования Николая I русская дипломатия чрезвычайно умело распутывает сложный узел восточного вопроса, в котором Греция занимает наиболее видное место. В решении греческого вопроса заинтересована Англия, озабоченная своими интересами в Средиземном море. Австрия, политику которой определяет Меттерних, — против предоставления Греции широкой автономии, ибо опасается взрыва на Балканах. Европейское общественное мнение, прежде всего в Англии, Франции, а также в России, горячо поддерживает эллинов, поднявшихся на борьбу за свободу. Лорд Байрон едет добровольцем умирать в Миссолонги. Позиция России осложнялась поведением Австрии — главного союзника.

В феврале 1826 г. английский премьер-министр Каннинг отправляет в Петербург герцога Веллингтона поздравить нового русского императора с восшествием на престол и — заодно — поговорить о восточных делах. Англия предлагала свои добрые услуги в качестве посредника между Россией и Турцией и просила согласия на британское посредничество между греками и Портой. Николай I категорически отверг первое предложение — русско-турецкий спор касается только его, но дал свое согласие на второе. 4 апреля в Петербурге было заключено соглашение между Россией и Англией: это был первый европейский дипломатический акт, касавшийся освобождения Греции. Петербург соглашался на посредничество Лондона между Портой и греками, обещая свое содействие. Греция должна была получить автономию, выплачивая только дань Турции. Англия получила то, чего хотела, но соглашение указывало, что оно сохраняет силу независимо от отношений между Россией и Портой. Иначе говоря, в случае русско-турецкой войны Англия остается связанной с Россией.

В феврале 1826 г. герцог Веллингтон вел переговоры с Николаем I. В марте Петербург посылает ультиматум султану. В апреле подписывается русско-английское соглашение. В мае Стамбул принимает ультиматум и посылает своих представителей для ведения переговоров. Соглашение 4 апреля было заключено в величайшей тайне, только через несколько месяцев оно будет доведено до сведения Европы. Но император еще раньше разгласил секрет, что не могло не подействовать на турок.

Приняв ультиматум, султан сразу же издал указ о преобразовании корпуса янычаров, составлявших ядро вооруженных сил Оттоманской империи, в армию европейского образца. Янычары ответили восстанием в Константинополе — в 24 часа оно было разгромлено. Султан, который имел до восстания янычаров плохую, недисциплинированную армию, оказался вообще без армии. Не имел он также и дипломатической поддержки.

Переговоры с Турцией, начавшиеся 1 августа, закончились подписанием 7 октября Аккерманской конвенции, которая удовлетворяла все русские требования. Россия сохраняла в Азии все, что она занимала в момент подписания конвенции, русским предоставлялась полная свобода торговли в оттоманских портах и морях на совершенно равных основаниях с турками. Подтверждались привилегии Молдавии и Валахии, Сербия должна была через 18 месяцев получить давно ей обещанную конституцию.

22 декабря 1826 г. европейские державы были поставлены в известность о Петербургском соглашении. Австрия и Пруссия объявили, что они против посредничества между законным государем и мятежниками. Франция, побуждаемая филэллинским общественным мнением, присоединилась к соглашению и предложила превратить его в союзный договор. В июле 1827 г. в Лондоне был подписан договор между Россией, Англией и Францией с целью умиротворения Востока. Три монарха, говорилось в договоре, «одушевленные желанием избежать пролития крови и предупредить бедствия», предложили султану коллективное посредничество. Поддерживаемый Меттернихом, султан оттягивал

согласие. 20 октября в Наваринской бухте (юго-западный берег Греции) турецко-египетский флот был уничтожен объединенными эскадрами России, Англии, Франции.

Морская победа был встречена с восторгом в России. О популярности битвы свидетельствует костюм Чичикова, героя «Мертвых душ» Гоголя, который был цвета наваринского пламени с дымом. Зато в Англии разгром оттоманского флота восприняли с тревогой. Король Георг IV публично назвал сражение «злосчастным происшествием». Англия была недовольна активным участием в битве России, излишним, с точки зрения Лондона, ослаблением Турции, возможностью появления не автономной, а совершенно независимой Греции.

Султан ответил на разгром своего флота денонсированием Аккерманских соглашений, закрытием проливов для русских кораблей, призывом к джихаду — Священной войне с неверными.

Николай I отвергает последние попытки Австрии выступить посредницей в русско-турецком конфликте. Спешно высланному в Петербург представителю Меттерниха графу Зичи император объявил: «Я не хочу и вершка Турции, но и не позволю также, чтобы другой получил хоть вершок ее». В последующие годы Николай I будет неоднократно повторять эту фразу, объясняя свою политику. Пройдет немногим более стал лет, и слова императора, без упоминания его имени, будут повторены в Москве и станут официальной внешнеполитической доктриной Советского Союза.

В декабре 1827 г. Оттоманская империя объявила войну России, а в апреле 1828 г. был опубликован царский манифест о начале войны с Турцией. 8 апреля Александр Никитенко записал в свой дневник: «Итак, роковой час ударил для Турции. Спросите в Петербурге всех, начиная от поденщика до первого государственного человека, что думают они о предстоящей войне? А то, — ответят они вам, — что Турция погибла! Столь уверены ныне русские в своем могуществе»[83]. Несмотря на существование союзного договора с Англией, русские видели в ней опору Турции и своего противника. 26 апреля Александр Никитенко пишет: «Если война начнется, то для того, чтобы усилить могущество России и озарить славой царствование Николая... Будет борьба, борьба кровавая за первое место в ряду царств вселенной — борьба между новым Римом и новым Карфагеном, то есть между Россией и Англией. На чью сторону склонятся весы судьбы? Англия могущественна, Россия могущественна и юна»[84].

Русские войска вступили в Дунайские княжества, одновременно начались военные действия на Кавказе. Кавказская армия под командованием Паскевича в 1828 г. быстро расправилась с турецкими войсками и захватила крепости, в том числе Эрзерум, составлявшие опору власти султана в Закавказье. Летом 1829 г. граф Эриванский — титул, который Паскевич получил за победу над турками, — закончил разгром турецкой армии. Военные действия на Балканах в 1829 г. шли значительно менее удачно для русской армии под командованием Витгенштейна, в штабе которого находился император. Турки оказывали серьезное сопротивление. В 1829 г. русская армия, командование которой было передано графу Дибичу, получив подкрепление, вступила вновь в Болгарию, из которой была в прошлом году вытеснена, разбила турок при Кулевче, заняла Силистрию.

В один переход армия преодолела Балканы и появилась 20 августа под Адрианополем. Несколько переходов отделяли русских солдат от Константинополя. Положение русского корпуса, далеко оторвавшегося от главных сил, было очень опасным. Но страх охватил султана, его двор и послов Франции и Англии, до недавнего времени побуждавших Константинополь к сопротивлению.

14 сентября в Адрианополе был подписан мирный договор. Россия приобрела острова в устье Дуная (с обязательством не строить там укреплений), на Западном Кавказе присоединила к империи крепости Ахалцих и Ахалкалаки, а также кавказский берег Черного моря с Анапой и Поти. Турция еще раз подтвердила и гарантировала автономные права

Молдавии, Валахии и Сербии. Русским подданным была предоставлена полная свобода торговли по всей Оттоманской империи и в Черном море.

С. Татищев, автор «Внешней политики императора Николая I» упрекает русских дипломатов, готовивших Адрианопольский договор, в том, что «не было сделано ни малейшей попытки связать нравственные и материальные интересы христианских народов Балканского полуострова с нашими, развить и упрочить те задатки общения, которые заключались в единстве веры, отчасти в племенном родстве, наконец в исторических преданиях». С. Татищев опубликовал свое исследование в конце 80-х годов прошлого века, когда славянофильские идеи оказывали влияние на русскую внешнюю политику. Николай I славянофильства опасался и строил свою внешнюю политику на принципе, который лаконично сформулировал граф Нессельроде, вице-канцлер с 1828 г., канцлер с 1845 г., руководивший русской дипломатией 40 лет: «Поддерживать власть везде, где она существует, подкреплять ее там, где она слабеет и защищать ее там, где открыто на нее нападают».

Взятие Адрианополя поставило перед русскими политиками и военными деятелями вопрос: что дальше? Возможность продолжения марша к Царьграду, водружения креста на Св. Софии была очень соблазнительной. Дежурный генерал при Главной квартире армии А. Михайловский записал в дневник: «Мысли всех обращены были на вопрос: брать Константинополь или нет? Завладение его не представляло затруднений, авангард левой колонны... находился в самом близком расстоянии от водопроводов, снабжавших Константинополь водой...». Генерал заключает: «В политическом отношении вопрос сей представлял более затруднений»[85]. Европейские державы были категорически против и выразили готовность ввести объединенный флот для защиты столицы Оттоманской империи; распад империи грозил непредсказуемыми последствиями. Николай I принял решение: распад Блистательной Порты противоречил бы правильно принимаемым интересам России, сохранение Оттоманской империи в Европе имеет больше положительных, чем отрицательных сторон.

Занятия «восточным вопросом» были внезапно прерваны в ноябре 1830 г. восстанием в Польше. Выступление школы подхорунжих поддержали варшавские ремесленники, недовольные ростом цен на хлеб и повышением — перед самым восстанием — цен на пиво и водку. Восставшие захватили арсенал. Медлительность наместника Константина Павловича позволила плохо подготовленному заговору превратиться в столице в восстание, которое затем быстро распространяется в Царстве Польском. Заговор, бунт восстание перерождаются в войну. Николай I не хочет медлить: польское восстание представляется ему частью революционного движения, начавшегося в Европе июльской революцией в Париже.

В Польшу отправляется русская армия, возглавляемая победителем турок Дибичем, который получил чин фельдмаршала и титул графа Дибича-Забалканского. Фельдмаршал Дибич в нескольких сражениях понес тяжелые потери, но не мог добиться победы. Смерть графа Дибича от холеры в июне 1831 г. позволила императору направить на польский фронт другого победителя турок — фельдмаршала Паскевича. В августе главнокомандующий русскими войсками смог послать в Петербург известие о победе: «Варшава у ног Вашего императорского величества». Николай ответил фельдмаршалу: «С этого дня ты Светлейший князь Варшавский».

Органический статут, подписанный Николаем I в феврале 1832 г., сохранял гражданские права; местное самоуправление, гарантированное конституцией, было ликвидировано. Главное же — Царство Польское стало «нераздельной частью» Российской империи.

Федор Тютчев ответил на взятие Варшавы стихотворением, в котором сравнил убийство «орла одноплеменного» с жертвой, которую принес богам Агамемнон, убив родную дочь. Царь Аргоса пожертвовал дочерью, прося попутного ветра. Ценой гибели Варшавы, объяснял поэт, была «России целость и покой», «державы целость»[86].

Ухудшение отношений с Англией после Адрианопольского договора и с Францией после июльской революции побуждает Николая I вернуться к традиционным союзникам. В сентябре 1833 г. в Мюнхенгреце (Австрия) Россия, Австрия и Пруссия гарантируют друг другу свои владения в Польше и достигают соглашения относительно восточного вопроса. Россия и Австрия обязывались поддерживать в Турции царствующую династию и заявили, что не потерпят никакой перемены, грозящей независимости правящего султана.

Мюнхенгрецкие протоколы имели особенное значение для России, добившейся подписания (26 июня 1833 г.) Ункяр-Искелесийского договора с Турцией. Это был, возможно, самый большой дипломатический успех в истории России. Тем больший, что он был достигнут без войны. В конце 1832 г. войска бывшего наместника султана в Египте Мехмеда-Али захватили Сирию и под командованием сына Мехмеда-Али Ибрагима вступили в Малую Азию. Разбив турецкую армию, они двинулись к Константинополю. Султан Махмуд обратился за помощью к Англии и Франции и получил отказ. Англия была занята западноевропейскими делами, Франция симпатизировала Египту — Мехмеда-Али считали «учеником Наполеона». Султан обратился к Николаю I, который согласился помочь султану, бывшему беззащитным перед обученной и вооруженной по европейским образцам египетской армией. Нессельроде ясно сформулировал причины согласия: если Мехмед-Али захватит Константинополь, Россия получит вместо слабого и побежденного соседа сильного и победившего. Кроме того, объяснял канцлер, победа Мехмеда-Али станет началом гибели Оттоманской империи. А это может поставить под знак вопроса очевидные корысти, принесенные России Адрианопольским трактатом[87].

В феврале 1833 г. русские военные корабли под флагом адмирала Лазарева бросили якоря в Босфоре напротив султанского дворца. Через шесть недель 5 тыс. русских солдат разбили лагерь в долине Ункьяр-Искелесси. Вскоре они получили подкрепление и приказ оставаться на месте до подписания договора между султаном и Мехмедом-Али и ухода войск Ибрагима за Тавр. В мае 1833 г. в Константинополь прибыл специальный посланник императора, его любимец граф Алексей Орлов. Он проявил незаурядные дипломатические способности. Граф говорил о своем методе: «Я придерживался с турками системы ласкать одной рукой, сжимая другую в кулак, и это привело меня к счастливому успеху»[88].

Текст договора был подготовлен в Петербурге и одобрен императором. «Никогда ни одни переговоры не были ведены в Константинополе с большей тайной и окончены с большей быстротой», — отмечал русский дипломат Бруннов. Договор был подписан 26 июня 1833 г. Россия и Турция заключили оборонительный союз, который давал возможность России приходить на помощь Оттоманской империи, когда она оказывалась в опасности. В тайной статье, — которая очень скоро стала всем известна, — султан обязывался закрыть проливы в случае военного нападения на Россию. Николай особенно настаивал на этой статье, «обеспечивавшей безопасность южных губерний Российской империи на Черном море».

Лондонский «Тайме» назвал договор «бесстыжим». Англия и Франция направили Порте ноту протеста, но Константинополь сослался на мирный характер договора. Лорд Пальмерстон возмущался тем, что русский посол стал фактически первым министром султана. Франсуа Гизо, историк и государственный деятель, через несколько десятилетий после подписания Ункяр-Искелесийского договора, подчеркивал, что «петербургское правительство, превратив свое фактическое доминирующее положение в Константинополе в писаное право, формально свело Турцию до роли своего клиента. А Черное море превратило в русское озеро, доступ в которое этот клиент защищал перед всеми возможными врагами России»[89].

Договор с Турцией вновь заменил расстановку сил в Европе: морские державы — Англия и Франция — заняли враждебную позицию к России, Австрия и Пруссия — поддержали Николая I. Дипломатический успех в Ункяр-Искелеси поставил Россию в исключительное положение: все границы стали безопасными. Единственные потенциальные

противники в Европе — Англия и Франция — не могли ей угрожать на суше (для нападения на Россию надо было пройти через германские земли) и перестали быть опасными на море — Оттоманская империя закрыла проливы. Исчезли противники в Азии — не представляли опасности ни Персия, ни Турция.

Могущество России опиралось на самую сильную армию в мире. В 1830 г. армия Великобритании насчитывала 140 тыс. человек. Франции — 259 тыс., Австрийской империи — 273 тыс., Пруссии — 130 тыс. Российская армия насчитывала 826 тыс. солдат и офицеров[90]. В августе 1837 г. Николай I присутствовал на больших кавалерийских маневрах. Великолепное зрелище взволновало императора так, что со слезами на глазах он — в присутствии графа Орлова и австрийского посла Фикельмона — поблагодарил Бога: Господи, спасибо тебе за то, что ты сделал меня таким могучим и прошу тебя, чтобы дал мне силы никогда не употребить это могущество на злое дело[91].

С 1832 по 1848 г. Россия будет жить в мире, без врагов на своих границах. Если не считать Кавказа. Россия шла в сторону Кавказа, начиная с XVI в. Серьезные усилия для выхода к Каспийскому и Черному морям сделал Петр I. Ломоносов описал границы России, изобразив императрицу Елизавету Петровну, которая: «Сидит и ноги простирает / На степь, где хинов отделяет / Пространная стена от нас, / Веселый взор свой обращает / И вкруг довольства исчисляет, / Возлегши локтем на Кавказ».

Возлежать на Кавказе локтем — было не очень удобно. Империя расширяла свои владения, продвигаясь вперед — иногда быстрее, иногда медленнее, в зависимости от итогов войн с Персией и Турцией. 22 декабря 1800 г. Павел I подписал манифест о присоединении Грузии к России, который был подтвержден 12 сентября 1801 г. Александром I. Строго говоря, речь шла о Карталинском и Кахетинском царствах, части грузино-абхазской монархии, распавшейся в XУ в. В 1803 г. перешли в русское подданство Мингрелия, а в 1804 г. — Имеретия и Гурия. Вся Грузия стала частью Российской империи. Грузины искали помощи единоверной России, которая могла дать мир христианскому народу, окруженному враждебными мусульманскими государствами. Грузинские царства видели присоединение к России в форме договора о протекторате при сохранении местной администрации. Петербург видел иначе. В Грузии было введено русское управление.

Присоединение Грузии позволило России стать твердой ногой на Кавказе. Окончательному завоеванию Кавказа препятствовали горные народы, населявшие Кавказский хребет. Множество племен, говоривших на разных языках и имеющих разные обычаи, объединялись исламом, который с XVIII в. стал их религией. Племена находились в формальной зависимости от Персии или Турции. Полунезависимым народам, часто враждовавшим между собой, было, по сути, все равно, кого считать сюзереном — султана или русского императора, — до тех пор, пока они не вмешивались активно в их дела.

Основа русской политики на Кавказе была изложена графом Нессельроде в 1816 г.: «Отношения России к государствам и народам Азии, находящимся в этой части света у наших границ, до такой степени своеобразны, что подвергаешься величайшим неудобствам, применяя к ним начала, на которых основываются политические отношения в Европе. Тут все основывается на взаимности и добросовестности; у народов азиатских, напротив, только страхом можно себя обеспечить, и святости трактатов у них не существует»[92]. Руководитель русской дипломатии в письме к послу в Лондоне графу Ливену подчеркивал, что Англия «наилучшим образом»[93] может понять аксиому русской политики, ибо она использует ее в своих отношениях с народами Индии.

«Кавказ бурлил, — пишет об этом времени историк русской армии. — Волнения горских племен по-настоящему не прекращались... Волновались Кахетия, Хевсурия и особенно «осиное гнездо» всего Кавказа — Чечня»[94]. Русская политика на Кавказе имела в 1816 г. отличного исполнителя. Все расположенные на Кавказе войска были сведены в отдельный Кавказский корпус, командовал им прославленный герой войн с Наполеоном генерал Ермолов. «Горцы привыкли считаться только с силой», — таков был его принцип.

Тактика Ермолова состояла в разгроме «банд хищников», как официально именовались «немирные горцы», и в строительстве крепостей, которые позволяли удерживать завоеванную территорию. В 1818 г. была сооружена крепость Грозная, выросшая позднее в город Грозный, приобретший всемирную известность в 1995 г., когда он был разрушен русской авиацией и артиллерией.

В 1825 г. восстала Чечня, воспользовавшись тем, что русские войска готовились к войне с Персией. Посылая победителю персов Паскевичу чин генерал-фельдмаршала, Николай писал: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждениях прямых польз гораздо важнейшее, — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»[95]. Чеченцы были неспокойными, неудобными соседями: они часто совершали набеги на русских колонистов, на казачьи станицы. Генерал Ермолов видел в них «сплошную шайку разбойников» и утверждал, что «сего народа, конечно, нет под солнцем ни гнуснее, ни коварнее, ни преступнее».

В 20-е годы XIX в. сначала на восточном, а потом на западном Кавказе распространяется религиозное движение — мюридизм. Одна из форм мусульманского мистицизма *(мюрид* — значит «послушник»), мюридизм пришел на Кавказ из Бухары. В основе мусульманского «послушничества» лежало аскетическое отречение человека от личной воли ради непосредственного сближения с Богом. Вскоре после своего появления на Кавказе мюридизм становится идеологией сопротивления русским войскам. Из Дагестана в Чечню приходят проповедники, зовущие к газавату (Священной войне) против неверных, объявляя ее долгом мусульманина.

Гази-Магомед, уроженец северного Дагестана, становится первым вождем сопротивления русским, которому удается приобрести широкую популярность среди всех народов на Кавказе.

В 1830 г. Паскевич писал Николаю I: «Направление политики и отношений наших к ним (горцам) были ошибочны. Жестокость, в частности, умножала ненависть и возбуждала к мщению; недостаток твердости и нерешительность в общем плане обнаруживали слабость и недостаток силы». Иной политики Паскевич не предложил, и война горных народов с русскими вошла в новую фазу. В 1832 г. газават возглавил мюрид Гази-Магомеда, уроженец того же аула Гимры, где родился старый вождь, Гамзай-Бек. Третьим имамом был провозглашен в 1834 г. Шамиль. Авторитетный богослов имам Шамиль проявил талант полководца и администратора и сумел создать горское государство, которое более двух десятилетий сопротивлялось русским армиям.

Имам Шамиль построил теократическое государство, которое Михаил Покровский сравнивает с мединским государством, созданным арабами Хиджаса под руководством Магомета. Для историка-марксиста Покровского имело значение то, что «власть Шамиля (как ранее Магомета) была чисто демократической, основанной на признании и избрании всего народа», то, что Шамиль объединил племена на основе единого для всех права, общего для всех мусульман — шариата, что он выработал военно-финансовую и административную систему. Иначе говоря, заложил основы современного государства.

В 1840 г. вспыхнул весь восточный Кавказ. Перешел на сторону Шамиля правитель Аварии Хаджи-Мурат, вдохновивший Льва Толстого. В начале 1844 г. общая численность русских войск на Кавказе достигла 150 тыс. человек. Непосредственно в боях с горцами участвовало до 50 тыс. человек. Общая численность восставших народов немногим превышала 1 млн.

Только в 1859 г., уже после смерти императора Николая I, Шамиль был взят в плен и Кавказ — официально — покорен.

Кавказ, отвлекавший значительную часть армии, вынуждавший казну нести тяжелые расходы, не затрагивал жизненных интересов империи. Военный историк приходит даже к парадоксальному выводу: «Пятидесятилетняя Кавказская война — школа, подобная

петровской Северной войне и суворовским походам, — была благодеянием для русской армии. Благодаря этой войне ей удалось сохранить свои бессмертные суворовские традиции, возжечь ярким пламенем начавший было угасать светильник»[96]. Историк мог бы добавить, что война с горцами давала офицерам и генералам возможность — в условиях мира в Европе — продвигаться по службе и получать награды. Продолжая размышления о «благодеяниях войны», можно говорить о «пользе», которую она принесла русской литературе. Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Лев Толстой, не говоря о многочисленных менее выдающихся поэтах и прозаиках, видели (или активно участвовали) Кавказскую войну, рассказали о ней в своих произведениях.

Значительно меньше внимания привлекала русская экспансия на другом конце империи — в Сибири и на Дальнем Востоке. Возможно потому, что она носила мирный характер. А может быть и потому, что море всегда было в русских глазах менее привлекательно, чем суша.

Русское движение к Тихому океану шло в двух направлениях. Первым, его можно назвать американским, было освоение Камчатки, Алеутских островов, Калифорнии, Аляски. Его можно также назвать — коммерческим: мотором движения были артели охотников за котиками, тюленями, другим морским зверем. Российско-Американская компания, получившая свой статут в 1799 г. от императора Павла I, держала в своих руках охоту и торговлю. Оживленная торговая деятельность компании вызывала неудовольствие у Петербурга, который находился слишком далеко и не мог контролировать поведение охотников и купцов. Кроме того, что было еще важнее, Нессельроде полагал, что у России достаточно забот в Европе и Азии, чтобы ввязываться в конфликты с американцами. В сентябре 1821 г. Александр I подписал указ, определявший границу империи на Дальнем Востоке. Линия начиналась на 50° широты на американском континенте (к северу от острова Ванкувер) и пересекала северную часть Тихого океана до широты 45° 50' на азиатском берегу, включая Курильские острова, кроме четырех последних островов — Кунашир, Абомаи, Уруп и Итуруп.

Указ носил оборонительный характер — император возводил условную стену: присутствие иностранных кораблей внутри обозначенной территории объявлялось нелегальным, нарушители подвергались аресту, их груз конфисковался. Россия не имела возможностей контролировать выполнение указа, и вскоре он был отменен. Его значение в определении территории, которую победитель Наполеона считал русской на тихоокеанском побережье.

Стремление довольствоваться достигнутым удовлетворяло не всех. Морской офицер лейтенант Дмитрий Завалишин разработал план завоевания Калифорнии, опираясь на форт Росс, сооруженный неподалеку от Сан-Франциско. Кондратий Рылеев, занявший пост администратора Российско-Американской компании в Петербурге, способствовал ее реорганизации, имея в виду расширение и улучшение деятельности компании в Русской Америке.

Дальнейшая судьба Российско-Американской компании и Русской Америки была определена, в частности, тем, что среди сторонников продвижения России к Тихому океану было много декабристов. Рылеев руководил Северным обществом. Дмитрий Завалишин принимал активное участие в подготовке заговора. Только тот факт, что 25 декабря 1825 г. он был в Сан-Франциско, спас его от смерти. Вернувшись на родину, Завалишин был осужден на вечное поселение в Сибирь. Николай I, в отличие от Александра I, не интересовался ни океанографическими путешествиями русских моряков вокруг света (Александр I явился в Кронштадт в июле 1803 г., чтобы проводить в первое русское кругосветное путешествие «Надежду» под командованием Иохана Адама Крузенштерна и «Неву» под командованием Юрия Лисянского), ни колониями на американском континенте. Интерес к этим проблемам декабристов усиливал отрицательное отношение императора.

Отсутствие интереса к Русской Америке, отсутствие стратегических планов использования территории подкреплялось сокращением доходов Российско-Американской компании, вызванным постепенным исчезновением котиков, истребляемых охотниками компании. К тому же в 1839 г. русские офицеры получили новую форму — без котиковых воротников, как в старой. Исчез и рынок на меха, доставляемые с Тихого океана. В 1842 г. форт Росс был продан Джону Саттеру, открывшему золото в Калифорнии. Спор, возникший между Российско-Американской компанией и компанией Гудзонова залива, был решен путем аренды спорной территории американцами. «Каждый раз, — пишет французский исследователь русской политики на Тихом океане, — империя понемножку теряла свой суверенитет, свою территорию, свою силу в этом регионе»[97].

Иначе обстояли дела в другом направлении — Восточная Сибирь и восточная часть Тихого океана. Толчком к оживленной русской деятельности в этом районе азиатского континента стал Нанкинский договор, заключенный между Англией и Китаем в 1842 г. после победы англичан в Опиумной войне. Англичане получили право свободно ввозить опиум в Китай, для английской торговли были открыты пять приморских городов, англичане получили на 150 лет остров Гонконг. Это был первый неравноправный договор, распахнувший для западных держав ворота в Китай. Нанкинский договор, открывший морские пути торговли с Китаем, был ударом для России, которая монополизировала сухопутный транзит китайских товаров через Кяхту. С другой стороны, договор с Англией дал пример, который продемонстрировал слабость Небесной империи.

Вторым толчком для русской политики стало назначение в 1847 г. генерал-губернатором Восточной Сибири энергичного администратора Николая Муравьева, имевшего поддержку второго сына императора великого князя Константина, адмирала, будущего морского министра. Еще более важным было то, что значительный интерес к восточной Азии проявил Николай I. Напутствуя в дальнюю дорогу Николая Муравьева, Николай I объявил ему. что Амур и расположенные по его берегам территории должны войти в состав Российской империи. Программа Муравьева состояла в овладении путем, который вел из Иркутска, столицы Восточной Сибири, к Тихому океану. Программа вызывала сопротивление в русских дипломатических кругах, ибо существовало мнение, что Амур впадает в Охотское море и не судоходен. Сахалин считался полуостровом, который закрывал выход в Тихий океан. Капитан Геннадий Невельской на бриге «Байкал» доказал судоходность Амура, а затем, не имея приказа, исследовал устье Амура и, обнаружив Татарский пролив, доказал, что Сахалин — остров. Не ограничившись гидрографическими исследованиями, капитан Невельской 1 августа 1850 г. поднял в устье Амура русский флаг. Когда известие о присоединении к империи огромной территории без приказа из центра дошло до Петербурга, капитан за «поступки в высшей степени дерзкие» был разжалован в матросы. Николай I отменил приговор и наградил капитана Невельского, заявив: «Где раз поднят русский флаг, он спускаться не должен». Закрепление приобретенной территории произойдет в следующем царствовании после заключения в 1858 г. Айгунского договора с Китаем.

В 1851 г. с Китаем был заключен первый из серии русских «неравноправных договоров» в Кульдже: китайская провинция Синьцзян становилась практически русским протекторатом.

В 1853 г. капитан Невельской возглавил новую экспедицию, получив личный приказ императора. Он выполнил его, присоединив к Российской империи остров Сахалин. Россия вступила в соприкосновение с Японией, которую в это время вынуждают открыть свои порты для торговли США, Англия, Голландия. Россия участвует в давлении на Японию и тоже получает для своей торговли порт.

Исследователь русской тихоокеанской политики первой половины XIX в. задает вопрос, который звучит парадоксально в конце XX в.: кто выиграл больше от Опиумной войны — англичане, которые вели ее и получили Гонконг, срок пользования которым

кончится в 1997 г., или Россия, включившая навсегда в состав своей территории сотни тысяч квадратных километров по берегам Амура, более двух тысяч пятисот километров океанского побережья, четыре тысячи километров судоходных путей?[98] К этому можно добавить, что вся территория была приобретена без войны.

Договор в Ункяр-Искелеси обеспечил России роль протектора Оттоманской империи. Адам Чарторыйский, эмигрант и противник России, слегка преувеличивая, писал: «Турция стала сегодня русской провинцией — чего еще можно хотеть?»[99]. Восточный вопрос не был, однако, решен. Он снова обострился в 1839 г., когда султан Махмуд объявил войну своему давнему врагу египетскому паше Мехмед-Али. Россия приготовилась к интервенции в Константинополь, все другие европейские державы приняли меры, чтобы помешать этому. В концерте европейских держав каждая из них играла свою мелодию. Англия не хотела распада Оттоманской империи и поддерживала султана. Франция поддерживала египетского пашу. Австрия опасалась, что война поколеблет основы империи Габсбургов. Николай I пришел к выводу, что интересы России и Англии в данный момент совпадают, а его сближение с Лондоном приведет к распаду антирусского альянса между Англией и Францией. Россия и Англия приняли предложение Меттерниха, поддержанное Пруссией, о замене исключительного русского протектората над Турцией коллективной европейской гарантией. Согласие Николая I объяснялось его желанием сохранить Оттоманскую империю и дать отпор притязаниям Франции, где появились голоса, звавшие к реваншу за 1815 г. К тому же Франция оставалась для русского императора очагом революционного духа. Посол в Лондоне барон Бруннов, объясняя Пальмерстону позицию Николая, говорил, что император не считает Францию нормальным государством, на которое можно положиться, но с Англией можно вести переговоры, ибо эта держава, опирающаяся на право, будет всегда выполнять свои обязательства. «Мои слова», — написал на полях рапорта Бруннова Николай I[100]. В ноябре 1850 г., в 25-ю годовщину царствования, Нессельроде представил императору список побед на дипломатическом поле. Отказ России от Ункьяр-Искеллесийского договора и подписание Лондонской конвенции 1840 г. о гарантии проливов министр иностранных дел называл замечательным успехом, ибо удалось разбить «англо-французское согласие, враждебное нашим политическим интересам».

Не прошло и четырех лет, как «англо-французское согласие» было восстановлено, став военным союзом против России. Пожертвовав договором, дававшим России особые привилегии в Турции, Николай знал, чего он хочет: установления союзных отношений с Англией. Со свойственной ему решительностью император едет в Лондон, чтобы договориться с англичанами. Поездка была организована в глубокой тайне, Николай I поехал в июне 1844 г. — подражая Петру I — под псевдонимом «граф Орлов». Царь пробыл в Англии восемь дней, беседовал с королевой Викторией, лидерами тори, возглавлявшими правительство, — Робертом Пилем и лордом Эбердином, с лидерами оппозиции — Пальмерстоном и Мельбурном. В центре бесед был восточный вопрос. Николай повторял свое обещание: не хочу ни вершка турецкой земли, но не позволю, чтобы кто-либо захватил хотя бы один вершок. Он повторял: Турция смертельно больной человек, сделаю все, чтобы он остался жить, но необходимо считаться с его смертью.

Николай и его советники приняли разговоры в Лондоне за обязывающие политические декларации, в то время как англичане рассматривали их всего лишь как обмен взглядами на вопросы, интересующие обе стороны. Это недоразумение было одной из причин будущего вооруженного конфликта.

Между поездкой Николая I в Англию и началом Крымской войны прошло десять лет. На полпути произошли события, которые добавили горючий материал в тлевший костер европейской политики. «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и быть может завтра они вступят в борьбу». Федор Тютчев писал это в записке Николаю I в апреле 1848 г. после февральской революции в Париже. Свержение Луи-Филиппа было встречено

Николаем I с удовлетворением: он не переставал считать французского короля узурпатором. Одновременно император встревожился: революционная Франция могла стать опорой революции в Италии, в Германии. Вскоре самые страшные предчувствия стали реальностью: прусский король принял требования революционеров, Меттерних потерял власть в Австрии. В марте 1848 г. центральная Европа оказалась в руках революционеров. 14 марта 1848 г. Николай I издал манифест — он принимал вызов: «По заветному примеру православных наших предков, призвав в помощь Бога всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они не предстали... С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!» Архаичный язык подчеркивал торжественный характер декларации, ее важность.

Чужеземные армии не подошли к границам Российской империи, ей угрожал — по убеждению Николая I — «дух революции». Ему он объявлял войну.

Николай не собирался посылать свои войска в Париж. «Ни капли русской крови ради жалких французов», — говорил он. Он не собирался помогать Австрии в ее итальянских владениях, отправляя туда солдат: помощь ограничилась деньгами и дипломатической поддержкой. Императора беспокоила центральная Европа — Пруссия и Австрия, преграждавшие революции путь в Россию. У него были некоторые основания для беспокойства: революционная пропаганда, которая была одновременно антироссийской, начала возбуждать население прибалтийских губерний. Белоруссии и Украины, но прежде всего — поляков. После оглашения манифеста в западные губернии были двинуты войска, готовые подавить волнения внутри России и — в случае необходимости — выйти за ее границы. В мае 1849 г. Австро-Венгерская империя официально попросила Николая помочь подавить восстание, вспыхнувшее в Венгрии. Российский император ждал приглашения. Венгерское восстание было для него тем более неприятно, что восставшими командовали поляки, участники польского восстания 1830—1831 гг.

Армия под командованием фельдмаршала Паскевича вступила в июне 1849 г. в Венгрию и в течение 9 месяцев подавила восстание ценой сравнительно небольших жертв: 708 убитых, 2447 раненых, 278 умерших от ран. Вмешательство Николая I спасло Австро-Венгерскую империю, на трон которой вступил юный Франц-Иосиф. 65 лет спустя он еще будет занимать австро-венгерский трон и начнет первую мировую войну. Она была — можно допустить — далеким последствием подавления венгерского восстания русской армии.

В числе упущенных возможностей, которыми полно прошлое, было предложение, переданное в Петербург из Парижа русским агентом Яковым Толстым. В октябре 1848 г. Яков Толстой сообщал в тайной депеше, что англичанин, директор лондонского Колониального банка Форбс Кемпбелл, давний знакомый Луи Бонапарта, приехав в Париж, обратился к нему с предложением дать принцу Луи, кандидату на пост президента Франции, миллион франков. За эту цену, уверял мистер Кемпбелл, «Россия купит главу республики». Яков Толстой, испытывая собеседника, спросил: «Обяжется ли будущий президент... употребить весь свой авторитет, чтобы почистить Францию от польских и русских эмигрантов». Английский посредник уверял, что будущий президент даст на этот счет формальное обязательство. И — настоящий банкир — подсчитал, что миллион франков, разделенный на четыре года, будет стоить России всего 250 тыс. франков в год (президента выбирали на 4 года). Николай I испугался предложения и запретил говорить о нем. Михаил Покровский подсчитал в свою очередь, что по курсу франка России пришлось бы заплатить всего 250 тыс. рублей серебром. Историк-марксист заключает рассказ о «пропущенной возможности»: «Николай, конечно, пропустил великолепный случай посадить в февральскую республику своего президента. И пропустил явно потому, что был слишком принципиален. Кто бы мог это подумать?» Не верящий в роль случая, Михаил Покровский все же предполагает, что Николай I мог «откупиться от Крымской войны»[101].

В принципиальности, непреклонной верности Николая I идеалам и идеям ни у современников, ни у историков сомнения не было. Относительно возможности «откупиться»

от Крымской войны сомнения есть. Война, начавшаяся в 1854 г., называлась Восточная: Крымская кампания была ее эпизодом. В названии воины определен объект — наследие «больного человека» — Оттоманской империи. Советский историк Евгений Тарле, автор двухтомной «Крымской войны», написанной в годы войны с Гитлером и обличавшей антирусскую направленность английской политики, вынужден признать: «Что Николай I был непосредственным инициатором дипломатических заявлений и действий, поведших к возникновению войны с Турцией, не может быть, конечно, сомнений. Царизм начал — и он же проиграл эту войну...».

Евгений Тарле, составивший официальную советскую историю войны 1854—1855 гг., доказывает, что было две войны: царской России с Турцией и объединенной Европы против России. Он признает, что царская Россия начала против Турции «грабительскую войну», но и Турция «шла на развязывание войны, преследуя агрессивные реваншистские цели, хотела вернуть свои утраченные земли — северное побережье Черного моря, Кубань, Крым. Следовательно, по мнению советского историка, «война была грабительской с двух сторон»[102]. Вторая война была агрессивной со стороны европейских держав, героически оборонительной со стороны русского народа.

Первым шагом на пути к Восточной войне была поездка Николая I в Англию в 1844 г. На рауте у великой княгини Елены, сестры императора, 9 января 1853 г. он делает второй шаг — предлагает английскому послу сэру Гамильтону Сеймуру передать в Лондон о желании начать переговоры относительно дальнейшей судьбы Оттоманской империи. Английское правительство вести на эту тему переговоры отказывается. Император посылает в Константинополь князя Меньшикова с личным письмом султану. В списке русских требований: возвращение ключей от Вифлеемского храма в Иерусалиме православной церкви (Луи-Наполеон сумел добиться их передачи католикам), но прежде всего — подтверждение права православных подданных султана апеллировать к русскому государю в случае обид со стороны турецких властей. Около 9 млн. православных, живших в пределах Оттоманской империи, получили бы второго государя, которому они могли жаловаться на первого. Султан легко удовлетворил первое требование, относительно второго он предложил продолжить переговоры в Петербурге. Князь Меньшиков предъявил ультиматум — ответ в течение 8 дней (потом он прибавил еще 5). Не получив ответа в срок, он объявил дипломатические отношения прерванными и выехал в Петербург. 14 июня 1853 г. Николай I подписал манифест, в котором объявлял: «Истощив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых наших требований, признали мы необходимым двинуть войска наши в придунайские княжества, дабы доказать Порте, к чему может вести ее упорство».

Английский посол Сеймур писал, что Николай I твердо верил трем вещам: силе своей армии, помощи австрийцев и пруссаков, правоте своего дела. Эта «триада» была причиной Восточной войны. Вера в свою военную мощь и правоту своего дела были тесно связаны. Иван Аксаков скажет позднее: «Как же мы можем быть неправы, если сама Европа смотрит на нас со смесью страха и того, что называют по-английски awe»[103]. Сила убеждала в правоте, правота обладала, считал Николай I, достаточной силой, чтобы утвердить себя. Подавление венгерского восстания и спасение Австрии окончательно убедили русского императора в его силе и правоте. Они были тем более очевидны, что Европа казалась безнадежно слабой. В начале 1851 г. фельдмаршал Паскевич, приглашенный на маневры в Берлин, писал царю о положении в Европе с печалью и сожалением: неумелая политика Пальмерстона ведет Англию к катастрофе, во Франции гражданская война неизбежна, в Швейцарии царит дух либерализма, в Италии сильны демагоги, в Германии все еще далеко до спокойствия. Напрашивается вопрос, огорчался Светлейший князь Варшавский, что же остается от так называемой просвещенной Европы?[104]

Безграничная самоуверенность продиктовала Николаю I окончательное решение восточного вопроса: оккупация Дунайских княжеств, десант русский войск, переброшенных

на кораблях к берегам Босфора, занятие Царьграда. В это время император часто употреблял популярное в эпоху Екатерины II слово «Царьград» — для обозначения столицы «больной» Оттоманской империи. Николай I предполагал, что морские державы — Англия и Франция — захотят воспрепятствовать его планам. Но Паскевич заверял, что они будут действовать медленно и не успеют помешать русским армиям занять Босфор. Тяжелым разочарованием оказалась позиция верных союзников, спасенных от революции, — Пруссии и Австрии. Прусский король Фридрих-Вильгельм IV не хотел ссориться с Англией, боялся Франции и заявил в начале 1854 г., что не будет участвовать в вооруженном нейтралитете совместно с Россией и Австрией. Еще более тяжелый удар нанес австрийский император Франц-Иосиф. Посланный в Вену личный друг Николая I граф Орлов услышал, что австрийское правительство не поддержит Россию, если она пошлет войска в Дунайские княжества.

Николай I был так поражен отказом Австрии поддержать его, что заявил: «Скорее оставлю Польшу, отпущу на волю, чем позабуду австрийскую измену». Более убедительного свидетельства своего негодования он не мог придумать. Русские историки называют «измену Австрии» одной из причин поражения России в Восточной войне. Но еще в 1850 г. — сразу после разгрома венгерского восстания Паскевичем — австрийский премьер князь Шварценберг говорил: «Мы удивим мир своей неблагодарностью». Слова Шварценберга означали, что у Австрии есть свои интересы, что она не хочет быть вассалом России. Дунайские княжества были местом столкновения интересов двух империй. Австрия боялась, что появление русских армий на Балканах подействует возбуждающим образом на славян, живших в пределах империи Габсбургов. Австрия была недовольна тем, что — после Адрианопольского договора — устья Дуная принадлежали России. Это значило, что черноморская торговля зависела от воли русского царя.

Австрия имела основания опасаться за «своих» славян. Осенью 1853 г. фельдмаршал Паскевич, предупреждая императора о трудностях предстоящей войны, а также о том, что «Европа не допустит нас воспользоваться нашими завоеваниями», предлагал поднять христианских подданных Турции против султана. Полководец успокаивал императора тонким диалектическим рассуждением: «Меру сию нельзя, мне кажется, смешивать с средствами революционными. Мы не возмущаем подданных против их государя; но если христиане, подданные султана, захотят свергнуть с себя иго мусульман, ведущих с нами войну, то нельзя без несправедливости отказать в помощи нашим единоверцам»[105]. План Паскевича представляет тем больший интерес, что были у него и дополнительные идеи. 22 марта 1854 г. фельдмаршал Паскевич пишет из Варшавы командующему дунайской армией князю Михаилу Горчакову, предлагая начать агитацию среди турок против султана и его советников, обвиняя их в измене исламу, вызванной чрезмерной близостью с «неверными» — Англией и Францией. Паскевич ссылается на свой удачный опыт во время войны с Персией и рекомендует: «Не следует жалеть 10, 20 и 30 тысяч рублей»[106]. Светлейший князь Паскевич настоятельно просил своего корреспондента держать план в глубочайшей тайне.

Идея восстания христиан против султана была подхвачена историком, издателем консервативного антизападнического журнала «Московитянин» Михаилом Погодиным. Но, в отличие от Паскевича, Михаил Погодин предлагал искать союзников среди славян. Причем не только живших в Турции (Болгария, Сербия), но и в Австрии (Богемия, Моравия). «Восемьдесят с лишком миллионов, — писал он в «политических письмах», ходивших в рукописях, но известных при дворе, — почтенное количество! порядочный союзец!» Он предлагал назвать «союзец» дунайским, славянским, юго-восточным европейским и дать ему в столицу Константинополь. Важной особенностью проекта была идея включить в «союзец» Польшу.

26 января 1853 г. русские войска вступили в Дунайские княжества. Царский манифест сообщал верноподданным, что защита православия была всегда миссией «наших благословенных предков». Неожиданное сопротивление турок, нерешительность главнокомандующего 80-летнего фельдмаршала Паскевича, заменившего князя Горчакова,

открытое выступление Англии и Франции на стороне Турции, концентрация на границах Сербии австрийской армии, насчитывавшей 80 тыс. человек с явно антирусскими намерениями вынудили Николая I вывести летом 1854 г. войска из княжеств. Дунайская кампания закончилась полной неудачей.

Победа русской эскадры под командованием адмирала Нахимова, уничтожившего 18 ноября 1853 г. в Синопской бухте турецкий флот, была воспринята Англией и Францией как удар, направленный против них. На английский ультиматум Россия ответила разрывом дипломатических отношений с Парижем и Лондоном. 9 февраля 1854 г. был оглашен царский манифест, в котором говорилось: «Итак, против России, сражающейся за православие, рядом с врагом христианства, становятся Англия и Франция». Манифест напоминал судьбу Наполеона, разбитого в России, и призывал русских «подвизаться за угнетенных братьев».

Россия начала войну в полном одиночестве. В записке, которую в начале 1854 г. направил Михаил Погодин императору Николаю I подводится итог русской политики: «Правительства нас предали, народы возненавидели...». Московский историк констатировал неопровержимый факт. Против России были не только правительства, но и имевшее важное влияние общественное мнение. На протяжении 30 лет русские войска подавляли народные движения в Польше, Венгрии, помогали старым режимам удержаться в Пруссии и Австрии. Даже не посылая своих войск, пишет Михаил Погодин, «опасение, что Россия сзади готова напереть своею массой, останавливала самых отчаянных республиканцев от крайних мер и давало время другой стороне переводить Дух, отдыхать, оправляться». Это, в частности, относится к итальянским владениям Австрии. Князь Адам Чарторыйский, проповедовавший идею славянской федерации в бытность министром иностранных дел Александра I, пропагандировал ее в 40-е годы, заняв положение лидера польской эмиграции. Но теперь князь Чарторыйский видит славянскую федерацию как антирусскую силу. Русским проектам освобождения славянских народов от турецкого ига он противопоставляет план славянской автономии под суверенитетом султана и протекторатом западных держав. Лидер польской эмиграции приветствует первые признаки пробуждения украинского национального духа, считая, однако, что освобождение Украины может произойти только в результате союза с Польшей. Пропаганда польских эмигрантов находит отклик у славянских народов, живущих под турецким или австрийским правлением, серьезно мешает русским планам.

Морские державы пытаются нанести удары по Российской империи с моря, бомбардируя Одессу, Кронштадт, Петропавловск-на-Камчатке, Аландские острова. Лондон и Париж отдают себе отчет, что столкновение с русской армией может иметь место только на суше. В сентябре 1854 г. союзная армия (французы, англичане, турки) высаживаются в Крыму, близ Евпатории. А. Керсновский, писавший «Историю русской армии» в 30-е годы XX в., до высадки союзных войск в Нормандии, говорит о десанте 1854 г.: «Это была крупнейшая из всех десантных операций истории, блестяще проведенная благодаря свойствам парового флота и почти полной неподготовленности русской стороны»[107].

Союзники высадили 62 тыс. человек и 207 орудий. Командовавший в Крыму князь Меньшиков имел около 35 тыс. штыков и 96 орудий. Русские войска укрепились на берегу реки Альма. Первая битва Крымской войны закончилась победой союзников. Французский главнокомандующий маршал Сент-Арно констатировал: «Их тактика отстала на полстолетия». Еще более важным было то, что русская пехота была вооружена (в своем подавляющем большинстве) кремневыми гладкоствольными ружьями, а союзники нарезным оружием. «Впечатление, произведенное в России битвой при Альме, было огромным, ни с чем не сравнимым, — пишет историк «Крымской войны». — После Альмы стали ждать всего наихудшего и уже были ко всему готовы»[108]. Альма была первой после войны с Наполеоном боевой встречей с французской армией. Она продемонстрировала военную слабость России. Когда посланец князя Меньшикова ротмистр Грейг явился к императору и

доложил о поражении, у Николая I «слезы полились ручьем. Он схватил Грейга за плечи и, потрясая его довольно сильно, повторял только: «Да ты понимаешь ли, что говоришь?»[109].

Князь Меньшиков отвел армию к Бахчисараю, оставив Севастополь незащищенным *с* суши. Началась осада Севастополя, которая длилась одиннадцать месяцев. 15 февраля Николай I сместил Меньшикова и назначил главнокомандующим Крымской армией князя Михаила Горчакова. Это было последнее распоряжение императора. 19 февраля Николай I, никогда не болевший, умер от гриппа. Он правил так долго, так самодержавно, смерть его была такой внезапной, что немедленно разошелся слух: императора отравили. Никаких доказательств убийства или самоубийства историки не нашли.

Александр Никитенко записал в дневнике 18 февраля 1855 г.: «Государь скончался! Эта весть прежде всего поразила меня неожиданностью. Я всегда думал, да и не я один, что император Николай переживет и нас, и детей наших, и чуть не внуков. Но вот его убила эта несчастная война»[110].

Имеются все основания, чтобы сказать: причиной смерти Николая I была неудачная война. В течение почти 30 лет царствования его армия, в которой он видел суть России, не знала поражений. Лишь однажды, в феврале 1831 г., польские повстанцы выиграли битву, но виновником поражения Николай считал фельдмаршала Дибича. И внезапно — поражение за поражением, вражеские корабли в Финском заливе. Умирая, Николай I каялся своему наследнику: «Сдаю тебе мою команду, к сожалению, не в том порядке, как желал, оставляя много хлопот и забот».

Глава 11
ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЬ: ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Ты победил, Галилеянин!

Колокол. 1858. 15 февр.

При Александре II... пришла, наконец, реформа, которая должна была примирить Россию с самой собой, а также с Европой.

Анатоль Леруа-Больe

Наследство

Сверху блеск, а внизу гниль.

П.А. Валуев

Радость после смерти Николая I была всеобщей. 4 марта 1855 г. профессор петербургского университета историк Константин Кавелин писал в Москву своему коллеге профессору Тимофею Грановскому: «Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичом, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30 лет, вырезавший лицо у мысли, погубивший тысячи характеров и умов... Это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской натуры околел... Если бы настоящее не было так страшно и пасмурно, будущее так таинственно, загадочно, можно было бы с ума сойти от радости и опьянеть от счастья»[1]. Письмо переходило из рук в руки, сообщает современник, и вызывало всеобщее сочувствие.

Будущее — таинственно и загадочно, говорил Кавелин. Опасения вызывал новый император. Была известна его приверженность крепостному праву, его наследственная страсть к военным парадам. Алексей Хомяков убеждал своих друзей славянофилов, что новый царь будет преобразователем, основывая свой оптимизм на историческом опыте. В России, говорил он, только наполовину шутя, — хорошие и дурные правители чередуются через одного: Петр III плохой, Екатерина II хорошая, Павел I плохой, Александр I хороший, Николай I плохой, этот будет хороший. Рациональное зерно концепции Хомякова состояло в известной всем истине: каждый русский царь начинал свое царствование с исправления ситуации, которую он получил в наследство. Даже Александр II, который, по выражению Леруа-Больe, не ограничился «новой штукатуркой фасада», но перестроил фундамент[2], оставил в наследство «смутное время».

Несравненно более тяжелым было наследство, оставленное Николаем I.

В 1854 г. Алексей Хомяков в стихотворении «Россия» нарисовал ужасный портрет страны:

В судах черна неправдой черной

И игом рабства клеймена;

Безбожной лести, лжи тлетворной,

И лени мертвой и позорной,

И всякой мерзости полна.

Один из главных идеологов славянофильства, поэт утверждал, что Господь любит Россию: «О, недостойная избранья, / Ты избрана!». Тем не менее облик избранницы был непригляден.

Михаил Погодин, обращаясь к Николаю I, цитировал Хомякова, призывая: «Ложь тлетворную отгони далече от твоего престола и призови суровую, глубокую истину». Константин Аксаков в письме Александру II писал: «Все лгут друг другу, видят это и продолжают лгать, и неизвестно до чего дойдут». Курляндский губернатор Павел Валуев, в позднейшем министр, один из виднейших деятелей эпохи реформ, писал вскоре после смерти Николая I, что отличительная черта нынешнего устройства нашего государственного управления «заключается в повсеместном недостатке истины... Многочисленность форм составляет у нас сущность административной деятельности и обеспечивает всеобщую официальную ложь». Он подытоживал: «Сверху блеск, внизу гниль»[3].

Всеобщая ложь была одной из главных причин морального разложения правящего класса, что не могло не влиять на общество. Василий Ключевский записывал в дневник 29 сентября 1868 г.: «Мы выросли под гнетом политического и нравственного унижения... Мы пригнулись и присмирели»[4]. О важнейшем последствии всеобщей лжи пишет Михаил Погодин: «Государь, очарованный блестящими отчетами, не имеет верного понятия о настоящем положении России». Николай Бунге говорит об этом же: «...Император, при всем желании знать истину, получал неверное понятие о фактическом положении государства, а тем более о настроении, господствовавшем в интеллигентных классах и народе»[5].

Генерал Павел Киселев, в позднейшем министр, которого Николай I называл своим начальником штаба по крестьянским делам, один из умнейших сановников своего времени, писал в январе 1828 г.: «Государство без денег и промышленности... может стать похожим на колосса с глиняными ногами»[6]. Понадобилась Крымская война, чтобы экономическая отсталость России стала очевидной. Павел Киселев говорит о наследстве, полученном после четверти века царствования Александра I. При Николае I положение ухудшилось. Неуклонно рос дефицит. В 1849 г. он превышал 28 млн. рублей, в 1850 г. превысил 38 млн. рублей при бюджете в 200 млн. с небольшим. Комитет финансов решил в этом году скрыть дефицит даже от Государственного совета, чтобы «не повредить государственному кредиту». Во время Восточной войны рост дефицита принял невиданные размеры.

Значительная часть бюджета (до 42%) шла на армию. Война показала, что русская армия вооружена несравненно хуже противника. Флот состоял в основном из парусных кораблей, значительно уступавших паровому англо-французскому флоту. Крымская кампания выявила еще одно уязвимое место империи. Кюстин заметил, что расстояния — бич России. Бичом было не расстояние, а отсутствие дорог. В царствование Николая I было построено 963 версты железных дорог. В США, для сравнения, 8500 миль. Шоссейных дорог, исключая Финляндию, Царство Польское и Кавказ, имелось 5625 верст. В результате подвоз продовольствия от Перекопа до Симферополя занимал более месяца: подводы продвигались со скоростью 4 версты в сутки. Подкрепления из Москвы в Крым шли иногда три месяца, англо-французские подкрепления попадали на фронт морем за три недели. О состоянии армии, которая была основной расходной частью русского бюджета, свидетельствуют страшные цифры об умерших от болезни солдат, которые приводит военный министр Чернышев в отчете «Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 г.». Документ, изданный к 25-летию царствования Николая I, свидетельствовал, что за 25 лет умерло от болезней 1062839 «нижних чинов». За это же время в сражениях — во время войн с Персией, Турцией, на Кавказе, подавления польского восстания, интервенции в Венгрии — было убито 30233 человека. За этот срок в армии

состояло 2600407 солдат, следовательно, от болезней умерло 40% наличного состава «нижних чинов»[7]. Возможно, ни одна армия в мире не знала такого соотношения погибших в боях и умерших от болезней на протяжении четверти столетия. Крымская война сделала эту статистику очевидной для всего общества.

Экономическое развитие России в николаевскую эпоху шло чрезвычайно медленно. Абсолютные цифры говорили о росте производства железа в 2 раза. Относительные цифры свидетельствовали о явной недостаточности такого роста: за это время в Англии производство железа возросло в 30 раз. Николай Бунге объяснял адресату своей записки причины отсталости: «Правительство неохотно допускало общественную инициативу в Делах промышленности и торговли, предпочитая им предприятия государственные или казенные. В конце царствования императора Николая I было всего 30 акционерных компаний»[8].

Красноречивее всех статистических данных, всех обвинений в адрес Николая I и его деятельности был несомненный, бесспорный факт: Россия проиграла войну. Ей не угрожала оккупация, ей не угрожало расчленение империи: для этого противники были недостаточно сильны. Впрочем, у них не было таких намерений. Поражение, т.е. демонстрация слабости армии, которая была единственным атрибутом великой державы, представляло собой смертельную опасность для системы. «Неудачное самодержавие перестает быть законным»[9]. Эта великолепная формула Василия Ключевского, справедливость которой была подтверждена последующими событиями русской (впрочем, не только русской) истории, объясняет всеобщую недоброжелательную оценку николаевской эпохи. Она объясняет глубинные причины реформ, осуществленных Александром II.

Потерпев поражение, абсолютный монарх, идеальный самодержец потерял легитимность. В 1831 г. Федор Тютчев в стихотворении «На взятие Варшавы» не сомневался, что России Николая I «Бог отдаст судьбу вселенной, / Гром земли и глас небес...» В 1855 г. поэт сбрасывает с пьедестала императора: «Ты был не царь, а лицедей». Великолепный поэт, консерватор и монархист не может простить поражения императору: «Мне кажется, что никогда с тех пор, как существует история, не было ничего подобного: империя, целый мир рушится и погибает под бременем глупости нескольких дураков»[10].

Николай I не был, конечно, дураком. В словах Тютчева звучит горечь разочарования влюбленного. Вступив на трон под выстрелы «декабристов», император поставил перед собой две главные задачи: сохранить существующий политический строй, подавляя всяческие проявления общественной самостоятельности, и подготовить крестьянскую реформу без всякого участия общества. Эти задачи были выполнены. Но в ходе их реализации полностью исчерпались ресурсы системы, того мира, который, по словам Тютчева, рухнул.

Наследство, полученное Александром II, не оставляло выбора: наследнику необходимо было принять меры для устранения пороков системы, существование которых ее убивало. Никто не знал будущего. Лишь немногие подозревали, что осталось немного времени. Судьба записки, найденной в бумагах Николая Бунге, дает представление о краткости оставшегося времени. Она была адресована Александру III, которому Бунге служил в качестве министра финансов, а затем на посту председателя Комитета министров. Внезапная смерть Александра III помешала ему прочесть заметку министра. Тогда Николай Бунге заново отредактировал записку и направил ее новому самодержцу — Николаю II, наставником которого он в свое время был. Последний Романов ее прочитал.

Революция сверху

Гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, чем снизу.
Александр II. 30 марта 1856 г.

Император имел в виду, говоря «это», — освобождение крестьян. Прошло еще пять лет, прежде чем крепостное право в России исчезло. Вслед за освобождением крестьян были проведены другие реформы, изменившие лицо России. Современники и историки, признавая значение реформ, оценивали их по-разному. Упреки в адрес Александра II сжато изложил Василий Ключевский: «Все его великие реформы, непростительно запоздалые, были великодушно задуманы, спешно разработаны и недобросовестно исполнены, кроме разве реформы судебной и воинской»[11]. Ключевский записал эту оценку в дневник 24 апреля 1906 г. — после первой русской революции XX в. Крупнейший русский историк второй половины XIX в. отлично видит недостатки реформ Александра II.

Русский историк конца 80-х годов XX в. отмечает прежде всего положительные стороны великих реформ. Так, Натан Эйдельман пишет: «Несомненно, с революционно-демократической, крестьянской точки зрения, реформа могла, должна была быть лучше; однако следует ясно представлять, что она могла бы выйти и много хуже»[12]. Для Натана Эйдельмана эпоха Александра II — зеркало, в которое он смотрит, чтобы увидеть возможности «перестройки», начатой в Советском Союзе в 1985 г.

Смерть Сталина заставила вспомнить о смерти Николая I. И слово «оттепель», определившее климат послесталинского времени, было заимствовано у Герцена, писавшего о климате в России после смерти Николая I. Слово «перестройка» пришло из политического словаря эпохи великих реформ, как и слово «гласность». Два главных элемента «перестройки» Александра II: революция, проведенная самодержавной властью «сверху» и участие в ней молодежи и «оборотней», т. е. старых бюрократов, поменявших свою социальную роль, — как бы присутствовали и в «перестройке» Михаила Горбачева. Аналогия казалась убедительным доказательством возможности фундаментальных перемен в СССР, как это произошло в России при Александре II.

Александр II вступил на престол в 36-летнем возрасте, твердо убежденный, что необходимы изменения. Неясно было только какие. Выступая перед предводителями дворянства в Москве 30 марта 1856 г., император разъяснил свою позицию: «Слухи носятся, что я хочу объявить освобождение крепостного состояния. Это несправедливо... Я не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого, мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, чем снизу»[13].

Александр II понимал, что век требует освобождения крестьян. Он получил довольно разностороннее образование. Его воспитателем был капитан Мердер, которого современники ценили как человека высоконравственного, доброго, обладавшего ясным и любознательным умом и твердой волей[14]. Общим образованием ведал поэт Василий Жуковский, который, приступая к обязанностям, объяснял свою программу: «Его Высочеству нужно быть не ученым, а просвещенным... Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью»[15]. Николай I поручал сыну ответственные государственные дела, готовя его к трону. Александр II, будучи наследником, приобрел опыт управления.

18 марта 1856 г. был заключен в Париже мирный договор, закончивший Восточную войну. Он зарегистрировал поражение России, нанес удар ее влиянию на Балканах и Ближнем Востоке. Особенно тяжелыми для России были статьи договора, которые касались

нейтрализации Черного моря, т. е. запрещения содержать там военный флот и иметь военно-морские базы.

Манифест Александра II, объявлявший об окончании войны и условиях заключенного мира, содержал осторожные намеки на необходимость решения неотложных внутренних проблем. Программа преобразований была изложена в стихотворении Хомякова «Россия», где перечислялись пороки: иго рабства, неправда в судах, тлетворная ложь. Главным вопросом было крепостное право. После освобождения дворянства Петром III в 1761 г. шли поиски решения вопроса. Перед Александром II стояли те же самые проблемы, которые занимали многочисленные секретные комитеты, созданные в царствование Александра I и Николая I: освобождать ли крестьян; если да, то с землей или без; если освобождать, то как возместить помещикам — классу, составлявшему основу самодержавной власти — потерю ими средств к существованию?

Один из виднейших деятелей крестьянской реформы — Юрий Самарин внимательно изучал Пруссию эпохи реформ, реализованных Штейном и Гарденбергом после поражения 1806 г. Разгромленная Наполеоном, превращенная в сателлита Франции Пруссия, писал Самарин, приступила «к трудному подвигу самоисправления»[16]. Неудачу под Севастополем нельзя сравнить с поражением под Иеной, Россия не была Пруссией, но — для Юрия Самарина — имелась аналогия в программе преодоления результатов катастрофической войны.

Значительно больше аналогий между реформами Александра II и реформами, начатыми в Советском Союзе в середине 50-х годов, продолженными в середине 80-х годов, не законченными в постсоветской России. Аналогия тем более убедительна, что направления реформ остались неизменными. По-прежнему решается крестьянский вопрос (что делать с колхозами и совхозами?), вопрос сочетания центральной власти и самоуправления, на повестке дня неизменно судебная реформа, размеры свободы слова и т.д. Сравнение двух эпох, разделенных столетием с лишним, дает современному историку представление о трудностях, которые необходимо было преодолеть Александру II, и поразительной быстроте изменений.

Менее чем через 6 лет после вступления на трон — 19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест об освобождении крестьян. Совершил, по выражению Бориса Чичерина, «величайшее дело русской истории»[17]. Только настойчивость — некоторые современники говорили упрямство — императора позволила завершить работу по подготовке крестьянской реформы в такой короткий срок. И конечно, разработка вопроса в предшествующее царствование.

Важнейшим новшеством было привлечение к решению крестьянского вопроса дворян — социальной группы, которая активно сопротивлялась реформе. «Разрешить министерству внутренних дел, — говорилось в решении секретного комитета 18 августа 1857 г., — требовать не только сведения, но даже мнения, мысли и предложения от губернских начальников: губернаторов и предводителей, от опытных помещиков и вообще от всех тех, практические сведения коих могут быть полезны не только для определения главных направлений, но и для указания подробностей переходных мер...»[18]. Были созданы выборные губернские комитеты, в которых обсуждались пути и форма освобождения крестьян. Все предложения приходили в особую «редакционную комиссию», в которой заседали рядом с представителями правительства (11 человек) эксперты, приглашенные из тех кругов дворянства, которые сочувствовали освобождению (20 человек).

Закон 1861 г. справедливо упрекают в незавершенности, непоследовательности, отмечают слабости. Он не мог быть иным, ибо явился результатом компромисса, усилий, достигнутых несмотря на очень сильное сопротивление. Крестьянская реформа состояла из четырех основных пунктов. Первым было личное освобождение без выкупа 22 млн. крестьян. (Население России, по ревизии 1858 г., составляло 74 млн. человек.) Второй пункт — право крестьян выкупать усадьбу (землю, на которой стоял двор). Третий — земельный

надел (пахотная, сенокосная, пастбищная земля) — выкупался по соглашению с помещиком. Четвертый пункт — купленная у помещика земля становилась не частной собственностью крестьянина, а неполной собственностью общины (без права отчуждения). В деревне создавалось — после лишения помещика власти — сословное крестьянское самоуправление. Мировые посредники содействовали соглашениям между крестьянами и помещиками.

Сохранение общины — она проживет еще 45 лет до реформы Столыпина — было результатом веры подавляющего большинства русского общества в то, что она гарантирует особый путь развития России. Славянофилы видели в общине идеал общественного устройства и решение всех тяжелейших экономических проблем, волновавших Западную Европу. Когда Борис Чичерин (1828— 1904), один из лучших знатоков русского государственного права, написал, что «нынешняя наша сельская обширна вовсе не исконная принадлежность русского народа, а явилась произведением крепостного права и подушной подати», — произошел, как он выражается, «гвалт». Славянофилы ополчились на него «как на человека, оклеветавшего древнюю Русь»[19]. Но община прельщала не только славянофилов. Восторгался ею Александр Герцен. Европейским селам он ставил примером русские, представляющие собой «почернелый ряд скромных, бревенчатых изб, тесно прислоненных друг к другу, лучше готовых вместе сгореть, нежели распасться»[20]. Любовь к общине перешла и к социалистам. Петр Ткачев (1844—1885), один из влиятельнейших наставников Ленина, писал в открытом письме Энгельсу: «Наш народ... в огромном большинстве проникнут принципами общинного владения; он, если так можно выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции. Идея коллективной собственности так крепко срослась со всем мировоззрением русского народа, что теперь, когда правительство начало понимать, что эта идея несовместима с принципами «благоустроенного общества» и во имя этих принципов хочет ввести в народное сознание и народную жизнь идею частной собственности, то оно может достигнуть этого лишь с помощью штыков и кнута»[21].

Карл Маркс, поверив своим русским корреспондентам, осудил реформы Александра II: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она идет с 1861 г., то она упустит наилучший шанс, который история когда-либо предоставляла какому-нибудь народу и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»[22].

Если община — по убеждению славянофилов и западников — была хранилищем особых качеств русского народа, то мужик становился воплощением народа-Богоносца. Ироничный Алексей Толстой писал о мужике: «Если он не пропьет урожаю, я того мужика уважаю». И шел тем самым против течения: необходимо было уважать мужика независимо от его отношения к спиртному, нужно было поклоняться ему, не отдельному представителю класса земледельцев, но — Мужику. Эта идеологическая концепция нашла свое выражение в законе.

Реформа 1861 г. создала особый статус крестьянина. Прежде всего, закон подчеркивал, что земли, которыми владеет крестьянин (двор, доля общинных владений), не являются частной собственностью. Эту землю нельзя было продавать, завещать и наследовать. Но от «права на землю» крестьянин не мог отказаться. Можно было отказаться только от практического пользования, например при уходе в город. Паспорт давался крестьянину только на 5 лет, и община могла востребовать его обратно. С другой стороны, крестьянин никогда не терял своего «права на землю»: вернувшись, даже после очень долгой отлучки, он мог предъявить требование на свою долю земли, и мир должен был его принять.

Крестьянское «право на землю» принципиально отличалось от права собственности на землю всех других сословий. Эта концепция порождала все другие последствия особого правового статуса крестьян. Иными, в частности, были нормы наказания крестьян за некоторые преступления они наказывались мягче, чем другие сословия, иногда их наказывали за поступки, которые не были наказуемы для других сословий. Например, крестьян наказывали за неразумные траты или пьянство. Кроме того, их подвергали наказаниям, давно упраздненным для других сословий. Волостные суды, избираемые

крестьянами, могли приговаривать крестьян до 60-летнего возраста к телесному наказанию — порке розгами. Это постановление оставалось в силе до 1904 г., хотя в 1898 г Витте писал царю, что необходимо отменить право волостных судов приговаривать к порке, ибо «розги... оскорбляют в человеке Бога».

Витте добавлял, что особые полномочия волостного суда противоречат общему правовому сознанию и общим правовым нормам страны: «Любопытно, что если губернатор высечет крестьянина, то его судит Сенат, а если крестьянина выдерут по каверзе волостного суда, то это так и быть надлежит»[23].

Особый статус крестьянина объяснялся особым отношением к ним, представлением, что они являют собой особую ценность для государства. Земля, которую им давали, рассматривалась, как «имущество для обеспечения их существования в интересах государства»[24]. Необходимо было также — по мнению образованного общества — опекать крестьян, людей, близких к природе, к Богу «В основе стремления к опеке лежало представление, что крестьянин — простой, т. е. неиспорченный, чистый человек, что он. носитель особых нравственных и духовных ценностей»[25]. Следовательно, патриархальная порка у себя дома имела морально-воспитательное значение.

Освобождая крестьян, государство приняло меры для того, чтобы крестьянин оставался земледельцем, но также для того, чтобы он оставался крестьянином — хранителем особых ценностей. Крестьянин был народом. Образованное общество называло себя — публикой. «Мысль о том, что различные сословия одного и того же государства, — пишет В.В. Леонтович, — могут существовать на различных юридических или правовых уровнях, что их правовые отношения могут быть основаны на разных правовых системах, — продолжает существовать и после освобождения крестьян, а тем самым создаются предпосылки для дальнейшего расширения пропасти между правосознанием крестьян и других сословий российского государства»[26].

22 декабря 1857 г. Александр Никитенко (1804—1887) записал в дневник: «В публике боятся последствий рескрипта об эмансипации — волнений между крестьянами. Многие не решаются летом ехать к себе в деревню». Он закончил запись тревожной нотой. «Мы вступили на путь многих реформ, значение которых теперь нельзя с полной вероятностью определить. Сила потока, в который мы ринулись, увлечет нас туда, куда мы не можем предвидеть»[27]. Либеральный профессор московского университета, публицист и цензор, сын крепостного, Никитенко нашел удачное слово — поток. После «застоя» николаевской эпохи Россия ринулась в поток. Чтобы разобраться в сути реформ, следует говорить о них поочередно, но готовились они все одновременно. Осенью 1861 г. Александр II требует поторопиться с реформой суда, в январе 1862 г. военный министр Дмитрий Милютин представляет проект военной реформы. 1 января 1864 г. вступает в силу земская реформа, 20 ноября того же года — судебная реформа. 6 апреля 1865 г. оглашаются Временные правила о печати, меняющие положение печатного слова в стране.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях — земская реформа — вводило систему местного самоуправления в 34 губерниях России. Исключались из закона 9 западных губерний, где правительство опасалось влияния «неблагонадежного» польского элемента (еще догорало восстание, вспыхнувшее в Царстве Польском в январе 1863 г.). Земские учреждения были созданы в уездах и губерниях. Они состояли из собраний — совещательного и контрольного органа, а также управ — исполнительного органа. Депутаты — гласные — избирались населением, разделенным на три разряда: землевладельцы, городские общества и сельские общества. Количество гласных от каждой группы было неодинаковым, дворяне составляли более 40%, крестьяне — около 39%. В круг ведения земских учреждений входили местные дела, в том числе образование, медицинская служба. Правительственная власть — губернаторы и министр внутренних дел — осуществляла общий надзор, прежде всего с точки зрения соблюдения законности.

Земская реформа, как и все другие, критиковалась за ограничение сферы деятельности местного самоуправления, за излишне пристальное внимание правительственных органов (которое в следующее царствование станет значительно тяжелее). Реформу упрекали в том, что она остановилась на полпути — не было введено Всероссийское земство, проект которого предлагал Сперанский. Но это был бы орган, чрезвычайно напоминавший парламент, который Александр II «одним дворянам давать не хотел, всем сословиям опасался»[28].

Несмотря на слабости и недостатки земской реформы, местное самоуправление сыграло значительную роль в развитии России. Выступая 17 февраля в 1995 г. в Москве на Всероссийском совещании о местном самоуправлении, Александр Солженицын назвал земство, которое он призвал воссоздать, «ключевой проблемой в судьбе России»[29].

В 1870 г. всесословное самоуправление было распространено на города. Для гласных и их избирателей был установлен имущественный ценз: право избирать и быть избранным имели только домовладельцы. Главным органом городского самоуправления стала городская дума, избираемая на 4 года.

Важнейшим шагом на пути обновления государственного механизма стала реформа суда. Все историки согласны, что судебная реформа, во-первых, была самой удачной, самой последовательной. Ее проведению не мешали сословные конфликты, как это было при подготовке других реформ. Она была, во-вторых, лучше всех, наиболее систематично подготовлена. 20 ноября 1864 г. царский рескрипт объявил об открытии суда «скорого, правого, милостивого и равного для всех». Судебная власть отделялась от административной, вводилась несменяемость судей (значительно повышалось их жалование — от 2200 до 9000 рублей в год), судопроизводство стало публичным и гласным, учреждалась присяжная адвокатура. Был введен институт присяжных заседателей. В уездах и городах для решения малозначительных уголовных и гражданских дел закон учредил мировой суд. Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями или городскими думами.

Александр II, предлагая подготовить реформу суда, дал указание преобразовать судебную часть «на основании опыта науки и европейских государств». Это — было сделано. В 1969 г. Корней Чуковский, отмечая в своем дневнике, что он редактирует том статей и воспоминаний Анатолия Кони, знаменитого судебного деятеля эпохи реформ, писал: «Кони был праведник и великомученик. Он боролся против тех форм суда, какие существуют теперь, — против кривосудия для спасения государственного строя. Ирония судьбы, что эти благородные книги печатаются в назидание нынешним юристам»[30]. Можно говорить об «иронии судьбы», можно называть это иначе, но советский суд был во всех отношениях хуже русского суда, созданного в 1864 г.

В апреле 1865 г. ослабляется цензурный гнет, который в николаевскую эпоху принял гротескные формы. Алексей Никитенко, позднее многолетний цензор, рассказывает, что из его работы «О политической экономии» подверглась, в частности, цензуре фраза: «Адам Смит полагал свободу промышленности краеугольным камнем обогащения народов». Цензор вычеркнул слово «краеугольный», ибо «краеугольный камень есть Христос, следовательно, сего эпитета нельзя ни к чему другому применить»[31]. В 1857 г. Федор Тютчев направил записку «О цензуре в России» члену Государственного совета и министру иностранных дел князю Михаилу Горчакову. Поэт и дипломат, долгие годы цензор иностранной литературы, приходившей в Россию, Федор Тютчев ставил проблему по-новому. «Цензура, — пишет он, — служит пределом, а не руководством. А у нас в литературе, как и во всем остальном, вопрос не столько в том, чтобы подавлять, сколько в том, чтобы направлять»[32].

Новый цензурный устав учел эту мысль. Была отменена предварительная цензура для книг (не для брошюр) и для некоторых повременных изданий. Был введен институт ответственного редактора, который отвечал за вышедшую публикацию.

Новый университетский устав, изданный 18 июня 1863 г., значительно расширил пределы академической свободы, права студентов самим решать научные проблемы, объединяться в кружки, ассоциации. Были отменены вступительные экзамены, но более строгими стали выпускные. Это повысило уровень университетской науки.

Целое десятилетие заняла одна из важнейших для русской империи — военная реформа. Заняв в 1861 г. пост военного министра, Дмитрий Милютин приступил к реорганизации военной системы, пороки которой убедительно продемонстрировала Восточная война. Еще до начала реформы были закрыты военные поселения и школы кантонистов — солдатских детей, куда также призывали еврейских детей с 12 лет на 25-летнюю службу. В 1859 г. срок службы в армии был сокращен до 15 лет, во флоте — до 14.

Дмитрий Милютин преобразовал центральное управление: военное министерство освобождалось от мелочной опеки армии.

Страна была разделена на военные округа, которые стали связующим звеном между центром и войсками. Эта структура сохраняется в России и сегодня. Была реформирована военно-учебная часть: создана система военных училищ — пехотных, кавалерийских, артиллерийских и инженерных. Завершением военной реформы стало введение 1 января 1874 г. всеобщей воинской повинности. Общий срок службы определен в 15 лет: 6 — в строю, 9 — в запасе. Тяжелые телесные наказания для штатских были отменены судебной реформой. Военная реформа отменила наказания шпицрутенами, «кошками» (трехххвосткой плетью) для военных. Военный суд был организован на принципах судебной реформы 1864 г.

Всеобщее недовольство

Момент освобождения велик потому, что им посажено первое зерно всеобщего неудовольствия правительством.

Прокламация «К молодому поколению»

Всеобщее облегчение, испытанное Россией после смерти Николая I, было вызвано убеждением, что хуже быть не может. Следовательно — будет лучше. Наступило время надежд, уверенности, что «оттепель» принесет весну и лето, полное плодов. В XVIII в. время измеряли эпохами: эпоха Петра I, Екатерины II. эпохой считалось и царствование Александра I. Затем часы стали идти быстрее и время начали отсчитывать не только по переменам на троне, но и по эволюции настроений просвещенного общества. Стали считать — поколениями. Люди 20-х годов, жадно желавшие перемен, потерпели поражение в декабре 1825 г. Поколения 30-х и 40-х годов ушли в философию, выработали идеологические концепции, создали умственные движения, ставшие руслом интеллектуальных, политических, моральных споров на протяжении всего XIX и XX вв. Поколение 50-х годов, современники высшей точки развития николаевской системы, жесточайшего цензурного гнета, дало русской литературе величайших ее представителей. В это время вступили в литературу Гоголь, Достоевский, Тургенев, Салтыков-Щедрин... Парадоксальное столкновение беспощадной (часто — бессмысленной) цензуры и блестящего расцвета литературы (прозы, но также поэзии, журнальной деятельности) позволяет увидеть время иначе, чем его видели современники.

Люди 60-х годов ждали перемен, знали, что реформы необходимы, участвовали в их разработке и проведении. «Шестидесятник» — звучало гордо, означало человека прогрессивных взглядов, желавшего сдвинуть Россию, поставить ее в ряд передовых держав.

Через сто лет после реформ Александра II советские «шестидесятники» верили, что они продолжают дело своих предков.

Хмельные годы ожидания и подготовки реформ радостно кружили головы. Первые же реформы, в том числе ликвидация крепостного права, вызвали разочарование, а затем недовольство, которое, нарастая, становилось всеобщим. Одни, помещики, были недовольны, ибо — теряли, другие, крестьяне, были недовольны, ибо — получили слишком мало, слишком дорого. Значительная часть бюрократического аппарата считала, что перемены приходят слишком быстро, многие считали, что они идут слишком медленно.

Реформы дали мощный толчок экономическому развитию страны. Началась «железнодорожная горячка»: 979 верст железнодорожных линий в 1857 г. превратились в 1863 г. — в 3071 версту. В 1881 г. в России имелось 21900 верст железных дорог. В 60-е годы ежегодно строилось по 500 верст, а в 70-е годы — по 1400 верст железнодорожных путей. Строительство велось почти исключительно частными предпринимателями. Государственная телеграфная сеть насчитывала в годы Крымской войны 2000 верст, к 1880 г. она составляла 74863 версты. В 1865 г. американская компания «Вестерн Юнион телеграф» подписала соглашение с Россией о строительстве телеграфной линии в Европу, которая пересекла бы империю — через Берингов пролив, Камчатку, Сибирь — вплоть до западной границы. Джордж Кеннан, проехавший по маршруту предполагаемой линии, рассказывает, что все было готово. Проект не был реализован только потому, что конкурентная американская компания успела проложить атлантический кабель, связав Америку с Европой по дну океана. Американский путешественник свидетельствует, в частности, о прочности русских финансов: за 11 долларов золотом давали 15 серебряных рублей[33].

С 1856 г. открываются пароходные общества — сначала на Черном и Азовском морях, а затем и на других внутренних морях России. Увеличиваются производство чугуна и железа, добыча угля. Возникает Петербургский фабрично-заводской район.

По сравнению с западными странами успехи в абсолютных цифрах были относительными. Для России экономический толчок был очень значительным. Началась, как стали выражаться в XX в., модернизация народного хозяйства — прямой результат модернизации государственной системы. Примерно в это же самое время приступает к модернизации феодальная Япония. Причиной, как и в России, было поражение, осознание слабости. Во второй половине 50-х годов американцы, англичане, русские вынуждают Японию открыть свои порты, подписать неравноправные договора. В результате гражданской войны сторонники модернизации свергают абсолютистский режим шогуна, передают власть императору. Революция 1868 г. открыла путь буржуазной монархии. Последовавшие реформы шли параллельно русским, но более последовательно строя капиталистическую систему. Введение частной собственности на землю, например, не было ограничено оговорками, имевшимися в русских законах об отмене крепостного права.

Главное различие состояло в том, что японское общество не оказывало сопротивления реформам. Всеобщее недовольство в России выражалось и практически, и идеологически. Недовольство основной массы населения — крестьян имело под собой основательные причины. Крестьяне ждали «золотой воли», царского манифеста, который отдал бы им всю землю, которую они обрабатывали, причем без выкупа. Манифест 1861 г. был воспринят как фальшивка, изготовленная помещиками, подделавшими волю государя. Число крестьянских волнений, сопровождавшихся вмешательством войск, убедительно свидетельствует о разочаровании: в 1859 г., когда начались разговоры о «воле», оно составило 161; в 1861 г., после Манифеста 19 февраля, — 1859. Затем, в 1863 г. это число уменьшилось до 509. Общее количество волнений за *пятилетие* «освобождения» достигло 3579. Два десятилетия спустя — в 1878—1882 гг. — отмечено всего 136 крестьянских волнений. Советский историк, делавший эти подсчеты, дал для сравнения цифру крестьянских волнений в Ирландии в этот же период (1878—1882): по данным «Рапорта» английского парламента эта цифра составляла 11624[34].

Крестьянство примирилось с практической стороной реформы, но следы недовольства остались в сознании, сыграв важнейшую роль в начале XX в.

Обоснованным было недовольство помещиков. Они получили деньги за землю (для многих, плохо хозяйничавших, обедневших, это было внезапное богатство), но потеряли власть, положение единственного свободного сословия в России.

Недовольна была и бюрократия, хотя именно она (небольшая часть с энтузиазмом, подавляющая — неохотно) готовила и реализовала реформы. Перемены, происходившие во второй половине XIX в. в России, были важнее реформ Петра I. Первый русский император развивал, укреплял самодержавную власть, а Александр II согласился на принципиальное ослабление самодержавия. После ликвидации крепостного права самодержавие было обречено: оно могло трансформироваться в парламентарную монархию, могло (как это случилось) погибнуть. Василий Ключевский пишет: «Павел, Александр I и Николай I владели, а не правили Россией...»[35].

Править было несравненно труднее, чем владеть, — как для императора, так и для служившего ему лично бюрократического аппарата. Александр II чувствовал себя не очень уютно в роли реформатора. Прочитав однажды в представленной ему записке выражение «прогресс гражданственности», император сделал пометку на полях: «Что за прогресс!!! Прошу слова этого не употреблять в официальных бумагах». В результате было запрещено употреблять слово «прогресс» в печати[36]. Александр II, мучительно преодолевая внутреннее сопротивление, осуществлял реформы, ибо видел в них единственную возможность восстановить мощь империи после тяжелого поражения, восстановить престиж и позицию России на международной арене. Высший бюрократический аппарат подчинялся воле государя, понимая, что своими руками ломает систему идеального самодержавия.

Всеобщее недовольство было вызвано в большей степени причинами практическими, чем идеологическими. Мамона пугает всех. Слово греческого происхождения — мамона, означавшее в Церковном языке наживу, стяжательство, жадность, в политическом словаре эпохи означало — капитализм, отказ от особого русского пути. Служение мамоне осуждали славянофилы, настаивавшие всегда на полной однородности русского народа и внезапно увидевшие, как раскалывают народ «материальные похоти, банки, концессии, акции, дивиденды», как крестьянскую общину — палладиум русского духа — разлагают кулаки. Первая революционная прокламация «К молодому поколению», написанная в России Николаем Шелгуновым и Михаилом Михайловым, напечатанная в Лондоне и распространявшаяся на родине авторов в 1861 г., начиналась призывом: если Романовы «не оправдывают надежды народа — долой их!». А далее, требуя выборной и ограниченной власти, уничтожения цензуры, развития начал самоуправления, открытого суда и уничтожения явной и тайной полиции, авторы настаивали, что «землю нельзя продавать, как продают картофель и капусту». Экономические тенденции, появившиеся в России после освобождения, говорилось в прокламации, «черствят человека; они ведут к сословному разъединению, к привилегированным классам». В ужасе они предупреждали. «Хотят из России сделать Англию и напитать нас английской зрелостью. Нет, мы не хотим английской экономической зрелости, она не может вариться русским желудком».

В 1856 г. славянофил Сергей Аксаков писал сыну Ивану о пороках западной цивилизации и делал вывод: «У нас, по крайней мере, есть будущее, а в Европе его уже нет». В 1861 г. революционеры Н. Щелгунов и М. Михайлов пишут: «Мы народ запоздалый, и в этом наше спасение. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ее несчастья, ее безвыходное положение — урок для нас. Мы не хотим ее пролетариата, ее аристократизма, ее государственного начала и ее императорской власти»[37]. Вина за императорскую власть, открывшую после 1861 г. дорогу капитализму в России, по мнению авторов «К молодому поколению», также лежала на Европе.

Великий сатирик Салтыков-Щедрин подвел итоги александровских реформ в очерках «За рубежом», печатавшихся в журнале «Отечественные записки» в 1880—1881 гг.

Оказавшись за границей, русский писатель изложил свое мнение об идеологической конфронтации Россия—Запад, капитализм — русский путь развития. Во сне он увидел и услышал спор двух мальчиков: один был в штанах, другой — без штанов. Первый был немец, второй — русский. Все их разделяет: мальчик в штанах живет хорошо, чисто, сытно, в его стране и деревне — порядок, мальчик без штанов живет в грязи, впроголодь, его беспощадно бьют. Но мальчик без штанов отмечает, что, во-первых, у «нас занятнее», а во-вторых, немцы «за грош черту душу продали». Это капитализм: за грош, за наживу, мамону необходимо расстаться с душой, продать ее черту. Мальчик в штанах ему отвечает: «Про вас хуже говорят: будто вы совсем задаром душу отдали». На что русский мальчик формулирует смысл революционной идеологии: «Задаром-то я отдал — стало быть, и опять могу назад взять...»

В январе 1861 г. популярный журнал «Библиотека для чтения» опубликовал в приложении «Старый порядок и революция» де Токвиля. Рецензии на книгу французского историка появились в русских журналах сразу же после того, как она вышла в 1856 г. в Париже. Сделанный Токвилем анализ попыток реформирования старого режима, его размышления о невозможности спасти монархию, желающую облегчить участь верноподданных, если ее не возглавляет гениальный человек, были чрезвычайно актуальными в России Александра II. Стоит отметить, что «Старый порядок и революция» вновь вошли в моду в России конца XX в. Интерес к работе французского историка в 60-е годы XIX в. объяснялся, в частности, тем, что император казался слишком слабым для проведения реформ. Тем более, что у всех в памяти был его отец. Секретарь прусского посольства в Петербурге Курд Шлёцер записал в дневник 24 июля 1857 г.: «Императора ругают неслыханным образом... Николай I мог делать, что хотел; он был, во всяком случае до 1854 г., в ореоле власти, восхищались его силой, энергией, принимали резкие, жестокие меры, как нечто естественное... Теперь все переменилось. Теперь говорят о мягкости, любезности, ибо император действительного мягок и любезен. Но стоит ему хотя бы один раз выразиться резко и дать суровый приказ, немедленно люди смотрят друга на друга и спрашивают: что ему пришло в голову? Так мог поступать старый император, а этот?» 2 января 1858 г. Курд Шлёцер регистрирует: «Недовольство всеобщее. Офицеры, которые лишились энергичного, жестокого царя, называют сегодняшнего: «Старая баба»[38].

«Новые люди»

Революция, революция кровавая и неумолимая, — революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка.

Прокламация «Молодая Россия». 1862

В мае 1862 г. в Петербурге и больших провинциальных городах появилась прокламация, озаглавленная «Молодая Россия». Она начиналась словами: «Россия вступает в революционный период своего существования». Имелась в виду не «революция сверху», а беспощадная народная революция. Помни, говорилось в прокламации, «кто не будет с нами, тот будет против; кто против — тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами»[39]. Полиция не нашла автора: 20-летний студент Петр Заичневский сидел в московской тюрьме, осужденный на короткий срок за революционную пропаганду. Сидя в камере, молодой революционер изложил в сжатой, ясной форме идеи, обсуждавшиеся в небольшом студенческом кружке, на собраниях которого присутствовал ставший всемирно

известным через полтора десятка лет Сергей Нечаев. Английский историк Тибор Самуэли пишет, что Заичневский вряд ли мог предвидеть сенсационный эффект, произведенный прокламацией на радикальные круги России и ее огромное влияние на будущее развитие революционного движения. «Он создал революционное направление, известное как «русский якобизм»[40]. Петр Заичневский помнит о революционных предках, но предупреждает: «Мы будем последовательнее не только жалких французских революционеров 1848 г., но и великих террористов 1792 г., мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито французскими якобинцами...». Русские якобинцы обещали быть по крайней мере в три раза эффективнее французских.

Год спустя, в 1863 г., журнал «Современник» опубликовал роман «Что делать?». Его автор Николай Чернышевский сидел в Петропавловской крепости, но цензор пропустил книгу, считая, что она так плохо написана и так скучна, что читателей у нее не будет. Ни одна книга в русской литературе не имела такого сильного и длительного влияния на русское общество. «Что делать?» стала революционной Библией. «Она глубоко перепахала меня», — вспоминал Ленин, ставивший Чернышевского рядом с Марксом, как автора, наиболее повлиявшего на него.

Николай Чернышевский не только давал ответ на вопрос: что делать? — Делать революцию. Он называл также тех, кто ее должен был делать, т.е. ею руководить. В подзаголовке романа значится: «Рассказы о новых людях».

Всеобщее недовольство царило в России. Все группы населения имели претензии к реформам, все хотели их улучшить. Только одна группа отвергала реформы вообще и хотела революции. Это была новая социальная группа, и она ищет для себя название. Сначала появляется слово: разночинцы. Так называли общественный слой, начавший складываться в 50-е годы. В него входили дети духовенства, купечества, мещанства, получившие образование в университетах. Во второй половине XIX в. большинство студентов были выходцами из нуждающихся семей. 3/4 из них получали государственное пособие или стипендии филантропических организаций. В 1886 г. чрезвычайно плодовитый писатель Петр Боборыкин, мгновенно откликавшийся на актуальные темы в романах и пьесах, сочинил слово «интеллигенция» и производные от него — интеллигент, интеллигентный. В русском языке было слово «интеллектуальный». «Карманный словарь», подготовленный петрашевцами, переводил его как «духовный».

Слово «интеллигенция» имело иной смысл. Им обозначался общественный слой, который, как утверждал радикальный литературный критик Дмитрий Писарев, с 1840—1868 гг. является движущей силой истории. Интеллигенцию составили разночинцы, соединившиеся с «кающимися дворянами», детьми помещиков, чувствовавших свою «вину» перед народом. Образование не было необходимым атрибутом интеллигента. Недоучившийся студент был им. Федор Достоевский или Лев Толстой в «интеллигенцию» не входили. Не только потому, что они этого не хотели, но и потому, что их не принимали — за реакционность. Интеллигенция видела себя «духовным орденом», посвятившим свою жизнь делу освобождения народа, для чего была совершенно необходима революция.

Выходцы из разных «чинов», они не чувствовали себя дома нигде. Будучи частью общества, они ощущали себя вне его. Осознавая свое отличие от всех других, они стали называть себя «новыми людьми». Один из них, Николай Шелгунов, вспоминал о чувствах, вызванных известием о смерти Николая I: «Надо было жить в то время, чтобы понять ликующий восторг «новых людей», точно небо открылось над ними, точно у каждого свалился с груди пудовый камень, куда-то потянулись вверх, вширь, и захотелось летать»[41].

1862 г. Иван Тургенев одарил русский словарь новым словом — нигилист. Так называл себя герой его романа «Отцы и дети» Базаров. Задуманный писателем как пародия на влиятельнейшего радикального литературного критика Николая Добролюбова (1836—1861), Базаров стал моделью «нигилиста», отвергавшего все и вся. Афоризм Базарова — дух

разрушающий есть дух созидающий — становится программой «новых людей», «нигилистов» — интеллигенции. Дмитрий Писарев, один из наиболее ярких лидеров интеллигенции в 60—70-е годы, излагал эту программу в нескольких пунктах: «...что можно разбить, то и нужно разбивать, что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам, во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть»[42].

Жозеф де Местр предупреждал в начале XIX в., что главная опасность для России не крестьянский бунт, а «Пугачевы из университета». Во второй половине XIX в. они появились. Выломившись из государственных структур, освободившись от государства, «новые люди» взяли на себя миссию освобождения народа. Они не сомневались в своем праве руководить народом Во-первых, потому что их целью было народное благо. Во-вторых, потому, что они знали, как дать народу то, что ему нужно, даже если сам народ не осознает своих потребностей. Курляндский губернатор Петр Валуев писал в «Думе русского», разошедшейся в тысячах списках после смерти Николая I. «Везде преобладает у нас стремление сеять добро силой»[43]. Будущий министр Александра II имел в виду государственный аппарат. Но ту же самую тенденцию «сеять добро силой» проявляет враждебная государству интеллигенция. «История русской общественной мысли есть история русской интеллигенции», — пишет Иванов-Разумник.[44] И он же называет «знаменем русской интеллигенции» литературного критика Виссариона Белинского (1811—1848) «Неистовый Виссарион», как называли его поклонники, «предшественник полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении», как писал о нем Ленин, дал определение роли писателя в русском обществе. Наша публика права, писал Белинский. Она видит в русских писателях единственных вождей, защитников и спасителей от губительного самодержавия. И критик делает вывод: поэтому публика всегда готова простить писателю плохую книгу, но никогда не простит ему вредную.

Некрасов так изложит мысль Белинского: «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Иначе говоря, искусство вторично, правильная тенденция — первична.

Эта эстетическая концепция отдавала власть над умами читателей литературным критикам: они определяли, какая книга хорошая, какая плохая, какая вредная. В результате возникла ситуация уникальная: вождями общественной мысли и общественного движения стали литературные критики. После Белинского пришел Писарев, затем — Чернышевский, затем Добролюбов.

В романе «Что делать?» Николай Чернышевский составляет иерархию «новых людей»: они представляют собой руководящий слой, но из них вырастают вожди, «соль земли русской». Писатель сообщает, что встретил только «восемь образцов этой породы». Моделью «этой породы» стал герой романа — Рахметов, сознательно, интеллектуально и физически готовивший себя к власти над Россией. В ходе подготовки, что поразило читателей, Рахметов, в частности, спал на гвоздях. Автор «Что делать?» знал, что он предназначен быть вождем. В письме жене из крепости он объяснял: «Со времени Аристотеля не было сделано еще никем того, что хочу делать, и буду я добрым учителем людей в течение веков, как был Аристотель...»[45].

Наличие вождей, руководителей, предполагало существование массы, народа, руководимых. Михаил Бакунин предупреждал. «Нужно, чтобы ум наш выучился понимать ум народа и чтобы Наши сердца приучились биться в один такт с его великим, но Для нас еще темным сердцем. Мы должны видеть в нем не средство, а цель, не смотреть на него как на материал революции по нашим идеям, как на «мясо освобождения»[46]. Представление о том, что народ является «мясом освобождения», было широко распространено среди «вождей». Виссарион Белинский пишет 28 июня 1841 г. в письме единомышленнику: «Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную...»[47]. Двадцать лет спустя авторы прокламации «Молодая Россия» заявляют, что если для реализации их программы нужно

будет уничтожить сто тысяч помещиков, они не испугаются. Представьте себе, предлагает «Молодая Россия», что в один прекрасный день исчезнут все министры, вся аристократия, все помещики. Россия даже не заметит этой потери. В 1819 г. такое предложение сделал Сен-Симон, говоря о Франции. Он предлагал представить себе исчезновение 30 тыс. ненужных. Русские революционеры говорят о 100 тыс.

Дело было не только в большей численности русского населения. Радикальность русской интеллигенции нарастала с каждым днем. 17-летний Петр Ткачев, один из главных творцов идеологии «нового человека», объявлял, что успех революции будет обеспечен, если всем жителям Российской империи старше 25-лет отрубят головы[48]. Литература зарегистрировала образ революционера. Одобряя или порицая. Николай Чернышевский делает Рахметова моделью вождя. Николай Лесков в романе «Некуда», выброшенном из истории русской литературы либеральными критиками, дает слово нигилисту Бычкову: «Залить кровью Россию, перерезать все, что к штанам карман пришило. Ну, пятьсот тысяч, ну, миллион, ну пять миллионов... Ну что же такого? Пять миллионов вырезать, зато пятьдесят пять останется и будет счастливо»[49]. В 1871 г., через семь лет после Лескова, Федор Достоевский публикует «Бесы». «Фанатики человеколюбия», как выражается писатель, нарисованы несравненно выразительнее, чем у Лескова, но говорят они то же самое. Шигалев, один из главных «бесов», предлагает «рай, земной рай, и другого на земле быть не может». Для достижения этого рая необходимо уничтожить девять десятых человечества: в раю будут жить оставшиеся.

60-е годы, начавшиеся ликвидацией крепостного права, открывшие эпоху реформ, приносят России предчувствие приближающейся бури. «Ультрапрогрессисты» — как выражается Никитенко, «нетерпеливцы» — как обозначает их Лесков, хотят революции. В сентябре 1861 г. студенты Петербургского университета после увольнения профессора Павлова, лекции которого о тысячелетии России не понравились цензуре, забастовали. Это была первая в истории страны студенческая забастовка. Ее поддержало подавляющее большинство профессоров. Говорить плохо о правительстве стало модным, заносит в дневник А. Никитенко. «Колокол» Герцена, читаемый всей просвещенной Россией и особенно внимательно при дворе, торжествует: «Со всех сторон огромной родины нашей: с Дона и Урала, с Волги и Днепра растет стон, поднимается ропот — это начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями...». Волнения студентов побуждают лондонского изгнанника в статье «Третья кровь» писать: «... к польской, крестьянской крови прибавилась кровь лучшей молодежи Петербурга и Москвы». Александр Герцен преувеличивал — студенческой крови не было: забастовщиков арестовывали, но вскоре освобождали — посылали в ссылку или увольняли из университета. Власти растерялись и не знали, что делать. Герцен звал студентов: не жалейте вашей крови. Ваши раны — святые, вы открываете новую эру нашей историю, с вашей помощью Россия входит во второе тысячелетие, которое, по-видимому, может начаться изгнанием варягов за море... Редактор «Колокола» имел в виду изгнание Романовых — потомков Рюрика.

Русские города, в том числе и столицы, горели часто — к этому все привыкли. Но когда 28 мая 1862 г. загорелся Апраксин двор — главное торговое место Петербурга — всем показалось, что революция начинается. Тем более, что по городу ходила прокламация «Молодая Россия», звавшая к убийствам и пожарам. «Власти совершенно потеряли голову. Во всем Петербурге не было тогда ни одной паровой пожарной трубы», — вспоминал Петр Кропоткин[50]. Все убеждены: столицу империи поджигают. Не было сомнений: поджигают «нигилисты» и поляки. Федор Достоевский, недавно вернувшийся из ссылки, пошел к Чернышевскому (в котором все — и он тоже — видели вождя «новых людей») просить, чтобы он прекратил пожары. Поджигателей так и не нашли: может быть, это были террористы, может быть — провокация полиции, а может быть — жгли свои лавки купцы, желая получить страховку.

Правительство принимает меры. Начинаются процессы авторов прокламаций, «нигилистов». Самый крупный из политических процессов этого времени — суд над Чернышевским. Он был обвинен в написании прокламации «Барским крестьянам от их Доброжелателей...». Воззвание Чернышевского объясняло крестьянам, что никакой воли по царскому манифесту 1861 г. они не Получили, что есть страны, например Франция, Англия, где цари находятся под властью народа, который выбирает их и сменяет, если они ему не нравятся. В заключение автор приглашал «барских крестьян» сговориться добывать себе волю втайне, Подговаривать к тому же государственных и удельных крестьян и солдат, а когда все будет готово, он обещал дать сигнал к общему восстанию[51].

17 мая 1864 г. Никитенко заносит в дневник: «Сегодня в полицейской газете «Ведомости С.-Петербургской городской полиции» объявлено, что 19 мая, во вторник, в восемь часов утра будет на Мытнинской площади объявлен приговор Чернышевскому. Он осужден на семь лет каторжных работ и потом на вечное житье в Сибири. Суд приговорил его к 14 годам каторжных работ, но государь половину уменьшил». Через четыре дня Никитенко записывает, что разговаривал со знакомым сенатором, выясняя: доказано ли юридически, что Чернышевский виновен, так как его осудили? Сенатор ответил: «юридических доказательств не найдено, хотя, конечно, моральное убеждение против него совершенно»[52].

Некоторое современные историки полагают, что имеется достаточно доказательств, чтобы «со значительной степенью вероятности считать, что автором прокламации был Чернышевский»[53] По их мнению есть основания считать Чернышевского автором анонимного письма Герцену, опубликованного в 1860 г. в «Колоколе». Автор убеждал редактора «Колокола», что только «топор может нас спасти», и требовал от него «звать Русь к топору».

Государственный совет, осудивший Чернышевского, не имел достаточных улик, но был убежден, что наказывает вождя «новых людей», наводивших ужас на власть.

Политические процессы, закрытие петербургского университета до введения нового устава, закрытие (временное) воскресных школ для взрослых, приостановка (на 8 месяцев) выхода радикальных журналов «Современник» и «Русское слово» и даже (на 4 месяца) славянофильского «Дня» завершали декаду, начатую в 1855 г. Глубокие изменения в результате реформ породили социальный слой — разночинную интеллигенцию, которая заявила о своем праве вести народ к счастливой жизни, выступила ожесточенным противником власти.

Генри Томас Бокль, автор «Истории цивилизации в Англии», оказавшей огромное влияние на русскую интеллигенцию 60—70-х годов, обнаружил, что политическим революциям в Англии XVII в. и во Франции XVIII в. предшествовали эпохи «интеллектуальных революций». 60-е годы XIX в. в России были аналогичным периодом, который, однако, следует назвать эпохой «интеллигентской революции». Столкновение «постепеновцев» — реформаторов и «нетерпеливцев» — сторонников немедленного прыжка вперед, невзирая на жертвы, закончилось административным поражением «ультрапрогрессистов». Их отправили на каторгу, в тюрьмы, в ссылку. Но «интеллектуальная» победа была на их стороне. Революционные идеи продолжали жить. Закончился только пролог к прологу.

Восстание, вспыхнувшее в Царстве Польском в январе 1861 г., объединило вокруг власти русское общество. Александр Герцен, выступивший в защиту поляков, подхвативший их лозунг «за нашу и вашу свободу», сразу же потерял влияние в России.

4 апреля 1866 г. студент Дмитрий Каракозов стрелял в царя, гулявшего в петербургском Летнем саду. «К несчастью промахнулся», — пишет советский историк[54]. Террорист промахнулся, ибо руку с револьвером подбил оказавшийся рядом мастеровой Комиссаров. Человек из народа помешал дворянину (из обедневшей семьи) убить царя.

Впечатление, произведенное на страну, было огромным. Александр II, когда к нему подвели Каракозова, задал логичный вопрос: «Ты, верно, поляк?». «Нет, я чистокровный русский», — был ответ. «Так почему же ты покушался на меня?» — в полном недоумении спросил император, не понимавший, как русский может стрелять в русского царя. И услышал: «А какую свободу ты дал крестьянам?»[55].

Выстрел Каракозова начинал новый виток русского революционного движения.

Через неделю после покушения Никитенко записывает. «Злодеяние, которое чуть было не облекло в траур Россию... показывает, как глубоко проник умственный разврат в среду нашего общества. Чудовищное покушение на жизнь государя, несомненно, зародилось и созрело в гнезде нигилизма — в среде людей, которые, заразившись разрушительным учением исключительного материализма, попрали в себе все нравственные начала...»[56].

Либерально-консервативный профессор и цензор Алексей Никитенко был не прав — русская молодежь, пополнявшая ряды «интеллигенции», попирала только те нравственные начала, которые осуждались ее вождями. Основой нравственности разночинцев было — служение народу. Казнь Каракозова, процесс и осуждение на 20 лет каторги Геннадия Нечаева, обвиненного в убийстве товарища-заговорщика, вызвали замешательство в умах молодежи. И она радостно откликнулась на программу, предложенную Петром Лавровым (1823—1900). Полковник, профессор военного училища Петр Лавров пришел в революционное движение сравнительно поздно. Арестованный и сосланный в Вологодскую губернию в 1868 г., он начинает публиковать в петербургском журнале свои «Исторические письма», которые выходят книгой в 1870 г., разрешенной цензурой. В это время автор бежит из ссылки за границу.

В 1861 г. Герцен, обращаясь к студентам, звал их: «В народ, к народу!» Петр Лавров дает теоретическое, научное обоснование программы деятельности интеллигенции. Дает определение интеллигента: это — критически мыслящая личность. Ставя целью крестьянскую революцию, Лавров считал, что она может произойти только при сравнительно высоком уровне сознательности народных масс. Когда Нечаев приехал из Швейцарии в Россию, в августе 1869 г., он имел при себе членский билет несуществующего «Всемирного революционного союза», подписанный Бакуниным, экземпляр «Катехизиса революционера», печать несуществующей подпольной организации «Народная расправа» и план организации революции — 19 февраля 1870 г., в девятую годовщину освобождения крестьян. Полвека спустя Лев Троцкий убедил Политбюро партии большевиков назначить революцию в Германии на 7 ноября 1923 г. — в годовщину Октябрьской революции.

Петр Лавров был против авантюризма. Ключевым словом его программы стала — пропаганда. Молодежь, прежде всего студенты, услышали призыв. Успех «Исторических писем» можно сравнить только с популярностью «Что делать?» Чернышевского. В университетских городах возникают кружки самообразования, молодежь готовится идти «в народ», приобретает профессии, которые могут пригодиться в деревне. Историк народничества пишет, что стремление «идти в народ» было «актом коллективного руссоизма»[57]. Летом 1874 г. (этим, как его назвали, «безумным летом») молодежь отправилась «в народ», в деревню. Не имея никакого представления о народе, о деревне (хотя среди «ходоков» были и помещичьи дети), пропагандисты немедленно передавались крестьянами властям. Министр юстиции граф Пален в рапорте императору привел цифры: было арестовано 770 человек, в том числе 612 молодых людей и 158 девушек. 265 человек были оставлены в заключении, остальные выпущены на поруки. Только *53* пропагандиста сумели избежать ареста[58].

Идейными противниками Лаврова были Михаил Бакунин, который считал гораздо важнее пропаганды, рассчитанной на долгое время, агитацию, звавшую к немедленным действиям, и Петр Ткачев, звавший к захвату власти. Лавров предупреждал, что захват власти возможен, но это будет всего лишь политическая революция, которая никогда не сможет совершить социальной трансформации страны.

Неудача «хождения в народ» была неудачей идей Петра Лаврова. Революционная молодежь возвращается к тактике прямых действий. Ядро возникающих революционных организаций — «Земля и воля», «Народная воля» — составят участники «похода в деревню». 24 января 1878 г. 27-летняя Вера Засулич стреляет и ранит петербургского градоначальника Трепова. Ее арестовывают на месте. 4 августа 1878 г. 27-летний Сергей Кравчинский (псевдоним — С. Степняк) ударом кинжала убивает на людной улице Петербурга шефа жандармов генерала Мезенцева и скрывается.

Начинается эпоха революционного террора. В жандармов, прокуроров, министров стреляют в разных городах, их пытаются убивать — иногда это удается — кинжалами. Затем появятся бомбы. Дмитрий Каракозов был членом подпольной группы, возглавляемой Николаем Ишутиным и носившей название «Организация». Ее ядром была группа, названная кратко и выразительно — «Ад». 70-е годы видят возникновение революционных организаций. Пока идет процесс создания организованного террористического движения, террористы пугают мнимыми названиями, следуя примеру Нечаева. Прокламации, извещающие о террористических актах, подписываются «Исполнительным комитетом социально-революционной партии» и украшаются печатью, изображающей перекрещенные револьвер, кинжал и топор. Военный министр Дмитрий Милютин записывает в дневник, что Дьявольский план тайного общества терроризировать всю администрацию начинает удаваться[59].

Вера Засулич стреляла в генерала Трепова, ибо он приказал высечь арестованного студента Боголюбова. Закон запрещал телесные наказания дворян. Выстрел был протестом против нарушения закона. Вера Засулич предстала перед судом присяжных, который ее оправдал. Председатель суда Анатолий Кони рассказывает, что накануне процесса министр юстиции граф Пален был страшно поражен, узнав, что суд присяжных может оправдать террористку. «Но ведь по этому проклятому делу правительство вправе ждать от суда и от вас особых услуг». Кони ответил ему «Граф, позвольте вам напомнить слова д'Агюссо королю: «Ваше величество, суд постановляет приговоры, а не оказывает услуги»[60].

Один из крупнейших русских юристов, профессор права Кони знал, что обвинительный приговор Засулич «был бы несомненен в Англии, где живое правосознание развито во всем населении» Решение суда присяжных — оправдать было вызвано недовольством общества правительственной политикой, достигшим новых высот в связи с тем, что тяжелая война с Турцией 1877-1878 гг. закончилась миром, который навязали России европейские государства, лишив ее плодов победы. «Наши присяжные, — писал Кони, — являлись очень чувствительным отголоском общественного настроения»[61]. Услышав оправдательный приговор, зал разразился криками «Браво! Ура! Молодцы!»[62]. Говорили о «взятии Бастилии».

Взрыв террористической деятельности во второй половине 70-х годов стал возможен, ибо недовольство государственной политикой приняло характер активного оппозиционного настроения, которое выражалось, в частности, в доброжелательном отношении к террористам. Последние плавали в обществе, пользуясь выражением Мао Цзедуна, как рыба в воде. В то время как деревня успокаивается, приспосабливается к жизни в пореформенных условиях, образованная часть общества, как сообщает императору председатель Комитета министров Петр Валуев в июне 1879 г., совершенно не поддерживает правительство в его борьбе со сравнительно немногочисленной группой злодеев[63].

Борис Чичерин пишет об атмосфере времени «Оппозиционная мысль всегда может рассчитывать на популярность. У нас нужна некоторая смелость, чтобы самостоятельному человеку поддерживать в литературе правительственное направление. Писатель же, который налагает на себя официальный штемпель, немедленно лишается всякого влияния на общество»[64] Профессор Чичерин знал, о чем он говорит: его взгляды, шедшие наперекор общественному мнению, вызывали негодование «властителей дум». Рядом с правительственной цензурой возникает, как выражался Борис Чичерин, «либеральная

жандармерия», категорически осуждающая проправительственные и антиреволюционные взгляды. В ответ на рождение «нигилизма» появляются романы «антинигилистического» толка. Их авторы, в том числе крупнейшие писатели эпохи — Николай Лесков, Алексей Писемский, Павел Мельников-Печерский, практически вычеркиваются из истории русской литературы.

Алексей Суворин, хозяин влиятельнейшей консервативной газеты «Новое время», записал тайнописью в дневник свой разговор с Достоевским 20 февраля 1880 г., в день очередного террористического акта — покушения Ипполита Млодецкого на графа Лорис-Меликова, поставленного во главе Верховной распорядительной комиссии для борьбы с революционным движением. Взволнованный автор «Бесов» задал Суворину вопрос: если бы мы с вами услышали случайно на улице о готовящемся взрыве Зимнего дворца, обратился бы он (Суворин) к полицейскому, чтобы арестовали заговорщиков, или нет? Суворин ответил: «Нет, не пошел бы». Достоевский подтвердил: «И я бы не пошел». Писатель объяснил, что, раздумывая над вопросом, он собрал все причины, которые бы диктовали обращение в полицию. «Причины основательные, солидные». А затем — причины, которые не позволили бы, причины ничтожные: «Просто — боязнь прослыть доносчиком... Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния»[65].

Федор Достоевский не случайно говорил о взрыве Зимнего дворца. 5 февраля 1880 г. резиденция императора была взорвана. Только случай — Александр II задержался и пришел в столовую с опозданием — спас царя. Было убито много солдат, еще больше было раненых. Выстрел Каракозова был первым покушением на жизнь царя-Освободителя. 6 июня 1867 г. в Александра II стрелял в Париже поляк Александр Березовский. Затем наступила пауза. Подъем террористической деятельности — после выстрела Веры Засулич, кинжала Степана Кравчинского — привел к решению террористических групп совершить, как стали говорить в начале XX в., «центральный акт»: убить царя. 2 апреля 1879 г. Александр Соловьев — 30 лет, бывший учитель, разочаровавшийся неудачным «хождением в народ» — стреляет в Александра II, совершавшего свою обычную прогулку по Петербургу. Арестованный террорист объясняет свой поступок: «Под влиянием размышлений по поводу прочитанных мною книг чисто научного содержания и, между прочим, Бокля и Дрэпера, я отрекся даже и от верований в Бога, как в существо сверхъестественное... Мысль покуситься на жизнь его величества зародилась у меня под влиянием социально-революционных учений; я принадлежу к русской социально-революционной партии...».

Еще в 1863 г. возникает «антиправительственная организация», как говорится в ее прокламации, называющая себя «Общество «Земля и воля». Она существует очень недолго. Летом 1879 г. общество раскалывается: сторонники социалистической пропаганды объединяются в организацию «Черный передел», сторонники террора — в партию «Народная воля». Исполнительный комитет «Народной воли» выносит смертный приговор императору. Со 2 апреля 1879 г. до 1 марта 1881 г., когда Александр II был убит, идет настоящая охота на царя. Немногочисленная (два десятка членов), но фанатически преданная своей идее террористическая организация организует одно за другим покушения: взрыв Зимнего дворца, взрыв поезда, закладка мин. Царя обкладывают со всех сторон, как медведя. И после каждого покушения Исполнительный комитет публикует прокламацию, обещая продолжать охоту.

Историк русской тайной полиции Рональд Хингли пишет, что на вопрос: почему «эти молодые люди» посвятили себя убийству государя? — нет ясного ответа. Некоторые могли думать, что убийство царя станет сигналом к народному восстанию, другие надеялись — наивно, что преемник убитого приступит к либеральным реформам. Для большинства из террористов, дает свой ответ историк, настойчивое желание убить императора было не рациональным, а эмоциональным импульсом, рожденным неспособностью революционеров оказать влияние на общество[66].

Программа Исполнительного комитета объясняла, что «террористическая деятельность... имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы»[67]. С этой точкой зрения были вполне согласны, выражая ее более решительно, Маркс и Энгельс — будущие учители русской революции. «Агенты правительства, — писал Фридрих Энгельс в марте 1879 г. о России, — творят там невероятные жестокости. Против таких кровожадных зверей нужно защищаться как только возможно, с помощью пороха и пуль. Политическое убийство в России — единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханно деспотического режима». Шесть лет спустя Карл Маркс подтвердил взгляд своего друга, считая, что террор народовольцев «является специфически русским, исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало следует морализовать — за или против, как по поводу землетрясения на Хиосе»[68].

Режим Александра II был несравненно мягче режима Николая I, но его смягчение, подтверждая тезис Токвиля, вызывало нараставшее возмущение противников. В атмосфере реформ и либерализации системы теряет свою былую эффективность в борьбе с антиправительственными силами III отделение. После покушения Каракозова подает в отставку шеф жандармов и главноуправляющий III отделения князь Долгоруков. Его место занимает граф Петр Шувалов, которому на несколько лет удается задержать рост терроризма. В 1874 г. царь отсылает Шувалова послом в Лондон, недовольный излишним влиянием на государственные дела, которое приобрел шеф жандармов, получивший прозвище «Петр IV». III отделение в течение 4 лет меняет трех начальников. Сначала охрану государства и императора поручают генералу Потапову, человеку с «куриными мозгами», как записал в дневник Валуев. На его место вскоре приходит генерал Мезенцев, который позволяет недопустимую для главы тайной полиции ошибку — позволяет зарезать себя кинжалом на улице. Его преемник Александр фон Дрентельн не смог помешать ни выстрелу Соловьева, ни взрыву Зимнего дворца. При Дрентельне террористы внедряют своего агента Николая Клеточникова в III отделение и получают возможность иметь необходимую информацию из недр тайной полиции. Он сообщал революционерам имена агентов III отделения, которых убивали.

III отделение не бездействует. Идут политические процессы. Например, за один только год (с сентября 1876 по сентябрь 1877 г.) прошло 17 процессов. Число подсудимых постоянно увеличивается: в феврале 1877 г. судят 50 человек, 18 октября 1878 г. начинается «процесс 193-х». Подсудимые, как правило, молоды (20—25 лет), в их числе немало женщин. На «процессе 50-ти» судили юных, почти девочек, революционерок.

Выстрел Веры Засулич показал, что русские женщины решили не ограничиваться пропагандой.

Во главе «Народной воли», приговорившей Александра II к смерти, стоял сын крепостного крестьянина Андрей Желябов (1851—1881) — отличный организатор, пользовавшийся высоким авторитетом среди товарищей. Когда он был арестован, исполнение приговора взяла на себя его подруга, дворянка, дочь губернатора Петербурга Софья Перовская (1853—1881). 1 марта 1881 г. она вывела на маршруты, которыми мог ехать император, метальщиков бомб, контролируя до последней минуты операцию. Александр Солженицын рассказывает подлинную историю: в 1937 г. в московском музее революции сняли портреты Желябова и Перовской. К двадцатилетию революции, повествует автор «В круге первом», Сталин «решил сам посмотреть экспозицию музея, не напутали ли там чего. И в одном зале... он с порога внезапно прозревшими глазами увидел на верху противоположной стены большие портреты Желябова и Перовской. Их лица были открыты, бесстрашны, их взгляды неукротимы и каждого входящего звали: «Убей тирана!». Как двумя

стрелами, пораженный в горло двумя взглядами народовольцев, Сталин тогда откинулся, захрипел, закашлялся и в кашле пальцем тряс, показывая на портреты. Их сняли тотчас»[69].

Александр Солженицын недаром упоминает призыв: «Убей тирана». Толчком к началу покушений на Александра II было убийство президента США Авраама Линкольна 15 апреля 1865 г. В России хорошо знали, что убийца Джон Уилкс Бус, выстрелив в президента, крикнул: Sic semper tirranis (так всегда будет с тиранами!).

Не был, конечно, тираном президент Авраам Линкольн. Но не был им и наследственный монарх — Александр II. Судьба или террористическая случайность — без железной воли Софьи Перовской покушение 1 марта 1881 г. вряд ли бы удалось — помешали императору Александру II продолжить реформы, которые он начал четверть века назад, вступив на трон.

После взрыва Зимнего дворца (5 февраля 1880 г.) Александр II вызвал в Петербург харьковского генерал-губернатора, героя последней Турецкой войны Михаила Лорис-Меликова. Он был сначала назначен председателем Верховной распорядительной комиссии, которой вручили безопасность страны и государя, затем министром внутренних дел. В его ведении оказалось и III отделение. Практически он сосредоточил в своих руках руководство всеми аспектами государственной жизни, кроме внешней политики. Немедленно (20 февраля 1880 г.) на Лорис-Меликова было совершено покушение — его спасла лишь случайность.

Александр II проявил незаурядное мужество, передав власть в стране русскому дворянину, но армянину по национальности, человеку твердому, но видевшему необходимость реформ. Михаила Лорис-Меликова немедленно назвали «бархатным диктатором», говорили, что он предлагает политику «волчьей пасти и лисьего хвоста». В планы «бархатного диктатора» входило расширение местного самоуправления, смягчение цензурных притеснений печати, завершение крестьянской реформы обязательным выкупом земли, отставка реакционного министра просвещения графа Дмитрия Толстого. Эти планы чрезвычайно напоминали программу, которую излагал в печати Борис Чичерин, называя ее программой «охранительного либерализма». «Сущность «охранительного либерализма», — писал профессор государственного права, — состоит в примирении начала свободы с началами власти и закона. В политической жизни лозунг его: либеральные меры и сильная власть, — либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и совести... сильная власть... внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, на которую можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий»[70].

Главным в планах Лорис-Меликова был проект очень ограниченного представительства от земского и городского самоуправления при Государственном совете и отчасти в нем. Предлагалось создать Общую комиссию, в которую вошли бы правительственные чиновники и представители земств и городов для рассмотрения проектов реформ. Александр II отказывался дать согласие на конституцию. Граф Лорис-Меликов осторожно подводил императора к мысли о ее необходимости. Подписав утром 1 марта проект указа о создании Обшей комиссии, Александр II сказал сыновьям: «Я дал согласие на это представление, хотя и скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции»[71]. Рассмотрение проекта в Совете министров должно было состояться 4 марта.

1 марта 1881 г. император Александр II был убит. Прощаясь со своей морганатической женой княгиней Екатериной Юрьевской-Долгорукой, которая просила его в этот день не выезжать, Александр II уверял, что с ним ничего не случится, ибо цыганка предсказала ему смерть при седьмом покушении, а пока было только пять.

Первая бомба, брошенная в императора, разорвалась возле кареты: были ранены конвойные черкесы. Александр II вышел, чтобы сказать им несколько утешительных слов. И был смертельно ранен второй бомбой.

Террористы достигли цели — царь, руководивший «революцией сверху», был убит. Убийство царя-Освободителя было победой общих враждебных сил: бюрократии, упорно сопротивлявшейся реформам, и «новых людей», радикальной интеллигенции, мечтавшей о революции, разрушающей «старый мир». Обе стороны, пишет Марк Раев, «не желали, чтобы общество развивалось органически, вследствие роста производства и материального благополучия». Американский историк считает, что «глубокая причина этого несознательного объединения» крылась в страхе перед «великим неизвестным», перед народом.[72] Убийство царя не стало сигналом к народному восстанию, как воображали террористы. Оно вызвало ужас в народе, глубоко почитавшем царя-батюшку, и ненависть к «просвещенным» революционерам.

Убийство Александра II сыграло важную роль в воспитании мирового общественного мнения. Через несколько месяцев после убийства Александра II Исполнительный комитет «Народной воли» огласил заявление по поводу убийства американского президента Джеймса Гарфилда. От имени русских революционеров Исполнительный комитет протестовал «против насильственных действий, подобных покушению Гито. В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбе... политическое убийство, как средство борьбы, есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей... Насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия»[73].

В феврале 1882 г. Сергей Кравчинский писал из Европы в Россию: «Нужно наконец помирить Европу с кровавыми мерами русских революционеров, показать, с одной стороны, их неизбежность при русских условиях, с другой — выставить самих террористов такими, каковы они в действительности, т. е. не каннибалами, а людьми гуманными, высоконравственными, питающими глубокое отвращение ко всякому насилию, на которое только правительственные меры их вынуждают».

Казнь организаторов и исполнителей убийства Александра II вызвала сочувствие к террористам на Западе. Процесс двадцати членов Исполнительного комитета «Народной воли» и виднейших деятелей организации вызвал многочисленные протесты. Пятеро обвиняемых были казнены. Самый знаменитый писатель эпохи Виктор Гюго обратился к правительствам и народам мира с «Призывом». Он предупреждал: «Пусть русское правительство поостережется... Ему ничего не угрожает со стороны какой-либо политической силы. Но оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия».

Империя идет на восток

...Проходит десять лет (после Крымской войны), и Россия окончательно соединяется в своих исторических судьбах со всем Кавказом и богатейшими, колоссальными странами Средней Азии, утверждается на Дальнем Востоке и на Амуре, становится несравненно сильнее и богаче, чем была при Николае I.

Евгений Тарле. 1944

...Эти мнимые завоевания, эти мнимые насилия были делом самым органическим, самым законным, какое когда-либо совершалось в истории...

Федор Тютчев. 1844

Внешняя политика Александра II оказалась необыкновенно актуальной и популярной в России конца XX в. Причина не нуждается в разъяснениях: ответ дает восторженный гимн

любимого сталинского историка Евгения Тарле, которым он закончил свою монографию «Крымская война». В 1944 г. мир видел, как после поражения первых лет войны с Германией приближалась решительная победа. Параллель с Крымской войной казалась очевидной. Русские успехи во второй половине XIX в. видятся через полтора столетия, как залог восстановления сил после позорного поражения. Популярность внешней политики Александра II связана, как это нередко бывает, не с ее подлинным анализом, а с формулой министра иностранных дел Александра Горчакова, пришедшего на смену Нессельроде. Новый министр, излагая программу внешней политики после поражения в Восточной войне, писал: «Говорят, Россия сердится. Нет, Россия не сердится, а сосредотачивается»[74]. Слово «сосредотачивается» стало любимым выражение русских политических и государственных деятелей в 90-е годы XX в. Оно выражает желание заняться сначала внутренними делами, набрать силы, прежде чем обратиться к внешним делам.

Программа Александра Горчакова, изложенная в циркуляре от 21 августа 1856 г., направленном в российские посольства и миссии при европейских государствах, заимствовала основную мысль «Записки о политических соотношениях России», составленной в феврале 1856 г. бароном Нессельроде. Это было завещание дипломата, который 30 лет возглавлял министерство иностранных дел Российской империи. Поражение в Крымской войне убедило одного их архитекторов Священного союза в «неотлагательной необходимости (для России) заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил. Эта внутренняя работа является первой нуждою страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы этому препятствовать, должна быть устранена»[75].

«Внутренние дела», которыми считал необходимым заняться Нессельроде и которыми занялся Александр II, реализуя программу реформ, не касались положения народов, входящих в империю. Федор Тютчев, говоря о «мнимых завоеваниях», выражал взгляды, господствовавшие в русском образованном обществе. Горькая ирония украинского поэта Тараса Шевченко, писавшего: «От молдаванина до финна на всих языках все мовчить, бо благоденствэ!» — воспринималась как русофобство. Один из наиболее оригинальных русских мыслителей XX в. Георгий Федотов писал в 1947 г. в эмиграции: «Мы не хотели видеть сложной многоплеменности России... Так укоренилось в умах не только либеральной, но отчасти и революционной интеллигенции наивное представление о том, что русское государство, в отличие от всех государств Запада, строилось не насилием, а мирной экспансией, не завоеванием, а колонизацией»[76].

В 1858 г. в России насчитывалось 74 млн. жителей. Демографы лили государство на шесть регионов: Европейская Россия, губернии Царства Польского, великого княжества Финляндии, Кавказского края, Сибири, Среднеазиатские области. По сведениям, собранным в 1870 г., в империи жило 70,8% православных, 1,4% раскольников, 0,3% униатов, 0,3% армяно-грегориан, 8,9% католиков, 5,2% протестантов, 3,2% евреев, 8,7% мусульман, 0,7% идолопоклонников. «Племенной состав населения», как выражались демографы, свидетельствовал, что 72,5% населения были русскими, кроме них в империи жило: 6,6% — финнов, 6,3% поляков, 3,9% — литовцев, 3,4% — евреев, 1,9% — татар, 1,5% — башкир, 1,3% — немцев, 1,2% — молдаван, 0,4% — шведов, 0,2% — киргизов, 1,1% — калмыков, 0,06% — греков, столько же болгар, 0,05% — армян, 0,04% — цыган, 0,49% — «прочих народностей». Племенной состав внеевропейских частей империи, указывает автор демографического обзора, «не определен даже приблизительно». Он высказывает предположение, что в Сибири русские составляют примерно 19%, а на Кавказе — 18%[77].

Прежде всего, конечно, обращает на себя внимание отсутствие в таблице украинцев и белорусов. Первая русская перепись 1897 г. констатировала, что в «малороссийском районе» жило 1192086 человек, а в «белорусском районе» — 6918148. Все православное население было отнесено к русским.

Анатоль Леруа-Болье в конце XIX в. исходя из того, что «национальность определяется не расой и не языком, а народным сознанием», считал несомненным, что «по отношению к Западу малоросс такой же русский, как великоросс»[78]. Французский историк отмечал различие в характере: «Меньше терпевшие от климата и восточной деспотии малороссы и белорусы проявляют больше достоинства, независимости, индивидуальности, чем великороссы; они менее самоуверенны, более открыты чувствам и воображению, более мечтательны и поэтичны»[79]. Но выражал твердую уверенность, что мечты превращения Малороссии в независимое государство, наподобие России или Польши, «найдут среди малороссов не больше отклика, чем подобные мечты нашли в 1870—1871 гг. на юге Франции». И добавлял: «Наиболее решительные из украинофилов не шли дальше федералистских мечтаний, утверждая, что только федерализм может удовлетворить многочисленное население различного происхождения огромной империи»[80.]

Отсутствие движения за независимость не мешало Петербургскому правительству преследовать украинский язык, украинскую литературу, память о прошлом. В 1863 г. министр внутренних дел дал указание цензуре не разрешать печатать на украинском языке книг «для народа», и прежде всего школьных учебников. Через несколько лет это распоряжение было отменено, но в 1876 г. указом Александра II было запрещено публиковать на украинском языке книги (кроме художественной литературы) и ввозить их из-за границы. Этот запрет сохранялся до 1906 г. Центром украинского просвещения становится Галиция, находившаяся в составе Австрии. В 1866 г. австрийская империя становится конституционной монархией. Кроме парламента, в Вене избираются провинциальные сеймы, в частности начинают работать два сейма на территории, населенной украинцами, — во Львове и Черновицах. Историк Михаил Драгоманов (1841—1895), уволенный из Киевского университета за выступления против русификаторской политики, эмигрирует, обосновывается в Женеве и пропагандирует федерализм.

Европейская Россия — центр империи — была ее оплотом. Спокойствие царило в Финляндии, удовлетворенной своим положением и Сеймом, в Сибири, где малочисленные коренные народы не могли оказать сопротивления колонизации. Война на Кавказе продолжалась и после того, как в августе 1859 г. сдался в плен Шамиль. Оставался Западный Кавказ, где продолжали сопротивляться черкесы, а в начале 1864 г. вновь взялись за оружие покоренные, казалось, чеченцы. В мае 1864 г. русские войска праздновали окончательное завоевание Кавказа. Непокорившиеся горцы ушли в Турцию, изъявившие покорность — переселены с гор на равнины. «С этих пор, — удовлетворенно констатирует русский историк в конце XIX в., — если и происходили по временам мятежные вспышки в разных пунктах Кавказа, то усмирение их не требовало ни много времени, ни особых усилий»[81].

Среднеазиатские области не доставляли империи никаких хлопот и стали базой для расширения русских владений в Средней Азии в 60—80-е годы.

Из шести демографических регионов, на которые делилась Россия (их можно рассматривать так же, как геополитические регионы), незаживающей раной в теле империи были губернии Царства Польского. Вспыхнувшее в январе 1863 г. восстание в Польше быстро перекинулось на Литву. «Вся Россия встрепенулась», — вспоминает Борис Чичерин[82]. Стали приходить сведения, которые никто не проверял, но которым все верили, — о бесчеловечных зверствах повстанцев, руководимых католическими священниками. Правительство сосредоточило к лету 1863 г. против мятежников 163 тысячи сабель и штыков. В отличие от восстания 1831 г. поляки не имели армии — против русских войск выступали отряды плохо обученных, но убежденных борцов за независимость. Борьба была неравной и ожесточенной. В Литве виленский генерал-губернатор Михаил Муравьев жесточайшими мерами в короткий срок усмирил Северо-Западный край, заслужив прозвище «Муравьева-Вешателя». В Царстве Польском военные действия продолжались до марта 1864 г.

Польское восстание внезапно примирило с правительством все образованное общество: западники и славянофилы, либералы и реакционеры были единодушны в осуждении «изменников» и в одобрении правительственных действий. Поляков обвиняли, прежде всего, в неблагодарности. «Я никогда не был врагом Польши», — пишет либерал и западник Борис Чичерин. Он согласен с тем, что, участвуя в разделе польского государства, «Россия поступила с возмутительной несправедливостью». Но, считает историк права, Александр I, желая «загладить учиненную бабкой неправду», дал Польше политическую автономию, собственное войско и независимое управление: «...из всех окружающих народов они одни имели свободные учреждения». Но «вместо того, чтобы ценить то, что им было дано, и упрочить приобретенное благоразумным поведением, они мечтали о большем». В результате — восстание 1831 г. и лишение «даров Александра I» Николаем I. «Тридцатилетний гнет, — считает Борис Чичерин, — был заслуженным наказанием за кичливое легкомыслие»[83].

Вторым непростительным — с русской точки зрения — грехом поляков было их нежелание согласиться с «приговором истории», признать свое поражение, потерю независимости и место в Российской империи. Федор Тютчев использовал для выражения своих чувств поэтический образ: «В крови до пят, мы бьемся с мертвецами, воскресшими для новых похорон»[84]. Юрий Самарин излагает эти чувства в трезвой форме политического анализа: для него нет сомнения, что поляки, обладающие всеми условиями «народной личности», имеют право на свободное проявление народной жизни — свободу вероисповедания, народный язык в делах внутреннего управления, своеобразие гражданского быта. Но из этого не следует, по убеждению Самарина, что «Польша необходимо должна составлять особое государство... Польское государство погибло потому, что было носителем полонизма, воинствующих католических начал. В угоду латинства Польша пожертвовала национальными, славянскими элементами своей природы, латинство привило ей неестественную борьбу с остальным славянством, которая привела к гибели польскую государственность»[85]. История вынесла приговор — окончательный, который обжалованию не подлежал.

Третьим грехом, прямо следовавшим из первых двух, была измена. Темпераментный Федор Тютчев пишет о поляках: «Наш Иуда»[86]. Восставшие поляки изменили славянству, изменили России, неразрывной частью которой было Царство Польское. «Изменники-поляки» становятся синонимом внутреннего врага. Необыкновенно модным становится выражение «польская интрига». Первым — до мифа об антирусском всемирном еврейском заговоре — рождается миф об антирусском польском (латинском, католическом) заговоре. «Польская интрига» объясняет все: революционную деятельность, терроризм (Александр II не мог не спросить Каракозова — ты поляк? Казалось совершенно очевидным, что только «польская интрига» могла направить револьвер в грудь русскому царю). «Антинигилистическая» литература была одновременно литературой антипольской. Концентрацией анти-польских чувств и предубеждений были романы популярного второстепенного автора Всеволода Крестовского «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874), объединенные в дилогию «Кровавый пуф». Старый крестьянин, выражающий народную мудрость, знает: «Поляков коли и бьют, так за то, что поляк бунтует... Он еще издревле мутит Русскую землю, за то его и бьют... Поляка бьют за дело»[87].

Самой непростительной изменой поляков было обращение за сочувствием и помощью к Западу. Современники польского восстания не могли знать, что ноты протеста послов Англии, Франции и Австрии, содержавшие требования амнистии для поляков, восстановления конституции 1815 г. и т. д., выражали только благие пожелания западных держав, не имевших намерения поддержать их оружием. Россия боялась новой «Крымской войны», нового объединения западных армий против православной империи. Главным инициатором антирусской кампании видели Луи-Наполеона, уверявшего всех, как записал в свой дневник 1 апреля 1863 г. Никитенко, «что Россию надобно уничтожить для

безопасности Европы»[88]. 21 мая Алексей Никитенко встречает поэта (но, прежде всего, дипломата) Федора Тютчева и задает ему главный вопрос: «Война или мир?». «Война без всякого сомнения». — отвечает Тютчев[89].

Умеренно либеральный профессор Никитенко не может понять антирусской ожесточенности Запада: «Если уж пошло на то, так Россия нужнее для человечества, чем Польша»[90].

Александр Герцен пошел против течения, выступил в защиту Польши, увидя в ней борьбу за свободу. Его статьи в «Колоколе» назывались «Виват Полония», «Матер Долороза», он приветствовал русских офицеров, перешедших на сторону повстанцев. «Колокол», основанный в 1858 г., приобрел в первые годы реформ необыкновенный авторитет, жадно читался либералами и консерваторами, доходил до императора. Поддержка польского восстания перечеркнула авторитет, которым пользовался журнал. Он закрылся в 1867 г., потеряв читателей. В «антинигилистическом» романе Николая Лескова «Некуда» главный «нигилист» Бычков, который считал возможным перерезать пять миллионов, чтобы пятьдесят пять жили счастливо, проповедует распад империи: «Пусть все отделяются, кому с нами не угодно... Кто не хочет с нами — живи сам себе...»[91]. Бычков пародирует взгляды Александра Герцена.

Русское правительство, приняв решительные меры для подавления восстания, видело их недостаточность. В Петербург из-за границы был вызван Николай Милютин, сыгравший очень важную роль в подготовке освобождения крестьян. Александр II изложил ему свой взгляд на положение в Польше: высшие классы польского народа умиротворить нельзя, единственное, что можно сделать в интересах России, это стараться привлечь к ней низшее народонаселение широкою мерою крестьянских реформ[92]. Юрий Самарин, привлеченный к разработке закона, рассчитывал, что он устранит «влияние шляхты», но подчеркивал необходимость подготовки реформы «без всякого участия поляков»[93]. Смысл реформы, как это видел Юрий Самарин, заключался во введении «нового консервативного элемента в польское общество»[94]. Николай Милютин выражался еще более ярко: «Революционное положение заставляло прибегать к революционным действиям»[95].

19 февраля 1864 г., в третью годовщину Манифеста об освобождении крестьян, Александр II подписал закон о наделении польских крестьян землей — бесплатно. В отличие от русских крестьян польские не должны были выкупать свои наделы (на них была лишь возложена обязанность платить земельный налог). С польскими помещиками государство расплатилось «на довольно невыгодных для них основаниях», подчеркивает Юрий Самарин.

Мера была революционной и по своему происхождению: в основу закона было положено решение «революционного правительства» повстанцев, которое оставалось нереализованным, ибо шли военные действия. Царское правительство, унаследовав идею, использовало ее для создания свободного крестьянства («консервативного начала») и ослабления шляхты, потерявшей основу своего материального положения. Николай Милютин объяснял Борису Чичерину: «Умиротворить Польшу и привязать ее к России несбыточная мечта; но с помощью крестьянской реформы хватит на 25 лет, может быть, даже и больше, и это все, что может предположить себе государственный человек»[96].

Польша оставалась спокойной 40 лет — до начала первой мировой войны. Но «привязать ее к России», как точно предсказал Николай Милютин, было невозможно. Подрывая власть польских помещиков на Украине, царское правительство дало украинским крестьянам право выкупать землю по цене, значительно ниже установленной в Манифесте 1861 г. Задача, как формулировал ее Юрий Самарин, состояла в том, чтобы «подрезать в Западных губерниях и на Украине все корни полонизма и обеспечить там преобладание русской и православной стихии над латино-польской»[97]. Французский историк Даниель Бовуа, писавший о поляках на Украине в 1831—1863 гг., констатирует: в соперничестве между двумя силами, стремившимися к гегемонии на Украинской земле, русской и

польской, в соперничестве общественном, культурном, религиозном и языковом, всегда побеждали русские, постоянно углубляя пропасть между украинцами и поляками[98].

Меры военные и социальные были дополнены мерой административной: Царство Польское было лишено остатков автономности и преобразовано в привислянские губернии. Польские территории вошли в состав российской империи на общих правах (и обязанностях).

С Польшей — в определенном смысле — была связана другая национальная проблема, нарушавшая единство российской империи: «еврейский вопрос». Россия получила его в придачу к польской территории, захваченной во время разделов. Екатерина II в 1791 г. ограничила территорию, на которой могли жить евреи, ставшие подданными императрицы, ввела — черту оседлости. Ее министр Гавриил Державин составил первый проект решения «еврейского вопроса», предложив, в частности, сделать из евреев земледельцев. Но вскоре им было запрещено иметь землю. В первый период либеральных реформ Александра II положение евреев, очень тяжелое при Николае I, стало несколько легче. Восстание 1863 г. стало поводом к ужесточению ограничительных мер. Затем, в 70-е годы, возвращение к реформам благоприятно отразилось на статусе евреев. Вступление на трон Александра III стало началом нового витка антиеврейских мер, остававшихся в силе до 1906 г.

Изменения политики по отношению к евреям не затрагивали главного. Только две национальные группы в Российской империи официально именовались инородцами: коренное население дальнего Севера и евреи. Острое ограничение их прав: черта оседлости, процентная норма при поступлении в учебные заведения, запрещение владеть землей и т.д. — было вызвано в первую очередь мотивами религиозными. Северные народы были идолопоклонниками — поэтому они были «другими». Принятие православия давало — по закону — крещенному еврею все права. Религиозная «опасность» евреев была связана не только с верой, которую христианская церковь безоговорочно осуждала, но и с притязаниями на положение избранного народа.

В 1877 г. Федор Достоевский пишет с обидой в «Дневнике писателя», что стал «с некоторого времени получать письма» от евреев, которые упрекают его за то, что он нападает на евреев, ненавидит их — не за пороки, а как племя. Автор «Братьев Карамазовых» категорически отвергал обвинение, уверял, что «в русском народе нет предвзятой ненависти к евреям», подчеркивал, что он лично стоит «за суверенное расширение прав евреев в формальном законодательстве и, если возможно только, за полнейшее равенство прав с коренным населением». Но Федор Достоевский, убежденный в богоизбранничестве русского народа, считал притязания евреев на особые отношения с Богом кощунством. Враждебность к евреям была враждебностью к сопернику: в одном государстве не могло быть двух избранных Богом народов. Подлинным избранником был коренной народ. «Инородцы» могли быть только фальшивыми претендентами.

Враждебное отношение к евреям, антисемитизм, диктовалось не одними религиозными причинами. Реформы Александра II, открывшие России дорогу в капитализм, приоткрыли и ворота «черты оседлости» для денег. Торговое сословие в России делилось на три гильдии, в зависимости от размеров капитала. Евреи, члены первой гильдии, имели право жить вне черты оседлости без перехода в православие. Разложение замкнутого еврейского мира — обитателей маленьких городков в юго-западных губерниях — явилось результатом реформ, потрясших Россию, вызвало уход молодежи, искавшей новые ценности, цель в жизни. Революционное движение принимало эту молодежь — юношей и девушек, не заботясь о национальности или религии.

Появление среди капиталистов и революционеров представителей презираемого за чуждость народа вызвало нарастание волны антисемитизма, который проявился особенно остро в губерниях, где жили евреи. В центральных губерниях империи, где евреев не было, антисемитизм носил религиозный, абстрактный характер. В юго-западных губерниях он принимал как нельзя более активный характер. Первый в новой истории еврейский погром

был организован в 1871 г. в Одессе. Его организаторами были греческие купцы, сводившие счеты с еврейскими конкурентами В других местностях легко находились иные поводы. В августе 1881 г., например, члены революционной организации, в рядах которой было немало евреев, организовали погромы на Украине под лозунгом: «Бей панов и жидов». Здесь поводом было социальное недовольство польскими помещиками и служившими им евреями.

Внутреннее положение в империи — исключая «польский вопрос» — не вызывало серьезного беспокойства властей. Прочные рамки российской государственности обеспечивали спокойствие Главным направлением реформ было улучшение управления империей в новых условиях, связанных с освобождением крестьян от крепостного права. Реформы были необходимы в первую очередь для восстановления могущества России, которая по своему геополитическому положению не могла не играть влиятельной роли в концерте мировых держав.

«Сосредоточение», которое ставил Горчаков во главу угла российской внешней политики, считая необходимой передышку для восстановления сил, не продолжалось долго. Задача возвращения мощи и престижа империи могла быть выполнена только с помощью союзников. Поиски союзников вовлекли Россию в сложную систему мировых интересов. В 1799 г. граф Федор Ростопчин, руководивший иностранными делами при Павле I, сформулировал свою точку зрения: «Россия с прочими державами не должна иметь иных связей, кроме торговых. Переменяющиеся столь часто обстоятельства могут рождать и новые сношения, и новые связи, но все сие может быть случайно, временно». Император на полях выразил свое мнение: «Святая истина»[99]. Сын Павла I Александр I не был согласен с таким узким взглядом на задачи империи: после победы над Наполеоном он вел политику защиты «вечных начал нравственности и порядка», распространявшуюся на всю Европу, включая Пиренейский полуостров. Сфера внешнеполитической деятельности Николая I несколько сузилась: в Европе она состояла в наведении порядка и ликвидации очагов революции на дальних подступах к России.

Поражение в Крымской войне, продемонстрировавшее слабость России, определило еще более узкую зону интересов России в Европе — Балканы. Европейские владения были наиболее уязвимой частью Оттоманской империи. Славянское и православное в подавляющем большинстве население Балкан казалось естественным союзником православной славянской империи. Разбитая крымской коалицией Россия утратила свои позиции на Балканах одновременно с нейтрализацией Черного моря.

В поисках союзников Россия обратилась к Франции, которая была инициатором и главным военным противником России в Крыму. Желание к сближению высказал и Париж. Для обеих сторон общность интересов, после того как догорел Севастополь, была очевидной. Повод к Восточной войне — спор о владении ключами Вифлеемского храма — не был серьезным ни для Франции, ни для России. После войны Париж и Петербург сразу же договорились о совместном владении. Англия была подлинным противником в борьбе за влияние на Востоке. Взаимным недоверием были отмечены отношения между Петербургом и Веной: в России хорошо помнили «неблагодарность» Австрии, ее «измену» во время Крымской войны, а Австро-Венгрия, половину населения которой составляли славянские народы, предпочитала видеть «спасительницу» слабой.

Русско-французское сближение строилось на прочной базе соперничества с Англией и взаимных интересов на Балканах. Политика поддержки национальных стремлений народов, которую вел Наполеон III, желая ослабить многонациональные империи — Австро-Венгерскую и Оттоманскую, соответствовала интересам России. Князь Горчаков, ненавидевший Австро-Венгрию, был горячим сторонником союза с Францией. Первым результатом совместной политики на Балканах было объединение двух княжеств — Молдавии и Валахии — в 1859 г. Александр Куза был избран князем обеих княжеств, в 1861 г. султан вынужден был дать согласие на создание единого правительства. Возникла — Румыния, она была еще под протекторатом Турции, который, однако, носил лишь

формальный характер. В Сербии Франция поддержала династию Обреновичей и добилась признания за ней наследственных прав на трон. В 1858 г. русские и французские корабли появились в Адриатическом море и вынудили Турцию прекратить войну с Черногорией и согласиться на увеличение ее территории. Встреча Александра II и Наполеона III в Штутгарте в сентябре 1857 г. продемонстрировала всей Европе сердечное согласие двух недавних противников.

Александр II был значительно меньшим франкофилом, чем его министр иностранных дел. Императора беспокоила итальянская политика Наполеона III, казавшаяся из Петербурга разжиганием революционного пожара. Сын Николая I всегда предпочитал «благонамеренные» государства — Пруссию и, несмотря на ее измены, Австрию. Было тем не менее очевидно, что союз с Францией помог России вернуть значительную часть потерянного престижа на Балканах.

Восстание в Польше взорвало франко-русское согласие. «Крымские державы» поддержали восставших поляков. Во Франции все были на стороне повстанцев: демократы защищали «несчастную Польшу» во имя свободы, клерикальные круги поддерживали поляков-католиков во имя религии. Англия была на стороне Польши, потому что восстание ослабляло Россию, разрушало франко-русское соглашение, потому, наконец, что поляки были популярны в Великобритании, в особенности в католической Ирландии. Почти открыто поощряло повстанцев австрийское правительство, в 1846 г. жесточайшим образом подавившее восстание поляков в Галиции.

«Крымские державы» не ставили своей целью восстановления Польши. Лондон понимал, что возрожденная Польша вступит в союз с Францией, которая приобретет слишком большой вес в Европе. Австрия понимала, что воссоздание польского государства — «злой» пример для ее славянского населения. Франция знала, что сама она не в состоянии восстановить Польшу. К тому же никто из сторонников повстанцев не имел намерения реально им помочь. Державы обратились в июне 1863 г. к России, предлагая прекратить военные действия, объявить полную и всеобщую амнистию восставшим, вернуться к «конституционной хартии» 1815 г. Князь Горчаков ответил, что условием переговоров может быть только предварительная капитуляция повстанцев. Участвовать в переговорах могут только три державы, разделившие между собой Польшу.

Из разговоров о Польше, таким образом, исключались Франция и Англия, но включалась Пруссия. В Крымской войне была побеждена Россия. Но кто вышел из нее победителем, стало ясно лишь некоторое время спустя. Одним из победителей оказался участвовавший в войне Пьемонт — вокруг него собралась Италия. Другим была — не участвовавшая в войне — Пруссия. Союз с Россией помог ей создать германскую империю. Точно так же, как помощь русских царей помогла превратить Бранденбург в Пруссию.

Пруссия была единственной европейской державой, поддерживавшей русское правительство в его борьбе с польскими повстанцами. Во время Крымской войны Пруссия вела политику благожелательного нейтралитета. Но поражение России родило в прусских правительственных кругах планы ее расчленения: прибалтийские провинции (вместе с Петербургом) делились между Пруссией и Швецией, восстанавливалась «большая Польша» — от моря до моря, остаток распределялся между Великороссией и Малороссией. Оправданием этой программы была книга барона Гакстхаузена, вдохновившая славянофилов. Ученый говорил о значительных потенциальных возможностях развития России с ее стомиллионным населением. Устранение этой опасности для Европы брала на себя Пруссия в союзе с Англией[100].

Программа расчленения России представляет интерес, ибо демонстрирует наличие тенденций, которые присутствовали в прусской, а затем германской политике постоянно — до попытки их реализации в 40-е годы XX в. Наличие этой тенденции показывает также серьезность сопротивления иной политике, которую предложил, а затем реализовал Отто фон Бисмарк. Программа объединения Германии вокруг Пруссии «железом и кровью»

требовала, с точки зрения Бисмарка, дружественных отношений с Россией. «С Францией, — писал он, — у нас никогда не будет мира, с Россией никогда не будет необходимости войны, если только не исказят ситуацию либеральные глупости или династические нелепости»[101].

Две внешнеполитические концепции сталкивались и в Петербурге. Вспоминая о времени, проведенном на посту посла Пруссии в России (1859—1862), Бисмарк указывает на «антинемецкие настроения молодого поколения», т.е. дипломатов послениколаевской эпохи, и прежде всего князя Горчакова. Антинемецкие чувства были вызваны не только тем, что, как выражался Салтыков-Щедрин, «половина русских чиновников и все без исключения аптекари — немцы». Славянофилы все настойчивее повторяли, что германцы враги славян. Это касалось прежде всего Австрии, но рост силы Пруссии начинал серьезно тревожить дипломатов и военных.

Твердым сторонником «пронемецкой» концепции — даже в период сближения с Францией — и был Александр II. Когда в 1860 г. русский посол в Париже граф Киселев представил императору проект формального договора с Францией, Александр II написал на нем: «Против кого?». Пруссия и Австро-Венгрия представлялись оплотом спокойствия в Европе, но, кроме того, русский царь питал огромное уважение к своему дяде кронпринцу Вильгельму, который в 1861 г. вступил на прусский престол, а десять лет спустя стал германским императором Вильгельмом I. «В отличие от многих своих подданных и высших чиновников, — повторяет Бисмарк, — Александр II питал к нам симпатии... и мы могли рассчитывать, что, по мере своих возможностей, он не позволит России пойти против нас»[102]. Когда, перед отъездом из Петербурга, прусский посол прощался с царем и выразил сожаление, что покидает страну, которая ему очень нравится, Александр II немедленно предложил ему перейти на русскую службу. У Бисмарка были другие планы.

Споры о направлении русской внешней политики окончились в 1863 г. Только Пруссия поддерживает Россию, приступившую к подавлению польского восстания. Привилегированный современник событий, Отто фон Бисмарк считал одной из своих задач в Петербурге — бороться с «полонофильской», как он выражается, политикой Горчакова. Царь объяснял прусскому послу, что имеется проект, восстанавливающий положение 1815 г. — поскольку русифицировать поляков не удается в связи с их католицизмом и недостаточным опытом русской администрации. «Я не могу судить, — комментирует Бисмарк, — насколько этот проект был продуман»[103]. Деятельность посла Пруссии против улаживания русско-польских отношений объясняется им просто: хорошие отношения между русскими и поляками вели к укреплению русско-французских связей.

В начале 1863 г. прусский генерал Густав фон Альвенслебен подписывает в Петербурге конвенцию, по которой Пруссия обязывалась не предоставлять никакой — ни прямой, ни косвенной — помощи польским повстанцам, а в случае необходимости активно сотрудничать в подавлении мятежников как по ту, так и по другую сторону своих границ. С точки зрения Бисмарка, значение Альвенслебенской конвенции (как ее стали называть) было не военным, а дипломатическим. Русские войска, как признает «железный канцлер», могли справиться с польскими повстанцами и без прусской помощи. Это понимали противники сближения с Пруссией в русском правительстве, прежде всего князь Горчаков и великий князь Константин. Решение подписать конвенцию принял Александр II. Бисмарк заключает: «Конвенция была удачным шахматным ходом, который позволил выиграть партию». Схватка двух тенденций в русском правительстве — монархической антипольской и полонофильской панславянской — закончилась победой первой[104].

Русская армия справилась с польским восстанием без помощи Пруссии. Но Пруссия получила, как плату за Альвенслебенскую конвенцию, согласие России на захват Шлезвига и Гольштинии — двух датских провинций. В 1864 г. Прусские войска вторглись в Данию: протянули руку братской помощи немецкому меньшинству, населявшему Шлезвиг и Голъштинию. Пруссия давно заявляла свои претензии на датские провинции. Горчаков был

категорически против, повторяя: «Никогда Россия не допустит, чтобы Бельт[105] стал вторым Босфором»[106]. Против воли императора он пойти не мог.

Старинные дружеские и родственные отношения с Данией не стали препятствием в развитии тесных отношений с Пруссией.

В 1864 г. Пруссия одержала победу над Данией, сделав первый шаг на пути к империи. В 1866 г. был сделан второй шаг: прусская армия разгромила австрийцев. На этот раз, кроме доброжелательного нейтралитета России, Пруссия воспользовалась доброжелательным нейтралитетом Франции, которая станет, в свою очередь, жертвой в 1870 г. Победа над Австрией дала Пруссии возможность создать Северо-Германский союз, включивший все государства, лежавшие к северу от линии Майна. Карта Европы, выкроенная победителями Наполеона в 1815 г., изменилась. Это, в частности, значило, что на западной границе России появился могучий сосед. Он многих в русских правящих кругах пугал. Но влиятельная группировка дипломатов и военных видела в сближении с Пруссией гарантию спокойствия на русской западной границе, позволяющего вести активную политику на востоке.

Хронология важнейших событий царствования Александра II, составленная в конце XIX в., отмечает после 1856 г. — даты подписания парижского договора, зарегистрировавшего поражение России, следующее: 1858 — присоединение Амурского края, 1859 — покорение Восточного Кавказа, покорение Западного Кавказа в 1864 г. Затем идут даты победоносного продвижения в Средней Азии: 1865 — взятие Ташкента, 1868 — взятие Самарканда и Бухары, 1873 — завоевание Хивы, 1876 — присоединение Коканда, 1881 — взятие Геок-Тепе. Кроме того, составитель хронологии отмечает, конечно, русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

Политика «сосредоточения», декларированная министром иностранных дел Горчаковым, встречала серьезное сопротивление в Азиатском департаменте МИДа, ведавшем внешнеполитической деятельностью России на Балканах, в Азии и на Дальнем Востоке, и в военном министерстве. Поражение в Крымской войне останавливает продвижение России на Балканах. Внимание сторонников экспансионистской политики привлекает среднеазиатское направление. Оно интересовало Россию издавна, не будучи, однако, первостепенной важности. В конце 50-х годов значение Средней Азии существенно возрастает. В 1859—1861 гг. в Петербурге состоялось несколько правительственных совещаний по вопросам средневосточной политики. В 1861 г. директором Азиатского департамента назначается Николай Игнатьев, 28-летний дипломат в чине генерал-майора. Занимая (с 1856 г.) пост военного атташе в Лондоне, Николай Игнатьев пришел к убеждению, что главным врагом России является Англия: нанеся ей удар в ее азиатских колониях, Россия сможет решить свои задачи на Балканах. До конца 70-х годов Игнатьев будет играть важную роль в определении русской внешней политики (начиная с 1864 г. он на посту посла в Константинополе).

Директор Азиатского департамента, поддержанный генерал-губернаторами Оренбурга и Восточной Сибири, предлагает начать немедленное наступление в Средней Азии. План Игнатьева был продолжением проектов Ивана Кириллова, который в царствование Анны Иоанновны заложил город Оренбург (1736) и мечтал о «подобрании бухарских и самаркандских рассыпанных провинций».

На протяжении столетия Россия накатывалась на Среднюю Азию. В 1853 г., после овладения кокандской крепостью Ак-Мечеть (переименована в форт Перовский, позднее — Кзыл Орда), в руках России оказалось нижнее течение Сыр-Дарьи и граница передвинулась от Оренбурга до пределов Туркестана. После занятия южного бассейна озера Балхаш (в 1854 г. основан город Верный, позднее — Алма-Ата) граница была перенесена в Семиречье. Реальным становилось осуществление мечты Ивана Кириллова об овладении «бухарскими и самаркандскими провинциями».

С начала XIX в. в Средней Азии сложились государства: Бухара, Коканд, Хива. Они становятся целью русской экспансии. Предлогом были набеги «хищников» на русские караваны и местные племена, жившие на русской территории. Две причины лежали в основе русской политики: политическая — противостояние планам Англии в Азии, экономическая — интересы развивающейся русской промышленности и торговли.

В начале 60-х годов Александр II поддерживал князя Горчакова, считавшего главным европейский дипломатический фронт и не желавшего обострять отношений с Англией. Восстание 1863 г. в Польше переменило ситуацию. Англия выступила решительно — в дипломатической сфере — на стороне повстанцев. В ноябре 1864 г. император подписывает план продвижения России в Средней Азии, подготовленный совместно министерством иностранных дел и военным министерством. К этому времени военные действия уже начались. В июле—сентябре 1864 г. русские войска нанесли удар по армии Коканда, наиболее непримиримого противника России.

После первого неудачного штурма генерал Черняев овладел (штурмуя второй раз в июне 1865 г.) городом Ташкентом. Это был самый крупный город Средней Азии с населением в 100 тыс. человек. Хива подписала мирный договор, превращавший ее в протекторат России. В мае 1866 г. была уничтожена армия бухарского эмира, в свою очередь подписавшего договор, делавший его вассалом России.

Легкие победы, объяснявшиеся колоссальным преимуществом профессиональной русской армии (в нее после завершения завоевания Кавказа пришли ветераны войн с горцами, она вооружена была нарезными ружьями), преодолели колебания правительственных кругов Петербурга. Плохо вооруженные, необученные войска Коканда, Бухары, Хивы не могли сопротивляться армии Белого царя, как называли российского императора. Русским солдатам препятствовали в продвижении — пустыня, жара, болезни. В 1867 г. было создано Туркестанское генерал-губернаторство, включавшее территории, обеспечивавшие власти России в долинах двух главных рек Средней Азии — Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Генерал-губернатором, соединявшим в одних руках гражданскую и военную власть, был назначен один из лучших русских администраторов своего времени генерал К.П. Кауфман.

Закрепив власть в центральных районах Средней Азии, генерал-губернатор Кауфман в полном согласии с военным министерством начал наступление на Хиву и территорию туркменских племен. В 1869 г. был захвачен Красноводск. В 1873 г. началось наступление русских войск на Хиву, которая была захвачена в мае. Хивинский хан подписал вассальный договор с Петербургом. В 1875 г. население Коканда подняло восстание против своего хана и было жестоко подавлено русскими войсками. Здесь впервые прославился на всю Россию молодой генерал Скобелев (1843—1888). Он занял пост генерал-губернатора Ферганской области, в которую было превращено Кокандское ханство.

В середине 70-х годов XIX в. значительная часть Средней Азии оказалась в разных формах зависимости от России: некоторые территории стали составной частью империи, другие оставались временно вассальными землями. Победы России, писал в докладной записке военный министр Милютин, «отозвались далеко за пределами Средней Азии. Особенно встревожились англичане, не переносившие равнодушно и самого маловажного успеха нашего в этой части света»[107]. Великобритания тревожилась, видя приближение «русского медведя» к границам Индии, а Россия — видя беспокойство англичан. Петербург ищет союзников. Когда в Соединенных Штатах вспыхивает война Севера с Югом, Россия решительно поддерживает правительство Линкольна. В знак теплых чувств, испытываемых императорской Россией по отношению к республиканским Соединенным Штатам, Петербург посылает эскадру военных кораблей. Англия, открыто поддерживавшая рабовладельческие штаты, восприняла этот жест, как выражение русского недовольства ее политикой. После выстрела Каракозова американский Сенат составляет в апреле 1866 г. послание, в котором выражается радость американского народа по поводу спасения жизни Александра II.

Специальный посланник Сената приезжает в Петербург передать данное послание лично императору. В это время шли интенсивные переговоры о продаже «русской Америки» — Аляски — Соединенным Штатам. После того как в 1842 г. Русско-Американская компания продала форт Росс Джону Саттеру, открывшему золото в Калифорнии, встал вопрос Аляски. В 1858 г. русский посол в Вашингтоне получил инструкцию осторожно намекнуть американцам, что есть возможность убедить Россию расстаться с Аляской. Переговоры приняли конкретный характер после окончания гражданской войны в США. Был ряд причин, побудивших Александра II прийти к выводу о необходимости избавиться от далекой заокеанской территории. Главной из них было убеждение в том, что россия — континентальная держава. Так считал и Александр I. Когда в 1812 г. Гавайские острова предложили ему стать протекторатом России, победитель Наполеона отказался. У России не было океанского флота, и еще долго она не будет иметь желания его создать. Успешное продвижение империи на Дальнем Востоке сместило центр русских интересов от американских берегов к восточной Азии, в сторону Манчжурии.

В Соединенных Штатах было много противников покупки замерзшей и совершенно ненужной Аляски (золото было открыто в 1896 г.). Саму идею называли «безумием Сюарда», по имени государственного секретаря, настойчиво добивавшегося заключения сделки. Русский посол барон де Штокль запросил 10 млн., Вильям Сюард предложил 5 млн. В 1867 г. Соединенные Штаты согласились заплатить за «русскую Америку» 7,2 млн. долларов.

Продажа Аляски произошла в момент быстрого продвижения России в Средней Азии. Александр II «сосредотачивался» для закрепления основного в программе расширения континентальных границ. Стремясь к стабилизации положения России на Дальнем Востоке, Петербург в 1875 г. урегулировал отношения с Японией. В 1855 г. генерал Путятин, находившийся с миссией в Японии, когда она была «открыта» под дулами пушек американских военных кораблей коммодора Перри, подписал Симодейский трактат. Он устанавливал границу между Россией и Японией между Курильскими островами Итуруп и Уруп. В результате к Японии отошли острова Хабоман, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Сахалин был признан «неразделенным». Двадцать лет спустя Россия согласилась отдать Японии все Курильские острова в обмен за отказ от претензий на южную часть Сахалина.

Русское общественное мнение отнеслось неодобрительно к соглашениям, в результате которых сокращалась территория империи. Влиятельная петербургская газета «Голос», орган умеренного либерализма, подверглась цензурным преследованиям за критику продажи Аляски. «От обмена Курильских островов на Сахалин, — считал один из русских дипломатов, — Россия не только не получила выгод, но наоборот попала впросак, потому что, если Япония устроит сильный порт на каком-нибудь из Курильских островов и тем пресечет сообщение Охотского моря с Японским, Россия потеряет выход в Тихий океан и очутится как бы в сетях. Напротив, если бы она продолжала владеть Курильскими островами, Тихий океан был бы для нее всегда открыт»[108].

Георгий Вернадский, историк-эмигрант, писал в 1927 г. «Изумительна легкость, с которою правительство Александра II уступало соседям части русской государственной территории. Легкость эта выражает падение державного чутья в русском правительстве и обществе». Историк полагает, что и правительство, и общество были слишком заняты внутренними делами[109]. В 1995 г., когда внутренние дела продолжали занимать внимание и общества, и правительства, исследователь дальневосточной политики России убежден: «Как и продажа в 1867 г. американцам Аляски и Алеутских островов, уступка Японии Курильских островов была серьезной ошибкой царской дипломатии, нанесшей большой ущерб государственным интересам России на Тихом океане»[110]. Спор о Курильских островах продолжает в конце XX в мешать урегулированию отношений между Россией и Японией.

Расширение территории империи воспринималось всегда как движение натуральное, не имевшее ничего общего с завоевательной политикой европейских государств. «Если разбирать дело по совести и чистой справедливости, — писал Николай Данилевский в книге

«Россия и Европа», — то ни одно из владений России нельзя назвать завоеванием — в дурном антинациональном и потому ненавистном для человечества смысле»[111]. Согласие Александра II расстаться — без войны, по расчету — с частью территории империи — случай в русской истории уникальный.

Успехи в Европе позволили приглушить боль, вызванную потерей «русской Америки». Отмена Парижского договора, зафиксировавшего поражение России в 1855 г., была сверхзадачей русской внешней политики после вступления на трон Александра II Решение этой задачи заняло 15 лет. На пути к этому решению, добиваясь благосклонности единственного «верного союзника», Россия помогла Пруссии превратиться в могучую империю.

Война Пруссии с Францией показалась России удачным моментом для декларации об отказе соблюдать статьи Парижского трактата, ограничивавшие ее права на Черном море. Циркуляр Александра Горчакова европейским державам был разослан в октябре 1870 г., после того как французская армия капитулировала в Меце, признав поражение Франции в войне. Англия и Австро-Венгрия резко протестовали против одностороннего решения России, но реальных возможностей противодействовать у них не было. Соединенные Штаты поддерживали Россию. Но значительно важнее была поддержка Пруссии. Бисмарк объясняет свою точку зрения: «Мы охотно стали на сторону России в 1870 г., чтобы освободить ее от ограничений, навязанных Парижским трактатом. Они были неестественными, а запрещение свободного плавания у собственных морских берегов было для такой державы, как Россия, на долгое время невыносимо, ибо унизительно». Германский канцлер добавляет откровенно: «К тому же не в наших интересах было мешать чрезмерным силам России двигаться на Восток»[112]. Иначе говоря: для Германии было выгоднее, чтобы Россия двигалась на Восток, а не на Запад.

В начале 1871 г. в Лондоне собралась конференция европейских держав, созванная по инициативе Бисмарка, она согласилась с отменой всех ограничений для России, Турции и других прибрежных государств. Россия могла держать на Черном море свой флот, строить военно-морские базы. Практически, Россия могла строить военные корабли и раньше. После подписания Лондонской конвенции она их не строила еще семь лет, хотя в циркуляре Горчакова говорилось, в частности, что появление нового типа военных кораблей — броненосцев — делает для России ограничения Парижского трактата особенно тяжелыми. Важны были не броненосцы (их отсутствие остро ощущалось во время войны с Турцией), а престиж великой державы. Он был восстановлен. Федор Тютчев в обращении к князю Горчакову выразил радость по поводу великого успеха русской дипломатии: «Да, вы сдержали Ваше слово — Не двинув пушки, ни рубля, В свои права вступает снова Родная русская земля».

Это была дипломатическая победа: без войны, использовав удачное для нее положение в Европе, Россия вернула то, что потеряла после поражения 1855 г. Но за 15 лет положение в Европе изменилось. Пруссия стала империей. Конференция в Лондоне происходила в те самые дни, когда прусский король Вильгельм был провозглашен в Зеркальном зале Версальского дворца «германским императором». Бисмарк рассказывает, что Вильгельм хотел именоваться «императором Германии», но канцлер, опасаясь недовольства остальных многочисленных немецких монархов, убедил довольствоваться титулом «германский император» Вильгельм I.

Александр II едет в начале сентября 1872 г. в Берлин, куда Бисмарк пригласил и австрийского императора Франца-Иосифа.

Канцлер, планируя союз с побежденной недавно Австро-Венгрией, хотел связать Россию с новым альянсом. Между тремя державами был заключен пакт, который Европа назвала «Союзом трех императоров». В действительности формального договора императоры не заключили, ограничившись обменом (1873 г.) нот, касавшихся трех проблем: сохранения в Европе существовавших границ; восточного вопроса; принятия совместных

мер против революции, угрожавшей всем тронам. Произошло как бы возвращение к традиции Священного союза, в котором, однако, ведущую роль играла Германия, полностью привязавшая к своей политике Австро-Венгрию. Комментируя в 1949 г. встречу в Берлине трех императоров, Евгений Тарле называет «союз» «прекрасно удавшимся Бисмарку трюком и обманом, прямо направленным против интересов России»[113].

Точку зрения советского историка, писавшего в опьянении победой над гитлеровской, но — Германией, разделяли и многие русские современники «Союза трех императоров». Александр Горчаков, формально руководивший российской внешней политикой, видел в превращении Пруссии в могучую империю опасность для России. Но Александр II, принимавший окончательные решения, видел в империи своего дяди, под очарование которого он вновь попал в Берлине, верного союзника против революции и при решении восточного вопроса.

Крымская война пробудила в русском обществе живейший интерес к внешней политике. Либеральные реформы открыли возможность для выражения мнения, иногда не совпадавшего с официальным. Прежде всего, это касалось иностранных дел. Приобретают влияние газеты и журналисты, анализирующие международное положение. Подтверждая новую роль русской печати, французский посол пожаловался (как считали в Петербурге) на статью в газете «Голос», в которой критиковался Наполеон III за свою политику в Италии. Газета (ее тираж достигал значительной для того времени цифры — более 20 тыс. экземпляров) получила правительственное «предупреждение». Важное место в общественной и политической жизни играет Михаил Катков (1818— 1887): с 1856 г. редактор журнала «Русский вестник», а с 1863 г. — редактор газеты «Московские ведомости». В студенческие годы он был близок с Белинским, Герценом, Бакуниным, затем занялся литературной критикой, преподавал философию в Московском университете, придерживался либеральных взглядов, образцом государственного строя считал Англию. Польское восстание стало толчком к пересмотру политических взглядов Михаила Каткова. Русская интеллигенция не простила ему «измены», перехода, как выражались его противники, на «сторону крепостнической реакции».

Михаил Катков стал горячим сторонником классического образования (увеличения часов обучения латыни и греческому), которое он противопоставлял естественным наукам, обучавшим «революции», а также сторонником русской самодержавной монархии. Выступая поборником единения всех славян, он видел в освобождении братьев-славян миссию России. До него Россия не знала публициста, имевшего такое влияние на политику страны. Очень немного таких влиятельных журналистов было и позже. Когда у Каткова возник спор с министром Валуевым, журналист объявил о прекращении выпуска «Московских ведомостей». В роли «примирителя» выступил Александр II: приехав летом 1866 г. в Москву, он встретился с Катковым и просил его возобновить издание газеты. В одном из памфлетов начала 1870 г. перечислялись подвиги редактора «Московских ведомостей»: «Кто всей Россией управляет? Министров ставит и смещает?.. кто русских спас от поляков... Михал Никифорыч Катков»[114].

Влияние Михаила Каткова объяснялось тем, что, поддерживая политику Александра II на главных ее направлениях, публицист критиковал ее там, где видел отход от интересов России, как он их понимал. Прежде всего это касалось внешней политики. Общественное мнение было, в своем большинстве, на его стороне. Это стало очевидным в 1863 г., когда Михаил Катков в своих статьях звал к сокрушению польского восстания и разоблачал Герцена, который из Лондона, в «Колоколе», защищал борьбу поляков за свободу. В столкновении между свободой и государством русское общественное мнение выбрало государство и пошло за Михаилом Катковым, отвергнув Герцена. Впрочем, Катков видел в польском восстании борьбу не за свободу, а за власть, а также «иезуитскую интригу, как по своему происхождению, так и по своему характеру».

Благодаря своему авторитету «истинного охранителя и патриота» он резко критиковал внешнюю политику России. Редактор «Московских ведомостей» считал опасной для империи дружбу с Германией — врагом славянства. И здесь взгляды Михаила Каткова выражали мнение значительной части русского общества. Во время войны 1870 г. правительство Александра II поддерживало Пруссию (официально держалось политически доброжелательного нейтралитета). Общественное мнение было на стороне Франции. Верный хроникер Алексей Никитенко записывает в дневник 14 января 1871 г.: «...во всех обществах, где мне случается бывать, выражались неприязнь к победоносным пруссакам и сочувствие к бедствиям Франции. От мала до велика, мужчины и женщины, люди простые и образованные — все единомышленники в этом отношении»[115]. Другой современник резюмирует положение короче: «Никогда еще наше правительство не находилось в таком разъединении с общественным мнением, как во время разгрома Франции немецкими полчищами»[116].

Усиление Пруссии, превращение ее в империю добавляло к давней нелюбви страх. Антинемецкие чувства выражаются представителями самых разных политических взглядов. Михаил Бакунин клеймит «немецких царей», Голштейн-Готорпскую династию Романовых, говорит о «двухвековом немецком гнете» и полагает, что «идти войною на немцев хорошее, а главное, необходимое славянское дело»[117]. Не менее страстно выражает те же взгляды генерал Михаил Скобелев (1843—1882), самый прославленный герой войны в Средней Азии и с турками. Портреты «белого генерала», молодого командира в белом мундире, на белом коне, украшали русские жилища до 1917 г. Популярность героя делала его взгляды особенно весомыми. Для генерала Скобелева все было ясно: «Да! Чужеземец у нас везде. Рука его проглядывает во всем. Мы игрушки его политики, жертвы его интриг, рабы его силы... И если вы желаете узнать от меня, кто этот чужеземец, этот пролаза, этот интриган, этот столь опасный враг русских и славян, то я вам назову его... это немец. Повторяю вам и прошу не забывать, наш враг — немец!»[118].

Весной 1875 г. юная германская империя, озабоченная неожиданно быстрым восстановлением сил Франции, начинает готовиться к новой войне. Чтобы, как выразился Бисмарк, «больная Франция не выздоровела»[119]. Бисмарк конфиденциально осведомляется у великих держав об их позиции в случае войны Германии с Францией. Австрия, не видевшая ничего хорошего в дальнейшем усилении империи Вильгельма I, была слишком слаба, чтобы выступить против планов Берлина. Еще более слаба была Италия. Оставались Россия и Англия. Русский канцлер Александр Горчаков был категорически против согласия на превентивную войну против Франции. Его поддержал военный министр Дмитрий Милютин, которого в придворных кругах называли «германофобом». В мае 1875 г. Горчаков разослал русским послам циркуляр, в котором объявлял, что благодаря усилиям России военная угроза в Европе исчезла. Англия, не желая оставить славу миротворца петербургскому правительству, также выразила неодобрение планам превентивной войны.

Бисмарк, анализируя причину своей неудачи, возлагает всю вину на Горчакова, который, как пишет германский канцлер, без оснований приписал ему намерение начать войну с Францией. Бисмарк объясняет, что «единственной гарантией прочности русской дружбы является личность царствующего императора»[120]. Когда Горчакову удалось убедить Александра II в опасности германской политики — русская политика изменилась. Князь Бисмарк не скрывал своего разочарования и предупредил Горчакова: «Скажу вам открыто: я добрый друг моих друзей и враг моих врагов».

Врагом Бисмарка был Горчаков. Потенциальным союзником — Александр II. Германский канцлер прилагает все усилия для того, чтобы направить русскую политику на Восток. «Умный Бисмарк, — замечает Евгений Тарле, — так же страстно жаждал разжечь русско-турецкую войну, как впоследствии глупый и бездарный Вильгельм II жаждал разжечь войну русско-японскую»[121]. Восточная стратегия русской политики не только отвлекала внимание Петербурга от европейских дел, но и сталкивала Россию с Австрией, которую

Бисмарк также направлял на Восток, обещая помощь в приобретении территории на Балканах — как утешение за потери итальянских владений. Дирижер «Союза трех императоров» направлял двух его членов друг против друга, оставаясь в стороне и обещая помощь как России, так и Австрии. Дипломатическая ловкость Бисмарка позволила ему добиться того, что слово «немец» стало обозначать преимущественно австрийцев, прямых соперников России на Балканах.

Русское общественное мнение было неожиданным союзником Бисмарка. Идея войны с Турцией «овладела массами». Эта война виделась как освободительная, дающая славянам, угнетаемым мусульманами, волю. Но цели войны — как их представляли славянофилы — были несравненно более широкие. Николай Данилевский, писавший «Россию и Европу» во второй половине 60-х годов, был убежден: «Рано или поздно, хотим ли или не хотим, но борьба с Европой (или по крайне мере со значительнейшей частью ее) неизбежна из-за восточного вопроса, т. е. из-за свободы и независимости славян, из-за обладания Царьградом — из-за всего того, что, по мнению Европы, составляет предмет незаконного честолюбия России, а по мнению каждого русского, достойного этого имени, есть необходимое требование ее исторического призвания»[122].

Идеолог славянофильства ставит проблему ясно: необходимо решение восточного вопроса, т.е. — освобождение славян, живущих под турецким игом, и овладение Константинополем. Поскольку Европа не желает допустить такого решения, война с ней неизбежна. Для Данилевского и других славянофилов решение геополитической проблемы имело мистический смысл — реализацию «исторического призвания» России. Сергей Соловьев рассматривал восточный вопрос как борьбу Европы с Азией, морского берега со степью. Николай Данилевский отвергал объяснение автора «Истории России», утверждая, что идет борьба не между Западом и Востоком, а между романо-германским и греко-славянским миром. Овладение проливами и Константинополем позволит России стать центром будущего «Всеславянского федеративного союза», призванного бороться с «загнивающей» романо-германской цивилизацией. Призванием России было создание новой цивилизации славянских народов. В свое время, писал Данилевский, турки, захватив территорию, на которой жили славяне, сыграли важную роль защиты славянских народов от «романо-германского напора», от «западной ереси». Оттоманская империя была полезна, пока не вырос естественный защитник славян — Россия.

«Великая и вольная федерация Всеславянская», о которой мечтал Михаил Бакунин, включала свободные народы Польши, Литвы, Украины, но цель ее такая же, как у «Всеславянского федеративного союза» Николая Данилевского: «Помощь нашим братьям славянам, томящимся ныне под гнетом Прусского королевства, Австрийской и Турецкой империи». Мы не вложим меч в ножны, писал Михаил Бакунин в 1862 г., «пока хоть один славянин останется в немецком, турецком или другом каком рабстве»[123].

Николай Игнатьев, русский посланник в Константинополе с 1864 г., посол с 1867 г. (в общей сложности он пробудет в столице Оттоманской империи почти 13 лет), представлял реалистическую сторону «славянофильской программы». Николай Игнатьев видел практическое — стратегическое и экономическое — значение захвата проливов и Константинополя: обеспечение южной русской границы, развитие черноморской торговли. В славянских народах Балканского полуострова русский дипломат видел надежного союзника в политике, направленной на ослабление Оттоманской империи. Приехав в Константинополь, Николай Игнатьев знал, чего хочет. Основными пунктами его программы были: восстановление престижа России, усиление русского влияния на христиан Оттоманской империи, борьба против английского, а также французского и австрийского влияния на Порту, ослабление союза России с Австрией и Пруссией[124].

Программа Николая Игнатьева шла вразрез с официальной русской политикой министра иностранных дел Горчакова, которую поддерживал царь. Тем не менее, Николай

Игнатьев оставался на своем посту. Это объяснялось тем, что он имел поддержку при дворе, в военном министерстве, а также в печати.

Звездный час Николая Игнатьева приходит в половине 70-х годов. Летом в 1875 г. Балканы загорелись со всех сторон. В Боснии и Герцеговине — северо-западной провинции Оттоманской империи — вспыхнуло народное восстание. В следующем году оно перекидывается в Болгарию. В 1877 г. Сербия и Черногория начинают войну против Турции.

Каждый из очагов пожара, охватившего Балканы, вспыхивал по разным причинам. В Боснии и Герцеговине землей владели славяне, принявшие ислам после прихода турок. Крестьяне, работавшие на земле, были православными или католиками. Мусульмане составляли примерно треть населения. Восстание носило, в первую очередь, характер социального бунта против тяжести повинностей, которых требовали помещики. Новый налог, введенный султаном, стал толчком к бунту. Подобный характер носило выступление болгар в Родопских горах, подавленное с жестокостью, поразившей Европу. Слово «башибузук» — головорез — стало синонимом турецкого варварства. Турецкая армия более года не могла справиться с повстанцами в Герцеговине и Боснии. Это убедило Россию, что для решения восточного вопроса нет необходимости воевать с Оттоманской империей — достаточно внушить необходимость такой войны Сербии и Черногории, оказывая им материальную поддержку и помощь добровольцев. В 1876 г. Черногория, а затем Сербия объявили войну Турции. Николай Игнатьев уверял сербов: «Как только вы объявите войну, — Россия за вами вслед»[125].

Славянский комитет, созданный в начале 60-х годов в Москве, был общественной организацией, ставившей своей задачей распространение идей панславизма. Его деятельность неоднократно шла вразрез с официальной политикой, но имела поддержку определенных кругов в правительстве. Волнения на Балканах, турецкие зверства в Болгарии, война Сербии и Черногории против Оттоманской империи дали замечательный толчок деятельности Славянского комитета. Разоблачая «неистовство, зверства, бешеный разгул самых диких страстей, сожигание заживо девиц», совершаемых «башибузуками», Славянский комитет напоминал, что это дело рук «азиатской орды, сидящей на развалинах древнего великого православного царства» — Оттоманской империи, которая существует только благодаря «совокупным усилиям всей Западной Европы».

В Славянский комитет стали наплывать пожертвования в фонд помощи балканским славянам. Земствам было запрещено из своих средств оказывать помощь южным славянам. Сборы происходили в церквях, чиновники отчисляли определенный процент из своего жалованья. На нужды балканского восстания было собрано только Комитетом (пожертвования шли и прямо в Черногорию, Сербию, Герцеговину) более 1,5 млн. рублей. С Турцией еще был мир, но в Москве, при Комитете, открылся вербовочный пункт, куда записывались добровольцы (прежде всего, отставные военные) в сербскую армию. Общее число добровольцев достигло 6 тыс. В Сербию отправился генерал Михаил Черняев, прославившийся во время среднеазиатских походов. Сербский князь Милан назначил его командующим армией. Очень быстро стало очевидным, что малочисленное, необученное (в Сербии не было постоянной армии), плохо вооруженное сербское войско не способно сопротивляться опытным турецким солдатам. Оказалось необходимым спасать Сербию.

«Балканское восстание» было пожаром, который состоял из различных очагов, не слившихся воедино. В России многие верили в наличие общего национального православного движения против турецких угнетателей. Они ошиблись. Два главных славянских народа Балканского полуострова — болгары и сербы — относились друг к другу иногда не менее враждебно, чем к туркам. Греков болгары ненавидели гораздо более турок. В 1873 г. Константин Леонтьев (1831—1891), называвший себя последователем Данилевского, в статье «Панславизм и греки» рассказывал, что когда султан стал на сторону болгар в их церковном споре с греками, болгарские учителя внушали школьникам ненависть

к православному патриарху Константинополя и преданность к «отеческому правительству султана, спасающего болгар от греков»[126].

Волнения на Балканах открыли очередную главу восточного вопроса: снова возникла угроза распада Оттоманской империи, которая всегда была проблемой раздела наследства. Оживленная дипломатическая деятельность европейских держав в 1875—1876 гг. направлена на сохранение Оттоманской империи с одновременным проведением реформ в пользу христианского населения, т.е. ослаблением ее власти на Балканах. От Турции требуют расширения автономии местного населения, расширения территории Сербии и Черногории. Обсуждается план создания независимой Болгарии. Особую активность проявляет Николай Игнатьев, представлявший Россию на конференции в Константинополе. Он объезжает Европу для убеждения западных держав в необходимости «обуздать» Турцию.

Концерт европейских государств — шесть «великих держав» (Великобритания, Россия, Германия, Франция, Австро-Венгрия, Италия) — в своем большинстве поддерживал политику нажима на Турцию, вынуждая ее к реформам на Балканах. Франция была слишком занята родовыми муками республики, пришедшей на смену монархии; Италия не имела собственной восточной политики; Пруссия поддерживала Россию; с Австро-Венгрией Александр II договорился, встретившись летом 1876 г. в Рейхштадте с Францем-Иосифом. Противником русской политики была — Великобритания. Русское общественное мнение негодовало. «Самое трудное в этой задаче, — записывал Алексей Никитенко 25 августа 1876 г., — укротить Англию, которая, как бешеная собака, рвется на Россию»[127]. Путешествуя по Швейцарии в дни нарастания кризиса на Балканах, Никитенко всюду видит врага: «Имя англичанина в настоящее время до того сливается с именем турка в одном и том же понятии, что когда видишь многих англичан вместе, что беспрестанно случается, то мне становится страшно. Так и думаешь: вот-вот выскочит и накинется на тебя башибузук или черкес»[128].

Россия имела основание быть недовольной Англией. Лидер тори Дизраели, через посла в Константинополе, делал все, чтобы противодействовать ослаблению Оттоманской империи. Султан Абдул-Азис, на которого большое влияние имел русский посол Игнатьев, был свергнут и убит. Организатором переворота был лидер националистов Мидхат-паша, отвергавший все уступки христианам. Возведенный на престол в мае 1876 г. Мурад V был свергнут в августе того же года. Султаном стал Абдул-Гамид — противник реформ. Мидхат-паша, назначенный великим визирем, выработал конституцию, обнародованную в декабре 1876 г. Турция — к удивлению Европы — стала парламентской монархией. Это, как настаивало султанское правительство, делало беспредметным разговоры о расширении прав христианских народов: все народы империи получили равные права.

В начале марта 1877 г. генерал Игнатьев совершил поездку по Европе, побыв в Берлине, Вене, Риме, Париже. Его предложения были всюду встречены доброжелательно. Возражал только Лондон, где, имея на своей стороне большинство держав, генерал Игнатьев добился созыва конференции. Снова была принята программа реформ, представленная Турции. Султан, поддержанный своим парламентом, ее отверг. Александр II ответил объявлением войны, заявив в манифесте, что считает своим долгом взять в свои руки дело угнетенных христиан.

Россия вступила в войну одна, имея союзный договор только с Румынией. Прошло 22 года после окончания Крымской войны. Все это время русская армия реформировалась под руководством военного министра Дмитрия Милютина. Новая организация армии (в 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность с шестилетним сроком службы в пехоте), современное вооружение, новый мундир европейского образца позволяли верить в возможность легкой победы над турками. Многое оставалось прежним. В частности, убеждение, что главным оружием пехоты остается холодное оружие, штыковой удар. Генерал Михаил Драгомиров, известный военачальник и теоретик, утверждал, что «огнестрельное оружие отвечает самосохранению; холодное — самоотвержению... Представитель самоутверждения есть штык и только он один». Под влиянием этой очень

распространенной точки зрения считалось, что учить солдата стрелять далеко и быстро — значило его морально портить.

Выступление России было встречено с удовлетворением Пруссией, без особых опасений Австрией. Не напугало оно и Англию, которая была обеспокоена завоеванием русскими Коканда и полагала, что война с Турцией отвлечет Россию от Средней Азии. Война с Турцией встретила горячую поддержку русского общества. Защита Севастополя была героическим эпизодом русской истории, но смысл Восточной войны, развязанной Николаем I, оставался темным. Цели войны 1877 г. были благородными: русская армия шла на спасение братьев славян. Николай Данилевский назвал войну «национальной», утверждая, что «со стороны России вдруг пробудившийся национально-славянский интерес пересилил все чисто политические»[129].

Выступая 9 мая 1945 г. по радио, Сталин объявил о победе над Германией, заявив, в частности: «Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией»[130]. Великая Отечественная война не только объявлялась национальной, но и становилась в один ряд с войнами за освобождение славян, которые велись в XIX в. В 1995 г. главный коммунистический идеолог эпохи перестройки — Александр Яковлев, историк по образованию, утверждал: «После Крымской войны в XIX в. Россия вела только одну войну — балканскую, освободительную»[131]. Завоевания на Кавказе и в Средней Азии он войнами не считает.

Вступая в войну с Османской империей, русское командование и общественное мнение было убеждено, что она закончится быстро сокрушительной победой. Турецкую армию всерьез не принимали. Война шла на двух фронтах: на Кавказе и в Дунайских провинциях. На Кавказе армия под командованием Лорис-Меликова в мае 1877 г. взяла крепость Ардаган, преграждавшую путь в турецкую Армению, и двинулась на Эрзерум. В июле она потерпела поражение и вынуждена была отступить, сняв осаду Карса. В конце июня главная русская армия форсировала Дунай, быстро пересекла северную Болгарию и застряла на балканских перевалах, ведя кровопролитные бои с турками.

Русских солдат удивляло не только упорство турок. Неожиданной был встреча с болгарами: сытыми, зажиточными крестьянами, жившими значительно лучше освободителей. Русская армия тащила — в трудной горной местности — огромный тяжелый обоз, предполагая, что в разоренной турками Болгарии (как утверждала пропаганда) нельзя будет ничего найти. Оказалось, что в освобождаемой стране было достаточно хлеба и скота, чтобы обеспечить армию продовольствием. После этого не приходилось удивляться тому, что болгары не поднимались как один человек (до начала войны в России в это твердо верили), чтобы идти воевать с турками. Добровольцев в русскую армию было немного.

Генерал Газенкампф записал в дневник: «В высших сферах были убеждены, что добровольцы повалят массами отовсюду, только поспевай формировать новые дружины. Между тем, даже на пополнение шести существующих не поступило из болгар до сих пор ни одного человека»[132].

В июне русские армии быстро двигались вперед. В июле овладели Шипкинским перевалом. Начался один из героических эпизодов войны — защита Шипкинского перевала. Официальная информация — «На Шипке все спокойно» — воспринималась как иронический комментарий. На западе Бомарше после трехкратного неудачного штурма началась осада крепости Плевна. В ноябре 1877 г. крепость сдалась, а в декабре в 25-градусный мороз русская армия перешла Балканы. Перед русскими солдатами прямой путь к Царьграду. Русские авангарды остановились в 10— 15 верстах от Константинополя. Главная квартира армии переехала в Сан-Стефано. 19 января в Адрианополе было подписано перемирие. 19 февраля 1878 г. — мирный договор с Турцией в Сан-Стефано. К этому времени Лорис-Меликов, собрав силы, вновь осаждает Каре и берет его приступом, возобновляя движение на Эрзерум.

Русский военный историк А. Керсновский, подводя итог войне, констатирует: «Русское полководчество шесть месяцев — плачевное, седьмой — блистательно»[133]. Блистательная победа принесла блистательный мирный договор. Его подписал Николай Игнатьев. Менялась карта Балкан. Сербия, Черногория и Румыния получали полную независимость и расширяли свои границы. Болгария, приобретшая Македонию, становилась автономным княжеством — она платила Турции дань, но турецкие войска покидали ее территорию. Турция обязалась провести административные реформы в Боснии и Герцеговине. России возвращалась Южная Бессарабия, которую она потеряла после Крымской войны; на Кавказе к России отходили города Батум, Каре, Ардаган и Баязет.

Оттоманской империи был нанесен сокрушительный удар: договор практически отделял ее европейские владения от азиатских. В европейских провинциях, которые еще оставались под властью турок, значительно расширились возможности национального развития. Победоносная война обошлась России недешево: русская армия потеряла в боях более 20 тыс. человек убитыми, около 60 тыс. ранеными[134]. Вместе с умершими от болезней потери составили примерно 200 тыс. человек.

Размер русской победы, условия Сан-Стефанского договора, который решал восточный вопрос в пользу Петербурга, не мог не вызвать недовольства европейских держав. Особенно резко возражала Англия: после подписания Адрианопольского перемирия английские корабли вошли в Мраморное море, имея задачей помешать русским войскам занять Константинополь. Чрезвычайно обеспокоилась Австрия, увидевшая вероятность перехода Балкан и Дуная под исключительный протекторат России. Россия оказалась совершенно изолированной на международной сцене. Единственный союзник — Румыния остро протестовала против лишения ее Южной Бессарабии. Россия возмещала потерю передачей Румынии Добруджи, в три раза большей по размерам. Дело было лишь в том, что Добруджа была болгарской.

Бисмарк предложил свои услуги «честного маклера» и пригласил в Берлин представителей великих европейских держав и Турцию. Берлинский конгресс (июнь-июль 1878 г.) пересмотрел условия Сан-Стефанского договора, заменив их статьями Берлинского трактата.

Россия сохранила свои завоевания на Кавказе (вернув Турции только Баязет) и в устье Дуная. Болгария была разделена на две части: в северной создавалось автономное княжество, южная оставалась в составе Турции, получив административную автономию. Значительно сокращена была территория Сербии. В то же время, не участвовавшие в войне Англия и Австро-Венгрия были вознаграждены: Лондон получил остров Кипр, Вена — административное управление в Боснии и Герцеговине. Представителями России в Берлине были Горчаков и Шувалов (Игнатьев, противник компромисса, в делегацию не был включен).

Русское общественное мнение было возмущено условиями Берлинского трактата, которые представлялись газетами как позорное поражение России, преданной немцами. Крик сердца генерала Скобелева: «Повторяю вам и прошу не забывать, наш враг — немец! Борьба между славянами и тевтонами неизбежна» — было выражением чувств, которыми герой делился с сербскими студентами, навестившими его в Париже в феврале 1882 г. Полвека спустя автор истории русской армии упрекает русскую дипломатию, которая «боясь восстановить Европу на Россию своей смелостью, восстановила ее на Россию своей робостью... Россия пошла в Берлин извиняться за свою победу»[135].

Александр понимал, что Россия в одиночку, против всех европейских держав удержать все завоевания Сан-Стефано не может. Страна была истощена войной. Финансы, о плачевном состоянии которых предупреждал накануне войны министр Рейтерн, пришли в критическое состояние. Было еще одно обстоятельство, объяснявшее уступчивость русской дипломатии.

Возможности русских приобретений в результате войны с Оттоманской империей были лимитированы до начала военных действий. Русских дипломатов, подписавших Берлинский трактат, особенно упрекали за то, что они согласились на фактическую передачу Боснии и Герцеговины — славянских земель — немцам, т.е. Австро-Венгрии. Никто не знал, что в 1876 г., накануне войны, Александр II встретился в Рейхштадте с Францем-Иосифом и договорился с ним о разделе «больного человека» — Турции. О Рейхштадтском соглашении не знал, в частности, Николай Игнатьев. Содержание этого соглашения стало известно лишь в 1887 г. во время дебатов в будапештском парламенте. Перед началом военных действий Петербург согласился с условиями Лондона: не трогать Египта, не посягать на Суэцкий канал, не оккупировать Константинополь и проливы.

Разгром турецкой армии и стремительное продвижение русских войск к Босфору вызвали ощущение необыкновенных возможностей. Результатом этих чувств был Сан-Стефанский договор. В Берлине наступило отрезвление. Россия не получила всего того, что она хотела. Она получила, то что могла. Бисмарк, обиженный на то, что его «честное маклерство» было воспринято в России как удар в спину, обвинял в антинемецкой пропаганде газеты, такие, как «Московские ведомости», по его словам, «плохо разбирающиеся в международных отношениях»[136].

По мнению Бисмарка, Россия никогда раньше, после ни одной войны с Турцией, не имела таких успехов, какие закрепил за ней Берлинский конгресс. Германский канцлер теоретически был прав. Но надежды, вызванные победами русской армии, были так велики, Константинополь был так близок, турки казались такими слабыми, что результаты Берлинского конгресса воспринимались как поражение — поражение в результате дипломатических интриг Европы, и прежде всего Германии и Австро-Венгрии.

Иллюзия поражения затмила реальные успехи России в царствование Александра П. Приняв страну после Крымского поражения, сын Николая I реализовал программу реформ, открывших России широкую дорогу модернизации политических, экономических, социальных структур. Победа в турецкой войне засвидетельствовала

Глава 12
ПОСЛЕ РЕФОРМ

Император Александр III, получив Россию при стечении самых неблагоприятных политических конъюнктур, высоко поднял международный престиж России без пролития капли русской крови.

Сергей Витте

Два постоянных фактора сопровождают перемены на русском троне. Первый — тяжелое положение страны, которую принимает в наследство новый царь. Так было до XIX в. Но в XIX в. — это особенно наглядно. Александр I, правивший 25 лет, доводит Россию до истощения бесконечными войнами — его сын Николай принимает страну в тяжелом состоянии; Николай I, правивший 30 лет, оставляет сыну государство, проигравшее войну, задыхавшееся от невозможности реализовать реформы, необходимость которых видели все. Александр II, остававшийся на троне 26 лет, разорванный бомбой террористов, несмотря на проведение реформы, передает наследнику государство на распутье. «Император Александр III вступил на престол в смутное время», — писал его министр финансов Николай Бунге, предлагая программу реформ[1].

Первый фактор порождал второй — каждый новый царь начинал с переделки того, что было сделано его предшественником. И — если снова ограничиться только XIX в. — достаточно вспомнить, как резко повернул политику Николай I, как он резко отказался от политики отца Александра II.

Положение России резко ухудшалось в конце царствования? Скорее — наоборот. Но перемена на троне давала возможность подвести баланс, открывая тем самым новому царю возможность заняться улучшениями.

Имелся и третий фактор. Его можно точно считать постоянным: неподготовленность наследника, который, как правило, случайно оказывался на троне. Александр I стал императором после убийства отца, Николай I — после отречения законного наследника брата Константина, Александр II — после внезапной смерти отца, Александр III — после убийства отца.

Абсолютная, самодержавная власть, которой обладал русский император, давала каждому новому царю возможность править по-своему, видеть Россию собственными глазами (или глазами близких доверенных людей). Личность нового царя была в числе важнейших факторов, определявших судьбу страны.

Реакция

Действие или состояние, возникающее в ответ на то или иное воздействие.

Словарь

Александр III вступил на престол в 36-летнем возрасте. Второй сын, он до двадцатилетнего возраста не думал о троне, ибо наследником, цесаревичем, был его старший брат Николай, внезапно умерший в апреле 1865 г. Но и став наследником, будущий царь не

ждал короны. Александр II, которому в 1881 г. исполнилось 63 г., был в расцвете сил, только что вступил в морганатический брак с любимой женщиной (которую наследник активно не любил) и собирался долго царствовать.

У Александра III были хорошие учителя: курс истории читал ему Сергей Соловьев, право — Константин Победоносцев, стратегию — генерал Драгомиров, русский язык — академик Грот. Во время войны с Турцией наследник командовал Рущукским отрядом. Он рассчитывал получить командование всей армией, но Александр II предпочел ему своего брата — великого князя Николая. Рущукский отряд не сыграл важной роли в стратегических планах русской армии, но его командир увидел реальную войну, обнаружил «кошмар войны», как он выражался в письмах. Можно предположить, что впечатления, полученные во время кампании 1877—1878 гг., сыграли свою роль в нежелании Александра III втягивать Россию в военные конфликты. В его царствование не было больших войн.

Александр III короновался в 1883 г., и его внешность произвела на всех неизгладимое впечатление. Огромного роста, русоволосый, русобородый, с голубыми глазами, он показался художнику Василию Сурикову «истинным представителем народа». Художник добавляет: «Что-то грандиозное в нем было»[2]. Сергей Витте, отмечая импозантность фигуры императора, говорит, что «если бы Александр III явился в толпу, где бы совсем не знали, что он император, все бы обратили внимание на эту фигуру». По свидетельству Витте, Вильгельм II находился под большим впечатлением после знакомства с русским царем: «Вот это действительно был самодержавный император»[3].

При оценке умственных способностей молодого императора — такого единства нет. В декабре 1865 г. Константин Победоносцев занес в свой дневник: «Сегодня, после первых занятий с цесаревичем Александром, я пробовал спрашивать великого князя о пройденном, чтобы посмотреть, что у него в голове осталось. Не осталось ничего — и бедность сведений, или, лучше сказать, бедность идей, удивительная»[4]. Эта оценка интересна, ибо Константин Победоносцев будет поставщиком основных идей в период царствования Александра III. Сергей Витте, министр Александра III, хорошо знал императора, и в своих воспоминаниях пишет о нем: «Несомненно обыкновенного ума и совершенно обыкновенных способностей...». А потом — на этой же странице — поправляется: «Пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования»[5]. Но, подводя итоги царствования Александра III, Витте дополняет портрет: «Он был человеком сравнительно небольшого образования, можно бы сказать — он был человеком ординарного образования. Но вот с чем я не могу согласиться и что мне часто приходилось слышать, это с тем, что император Александр не был умным... Может быть, у императора Александра III был небольшой ум рассудка, но у него был выдающийся ум сердца; это своего рода ум, присутствие которого часто, в особенности в положении лиц, которым приходится умом предвидеть, предчувствовать и предопределять, несравненно важнее ума рассудка»[6].

Иного мнения был военный министр генерал Банковский, который просто, по-солдатски говорил: «Это был Петр со своей дубинкой. Нет, это одна дубина без Великого Петра, чтобы быть точным»[7]. Новейший биограф Александра III приходит к выводу, что «при недостаточной образованности (он), безусловно, обладал природным умом — практическим, здравым, хотя и неразвитым и довольно ограниченным»[8].

Экономическое положение страны было тяжелым: огромные расходы на войну с Турцией, голод в Поволжье (1880 г.). Но и население, и правительство привыкли к «временным трудностям». Были известны способы их преодоления. Несравненно более трудной проблемой был выбор пути. Александр III, вступив на трон, оказался на распутье: продолжать дело отца, реформы которого, несмотря на все их недочеты, трансформировали Россию, либо отказаться от наследства. Убийство Александра II, царя-Освободителя, было для нового императора знаком ошибочности политики отца.

Сомнения в пользе реформ, опасения, что, вызванные ими изменения ослабляют самодержавную власть царя, возникли у цесаревича до 1881 г. Огромное влияние оказывает

на него Константин Победоносцев (1827—1907), бывший наставник, профессор гражданского права, назначенный в 1880 г. на пост оберпрокурора Синода (он занимал его до 1905 г.). Обер-прокурор Синода был не только административным главой русской православной церкви, но и — практически — министром культов. В его ведении находились все религии и верования на территории империи. В бесконечных письмах, в личных беседах Константин Победоносцев объяснял цесаревичу, что все трудности объясняются «польской интригой», орудием которой служат проникшие всюду, подтачивающие устои «жиды».

Сергей Витте, давая оценку своим коллегам, с которыми он работал, пишет о Победоносцеве (последний был назначен членом комитета министров, хотя статус обер-прокурора Синода этого не предусматривал): «Из всех государственных деятелей России, с которыми мне пришлось иметь дело... Константин Петрович Победоносцев был человек, наиболее выдающийся по своему таланту или, вернее, не столько по таланту, как по своему уму и образованию»[9]. Витте вспоминает, что после назначения на пост министра финансов он имел беседу с Александром III, который предупредил его не поддаваться влиянию Победоносцева, Добавив: «...вообще Победоносцев человек очень ученый, хороший, бывший его профессор, но что, тем не менее, из долголетнего опыта он убедился, что Победоносцев отличный критик, но сам никогда ничего создать не может». Царь признал, что Победоносцев принес ему много пользы тем, что помог временно остановить смуту 1881 г. и дать России опомниться, но, добавил Александр III, «я уже давно перестал принимать во внимание его советы»[10].

Разговор имел место в 1892 г. После убийства Александра II, во время смуты, новый император, после недолгого колебания, выбрал дорогу, рекомендованную Константином Победоносцевым. На заседании Совета министров, собранном через неделю после 1 марта, Александр III объявил, что вопрос о созыве представителей от земств и городов, несмотря на подпись Александра II нельзя считать предрешенным, ибо покойный император хотел до утверждения проекта выслушать мнение министров. Еще через две недели собирается новое совещание, на котором большинство высказывается за продолжение реформ. В числе сторонников продолжения политики Александра II были Лорис-Меликов, военный министр Николай Милютин, министр финансов Александр Абаза, ряд других министров и два великих князя — Константин Николаевич и Владимир Александрович. Против созыва общественных представителей выступал наиболее красноречиво Константин Победоносцев. Обер-прокурор Синода был последователен. В свое время он писал цесаревичу: «Повсюду в народе зреет такая мысль: лучше уж революция русская и безобразная смута, нежели конституция». Александр III после совещания 21 апреля писал Победоносцеву, демонстрируя хорошее усвоение идей профессора: «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление, Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу. Вряд ли, впрочем, я когда-либо убежусь в пользе подобной меры, слишком я уверен в ее вреде»[11].

29 апреля был опубликован Манифест, составленный Победоносцевым и без изменений подписанный Александром III. Министры не знали его содержания. Новый император объявлял, что «глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».

Выбор был сделан, Александр III отверг наследство отца и пошел в обратную сторону. Император переслал Победоносцеву анонимное письмо, которое произвело на него огромное впечатление. «Отец твой не мученик и не святой, — писал неизвестный автор, — потому что пострадал не за церковь, не за крест, не за христианскую веру, не за православие, а за то единственно, что распустил народ, и этот распущенный народ убил его»[12].

Знаком нового царствования стал переезд в Гатчину — Александр III выбрал своей резиденцией замок, в котором прятался от врагов и был убит Павел I. Казнь пяти террористов, убивших Александра II, — пять виселиц напомнили о начале царствования Николая I.

Политику реформ Александра II называли «революцией сверху». Политика Александра III не была «контрреволюцией сверху», ибо фундамента перемен, происшедших в России в 60—70-е годы, ликвидации крепостного права, она не затронула. Можно бы говорить о «контрреформах сверху», но если революции могут приходить и снизу, реформы, как и контрреформы, всегда идут только «сверху». Царствование Александра III — эпоха реакции, в том смысле, что политика нового императора была ответом на действия Александра II. Сын убитого получил, с его точки зрения, доказательства того, что самодержавие потеряло контроль, что власть вытекает из рук царя.

Александр III, объявив в Манифесте, что будет «утверждать и охранять» самодержавную власть, декларировал желание вернуть себе полный контроль в государстве. Михаил Катков выразил основную линию политики Александра III, приветствуя в 1884 г. первый органический акт нового царствования, студенческий устав, заменивший устав 1863 г., словами: «Встаньте, господа. Правительство идет, правительство возвращается».

Лорис-Меликов и другие министры, сторонники продолжения политики реформ, поняли, что их время кончилось после публикации Манифеста, и подали в отставку. Министром внутренних Дел, на место Лорис-Меликова, был назначен граф Николай Игнатьев. Энергия, «серебро русского инстинкта» бывшего дипломата, как выразился о нем Победоносцев, импонировали Александру III. Новый министр приступил прежде всего к реорганизации аппарата. В августе 1881 г. было издано «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Положение называлось временной мерой — оно сохранилось до 1917 г. Процесс контрреформ начался. Первый удар наносился по судебной реформе — «Положение» открыло административной власти широкие возможности вторжения в компетенцию судов. В местах, объявленных на положении усиленной или чрезвычайной охраны, судебные органы были непосредственно подчинены администрации. Местные власти получили право прибегать к исключительным мерам — административной высылке без суда, военным судам, закрытым судебным процессам. В Петербурге, Москве и Варшаве при полицейских управлениях были учреждены специальные розыскные органы — отделения по охранению порядка и общественной безопасности, которые обычно назывались охранными отделениями, или «охранкой». Их задача — расследование политических преступлений. Они заменили, по словам сотрудника «охранки» (позднее — разоблачителя ее деятельности) Леонида Меньшикова, «архаическое III отделение»[13].

Александр III, легко утверждая меры по усилению охраны порядка, колеблется принять окончательное решение по главному политическому вопросу. Объявив о твердом желании сохранить самодержавную власть, император собирает в Петербурге в сентябре 1881 г. комиссию, состоящую из 32 человек (большинство из них — представители земских учреждений). Их официальное название — сведущие люди. Обсуждалось два вопроса: о системе продажи водки и помощи крестьянам-переселенцам. Вопросы не были первостепенной важности, но желание Александра III выслушать мнение «сведущих людей» позволяло предполагать возможность участия общественности в решении государственных проблем. Исходя из этого предложения, граф Игнатьев подхватил мысль идеолога славянофилов Ивана Аксакова о созыве Земского собора, чисто русского либерального института, способного «посрамить все конституции в мире», и в то же время удерживающего Россию «на ее исторической, политической и национальной основе». План, предложенный Иваном Аксаковым и принятый Николаем Игнатьевым, предлагал избрать из сословий на основе имущественного ценза 4 тыс. выборных, в том числе 1 тыс. от крестьян.

Александр III отверг проект манифеста о созыве Земского собора, составленный графом Игнатьевым. «Я слишком глубоко убежден в безобразии представительного начала, чтобы когда-либо допустить его в России в том виде, как оно существует по всей Европе»[14]. — заявил император. Даже в форме Земского собора «представительное начало» было для него неприемлемым.

Граф Игнатьев был отправлен в отставку. Период колебаний закончился. Новым министром внутренних дел, фактическим главой правительства стал граф Дмитрий Толстой.

Сергей Витте подчеркивает, что Александр III всегда сам назначал каждого министра. Даже в первую половину царствования, когда он находился под сильным влиянием Победоносцева, окончательное решение оставалось за императором. Он выбрал графа Дмитрия Толстого (1823—1889). «Имя гр. Толстого, — писал Михаил Катков, — само по себе уже есть манифест, программа»[15]. Английский историк Хью Сетон-Уотсон резюмирует: «Дмитрий Толстой стал известен в русской исторической литературе, как один из наиболее ханжеских и наиболее влиятельных реакционеров XIX в. Его единодушно ненавидели все русские и либеральных, и радикальных взглядов. Скорее консервативный Чичерин написал в своих воспоминаниях: «Можно назвать лишь немного людей, причинивших такой вред России»[16].

Назначение Дмитрия Толстого министром внутренних дел было его возвращением на государственную службу. В 1866 г., после выстрела Каракозова, Дмитрий Толстой занял пост министра просвещения, став одновременно обер-прокурором Синода. Только в 1880 г, Лорис-Меликов убедил Александра II отправить графа Толстого в отставку. Александр III знал, что найдет в графе Толстом человека, который сможет «распутать узел реформ», полученный им в наследство. Император мог теперь опереться на «Тройку»: Константин Победоносцев — Дмитрий Толстой — Михаил Катков. Сын министра внутренних дел был женат на дочери издателя «Московских ведомостей», что подчеркивало единодушие «Тройки».

30 мая 1882 г. Дмитрий Толстой был приглашен во дворец к императору, который сообщил ему о назначении. Граф Толстой рассказал, вернувшись домой, о разговоре. В ответ на предложение занять пост министра внутренних дел (что фактически означало — возглавить правительство). Толстой ответил, что он уже стар, и не способен менять свои взгляды. На вопрос царя, какие взгляды он имеет в виду. Толстой ответил, что, по его убеждению, история России складывалась вокруг дворянства, в минувшие 25 лет было сделано все, чтобы подорвать роль этого класса. Александр III ответил, что совершенно согласен с ним[17].

Второй вариант этого разговора изложил в своих мемуарах граф Валуев со слов Дмитрия Толстого. Граф Толстой будто бы сказал царю, что не признает «крестьянской России» и добавил: «Ваши предки создали Россию, но они нашими руками ее создали». При этих словах, якобы царь «покраснел и отвечал, что он этого не забывает»[18].

Характер Дмитрия Толстого, опытного царедворца, «доводящего раболепство и угодничество до тех крайних пределов, которые обыкновенно нравятся царям, но во всех порядочных людях возбуждают омерзение»[19], дает основание предполагать, что более точна первая версия разговора. Тем не менее, можно не сомневаться, что разговор о дворянстве шел. Ибо этот вопрос стоял первым в программе нового царя. Обнаруженная в архивах в 1993 г. «Записка», адресованная Александру III генерал-адъютантом Отгоном Рихтером, долгие годы командовавшим императорской главной квартирой, человеком из ближайшего окружения императора, говорит об этом же. Генерал Рихтер — военный, а не государственный деятель — позволяет себе представить в марте 1883 г. программу правительственной деятельности, выделяя в ней три вопроса: экономический, административный и сословный. В частности, в «Записке» настоятельно рекомендуется: «Дворянством, как ближайшею опорою трона, необходимо дорожить, его нужно поднять в собственных глазах...»

Генерал Рихтер указывает на важнейшее следствие реформ «последнего царствования», которые он считает

«благодетельными» и вызванными «настоятельными требованиями жизни»: они привели к «умалению» чтоб не сказать уничтожению привилегий, которыми пользовалось дворянство». Дело было не только в изменении материального положения помещиков, потерявших крепостных. Дворянство потеряло ощущение главного, господствующего класса. Когда распалась «цепь великая», сковывающая Россию, она, по выражению Некрасова, ударила «одним концом по барину, другим по мужику». Мужик к ударам привык, а помещики, дворянство восприняли их очень болезненно. Но проблема была не в них, а в самодержавии. «Понятие о государственном строе, — объяснял генерал Рихтер, — вылилось в формулу *Царь и народ*, т. е. представляя ее графически — высокий столб, на вершине которого Царь, а основание покоится на необъятной стихийной силе, называемой народом. Пока масса спокойна, все хорошо, но кто поручится, что она никогда не заколышется?» Оттон Рихтер предлагает другую геометрическую фигуру для государственного строя России — пирамиду — «на вершине Царь, а посредствующими слоями между ним и народом — дворянство, (войско), духовенство и торговое сословие»[20].

Генерал не сделал открытия — его «Записка» демонстрирует распространенность представления об антидворянской направленности реформ Александра II.

Василий Ключевский в конце жизни пришел к формуле: «...с 25 февраля 1730 г. каждое царствование было сделкою с дворянством, и если сделка казалась нарушенной, нарушившая сторона подвергалась преследованию противной и ссылкой или заговором и покушениями»[21]. Современный биограф Александра III считает, что уже в самом начале его царствования он имел общий план контрреформ, «призванных устранить противоречия, внесенные в самодержавную монархию учреждениями и установлениями 60-х годов»[22]. Главными линиями «общего плана» были: контроль самодержавной власти и сделка с дворянством — фундаментом самодержавия. На «Записке» генерала Рихтера император написал резолюцию, адресованную графу Толстому: «Прочтите эту Записку, а при докладе Я поговорю с вами об этом».

Новый император хотел переделать все. Прежде всего перемены наступили в армии. Новая форма была введена летом 1882 г. «Изящные мундиры красивой армии Царя-Освободителя не шли к массивной фигуре нового Государя. Александр III не считался с эстетикой, требуя национального покроя и практичности». Историк русской армии с огорчением констатирует: «Армия стала неузнаваемой... Офицеры стали похожи на обер-кондукторов, гвардейские стрелки — на колодочных надзирателей...»[23]. Переменить форму в армии было несложно. Больше времени потребовали главные контрреформы.

Деятельность контрреформаторов развивалась в трех направлениях: система просвещения, местное самоуправление (земства), суд. Изменение университетского устава 1863 г. было проведено в 1884 г. Сергей Витте сформулировал причину трудностей, которые встречала самодержавная власть: «Просвещение возбуждает социальную революцию, но народное невежество ведет к военным поражениям». Дмитрий Толстой был назначен министром просвещения с задачей обеспечить «правильное воспитание» молодежи (после выстрела Каракозова). Он был уволен в отставку (после взрыва Зимнего дворца Степаном Халтуриным) в порицание за невыполнение задачи. В 1885 г., беседуя с молодым немецким дипломатом Бернгардом фон Бюловым, граф Толстой объяснял: «Прежде всего, нам нужно уничтожить нигилизм»[24]. Террор 70-х годов, завершившийся «центральным актом» — убийством Александра II, свидетельствовал о серьезности опасности. Источником «нигилизма» было образование, гнездом заразы — университет. «Нас в университетах, — говорилось в листовке середины 80-х годов, — около 12600; неужели мы, «соль земли русской», не можем дружным натиском что-нибудь сделать»[25].

В абсолютных числах русские университеты опережали все другие страны, кроме США, по количеству студентов. За 1875— 1885 гг. число студентов возросло вдвое (с 5679

до 12939).[26] Университетский устав 1863 г. дал университетам «республиканское устройство», иначе говоря — широкую автономию. Устав 1884 г. уничтожил университетское самоуправление, подчинил преподавание университетскому начальству и министерству просвещения, усилил инспекторский надзор за студентами — введение в 1885 г. формы позволяло контролировать их поведение и вне учебного заведения. Были запрещены землячества, резко усилилась цензура вообще и библиотечных книг в частности.

Василий Маклаков, виднейший русский либеральный деятель, поступил в университет после 1884 г.: он уже носил форму, старшекурсники ее не носили. «Так смешались, — пишет он в воспоминаниях, — и различались по платью питомцы эпохи «реформ» и питомцы «реакции». Устав 1884 г., свидетельствует Маклаков, «больнее ударил по профессорам, по их автономии, чем по студентам».

«Университет, особенно Московский, — вспоминает Василий Маклаков, — для моего поколения казался обетованной землей, оазисом среди мертвой пустыни»[27]. Университет представлялся оазисом после гимназии. Система школьного образования была делом рук Дмитрия Толстого. С 1871 г. в основу преподавания в гимназиях были положены древние языки. 41%. времени был посвящен изучению латинской и греческой грамматики. Сторонники системы указывали, что в прусских и саксонских школах древним языкам отдавалось 47—48% времени. Изучение грамматики («умственная гимнастика», как считал граф Толстой) не вызывало восторга учеников.

В связи с тем, что в России не хватало преподавателей древних языков, их приглашали из славянских стран, не считаясь с тем, что знание ими русского языка, как правило, было недостаточным. В результате в 1872—1890 гг. из ста учеников только 8—9 кончали гимназию в срок, т.е. за 8 лет. Вообще заканчивали гимназию не более 37%. «Выходило, — подводит итог Павел Милюков, — что не школа существует для учащихся, а учащиеся для школы»[28].

Наряду с гимназиями, открывавшими путь в университет, существовали — по германскому образцу — реальные училища с шестилетним курсом образования. В первых четырех классах преподавали религию (закон Божий), русский язык, математику, географию, историю, чистописание, черчение и два иностранных языка; в двух последних — естествознание, физику, химию и механику. Выпускники реальных школ готовились к активной деятельности в промышленности, торговле и т.п.

В 1875 г., в эпоху реформ, граф Толстой заверял: «Наше правительство не делает никакого различия в своих училищах, ни по вероисповеданиям, ни по сословиям... Гимназии наши должны производить аристократов, но каких? Аристократов ума, аристократов знания, аристократов труда»[29]. В 1885 г. преемник Дмитрия Толстого на посту министра просвещения Иван Делянов говорит языком контрреформы: гимназическое образование вредно для «низших классов». В июне 1887 г. Делянов подписывает циркуляр, сделавший его имя нарицательным: директорам гимназий рекомендовалось «неуклонно соблюдать правило» о непринятии детей, родители которых не представляют «достаточного ручательства в правильном домашнем надзоре». В список «нежелательных» входили «дети кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». Результаты не заставили себя ждать. Цифры отражают изменение социального состава учащихся в результате «волевого воздействия» правительства. В 1833 г. 78% учащихся в гимназиях были дворянами, 17% представляли городское сословие, 2% — сельское, 2% — духовное. В 1884 г. соотношение заметно изменилось: 49,2, 33,1, 6,9 и 1,5% соответственно. В 1892 г. очевидно изменение тенденции: дворяне — 56,2%, городское сословие — 31,3%, сельское — 5,9%, духовное — 1,9%. Одновременно после контрреформ в реальных училищах сокращается число дворянских детей и увеличивается численность представителей городского и сельского сословии[30].

22 марта 1881 г., через три недели после вступления Александра III на престол, Победоносцев излагает ему свои взгляды на просвещение. Говоря о необходимости создать

среднюю школу, где бы «люди низшего класса могли получать нехитрое, но солидное образование, нужное для жизни, а не для науки», обер-прокурор Священного синода полагал, что для этого необходимо «искать главной опоры в духовенстве и церкви в народном первоначальном образовании».

Земства все активнее финансировали создание сети первоначальных трехлетних школ. Их развитию способствовал растущий интерес крестьян к грамоте, необходимость которой становилась все очевиднее. Дополнительным толчком было решение правительства (1874) давать грамотным и учащимся льготы по воинской повинности. Успехи земской школы тревожили Константина Победоносцева, убежденного, что она не дает образование, которое он считал нужным. В 1884 г. было принято решение о создании начальных школ при церквях. Их задачей было, как говорилось в «Положении», «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания».

Церковно-приходская школа была создана как конкурент земской. Ее главной проблемой были учителя-священники, дьяконы, которые не были подготовлены к преподаванию, к тому же рассматривали его, как «вторую работу», дополнявшую основное занятие. Основным преимуществом такой школы в глазах власти была невозможность какой-либо «неблагонадежности» — политической или религиозной, поскольку имелся постоянный, надежный контроль — крестьяне. Им власть доверяла.

Наличие конкурента способствовало повышению уровня церковно-приходских школ: в 90-е годы они стали трехлетними (первоначально — двухлетние). Важное значение имело постоянное внимание властей: в 1885 г. на церковно-приходские школы было отпущено 55 тыс. рублей, в 1896 г. — 3454645 рублей[31].

В программе, которую генерал Рихтер изложил в «Записке» императору, значились три первоочередных вопроса: после экономического шли административный и сословный. В центре политики контрреформ стояла земская проблема, сочетавшая административный и сословный вопросы. Оба вместе, захватывая также экономику, составляли ускользавший от решения главный вопрос — крестьянский. Александр III начал царствование с мер, которые были уже подготовлены в предшествующее царствование: с исправления недостатков реформы 1861 г., улучшения положения крестьян. В 1881 г. были понижены выкупные платежи. Еще через два года выкуп крестьянского надела стал обязательным (помещик больше не мог этому противиться). Учреждение Крестьянского банка, который должен был давать льготные ссуды, значительно облегчило покупку крестьянами земли в частную собственность. Была, наконец, отменена подушная подать — реликт крепостного права (1886). Ее заменили земельный налог, налог на движимое имущество и наследство.

Существование земских учреждений — независимых, самоуправляемых — воспринималось императором и «Тройкой» как посягательство на самодержавную власть. В июле 1889 г. император объяснял в указе Сенату причины подписания им «Положения о земских участковых начальниках» — «отсутствие близкой к народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и права частных лиц в сельских местностях».

Проект закона о земских начальниках, подготовленный графом Толстым, был отвергнут большинством членов Государственного совета (39 голосов против 13). Александр III принял сторону меньшинства. Суть закона состояла в том, что губернатор назначал из среды местного дворянства земских начальников с широким кругом полномочий: контроль над общинным самоуправлением, рассмотрение судебных дел, утверждение приговоров волостного суда, решение земельных вопросов. Император Александр III, объясняет Сергей Витте, «был соблазнен мыслью, что вся Россия будет разбита на земские участки, что в каждом участке будет почтенный дворянин..., что этот дворянин-помещик будет опекать

крестьян, судить их и рядить». С точки зрения Витте, противника института земских начальников, порок закона состоял в «смешивании власти административной с властью судебной», что «в культурном государстве невозможно»[32].

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г. превращало земские учреждения из общественных самоуправляющихся организаций в придаток государства, включало их в государственную систему. Власть на местах — административная и судебная, как подчеркивает граф Витте, — передавалась дворянам. В первой половине 80-х годов Александр III принял меры по улучшению материального положения дворян. В частности, был учрежден Дворянский земельный банк, дававший помещикам долгосрочный кредит.

Земский начальник имел право наказывать крестьян: делать им выговор, налагать штраф (5 рублей), сажать под арест на 7 дней. Наказания не были чрезвычайно суровыми. Их называли отцовскими. «Вы — наши отцы, мы — ваши дети», — так представлялись создателям Положения о земских начальниках идеальные отношения в деревне. Это соответствовало мечте славянофилов. В 1881 г. Иван Аксаков опубликовал в руководимом им журнале «Русь» записку, адресованную его отцом Константином Аксаковым Александру II. Идеолог славянофильства развивал свою главную мысль: русский народ — народ не государственный и не имеет никакого желания участвовать во власти, в управлении государством. Ему совершенно не нужны западные свободы, он себя чувствует совершенно свободным под отеческой рукой царя-самодержца.

Сергей Витте, диктуя свои воспоминания в 10-е годы XX в., уже пережив революцию 1905 г., называет Закон о земских начальниках «ошибкой императора Александра III». Ибо — по его мнению — это было «введением принципа какого-то патриархального покровительства над крестьянами как бы в предположении, что крестьяне навеки должны остаться таких стадных понятий и стадной нравственности». Положение о земских начальниках действовало до 1917 г. Заглядывая в будущее, Сергей Витте предсказывает «громадные дурные последствия в жизни России». Они произойдут, объяснял один из проницательнейших государственных деятелей России своего времени, «из-за неустройства крестьян, из-за неустройства их правовых отношений, вследствие того, что на крестьян смотрят как на людей особого рода, не таких, как мы»[33].

Крестьяне — подавляющее большинство населения страны — были поставлены в особое положение, их права ограничены. Линия раздела между «отцами» и «детьми», между дворянами и крестьянством стала очевиднее, пропасть — глубже.

Французский историк Анатоль Леруа-Болье, современник контрреформ, заметил, что «секрет будущего» — открытая схватка между помещиками и крестьянами[34].

Положение о земских начальниках возвращало помещикам не только власть в деревне, но и престиж, которого они лишились после освобождения крестьян. Это был престиж помещика, ставшего государственным чиновником: земские начальники получали жалование от государства.

Третьим направлением контрреформ — после системы просвещения и земского самоуправления — был суд. Министр просвещения Делянов хорошо понимал взаимозависимость объектов необходимых, по его мнению, перемен. 25 декабря 1883 г. он писал Победоносцеву: «Тщетны будут ваши с нами усилия об исправлении школы, если школьники наши от младших до старших будут развращаемы судом»[35]. Министерство народного просвещения специальным циркуляром запретило всем учащимся средних учебных заведений присутствовать в залах судебных заседаний. Но сами процессы были, газеты печатали отчеты. Владимир Бурцев, участвовавший в революционной деятельности с начала 80-х годов, вспоминает: «Отдельно изданный отчет о процессе цареубийц 1881 г. был нашей особенно читаемой книгой. В ней и в газетных отчетах о других процессах террористов мы находили то, о чем в России было запрещено говорить»[36].

Константин Победоносцев был твердо убежден в необходимости контрреформы суда. Он сообщает одному из своих корреспондентов, что получил записку (в 1881 г.), в которой говорилось: «По-нашему, все эти «балаганных дел мастера» — изменники: Кони, председатель, судивший Засулич, Александров, защищавший ее, прокурор, столь осторожно обвинявший ее, присяжные, оправдавшие ее»[37]. Обер-прокурор Синода был совершенно с этим мнением согласен.

Судебная реформа была наиболее последовательной и удачной из реформ Александра П. Ее «перестройка» шла медленно, встречая упорное сопротивление — даже в Государственном совете. Контрреформа развивалась в трех направлениях: в 1885 г. был поколеблен принцип несменяемости судей (была создана возможность их смещения или перемещения); в 1887 г. была ограничена гласность суда; в 1889 г. был значительно сужен круг преступлений, которые рассматривались с участием присяжных заседателей.

Большинство Государственного совета голосовало постоянно против этих ограничений, император всегда присоединялся к меньшинству, возглавляемому Победоносцевым.

Тяжелейший удар по системе судопроизводства, созданного реформой 1864 г., был нанесен «Положением о мере к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г. и Положением о земских начальниках 1889 г. «Временное» Положение об охране государственного порядка продлевалось из года в год и определяло важнейшую черту контрреформы — нарастание форм внесудебного произвола.

Константин Победоносцев остро, талантливо критиковал суд присяжных: издевался над неподготовленностью, неграмотностью присяжных, беспринципностью адвокатов, демагогией прокуроров, клеймил безнаказанность некоторых преступлений. Он добивался ликвидации бессословного суда, независимого от администрации, гласного, гарантировавшего право на защиту. Всего этого ему добиться не удалось. В результате — резкое усиление внесудебных репрессий, прежде всего значительное расширение высылки в Сибирь без суда, административным решением.

Рост внесудебных репрессий происходил одновременно с затуханием террористической деятельности. После убийства Александра II ошеломление было так велико, что начались секретные переговоры с террористами о перемирии. Вскоре правительство поняло, что ослабленная арестами лидеров «Народная воля» перестала быть возможным партнером для переговоров. Новая структура полиции позволила значительно улучшить работу по борьбе с революционным движением. «Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственным преступлениям» свидетельствуют об успехе борьбы. В «Обзоре» за 1887 г. говорилось: «По мере качественного и количественного улучшения полицейской деятельности, за последние годы сделалось почти невозможным установить и правильно поддержать революционные связи и сношения... Все стремления устроить какое-либо общее «революционное предприятие», стоящее в зависимости от «партии», не имели прочного успеха...»[38].

В 1880—1890 гг. прошло 17 процессов «народовольцев» — было осуждено 154 человека. В 70-е годы на одном из процессов обвинялось 193 человека. В разгар терроризма — с апреля 1879 г. до убийства Александра II в марте 1881 г. — состоялось 40 политических процессов. В процессах 80-х годов смертные приговоры были вынесены 74 обвиняемым, а казнено — 17 человек. Последний народовольческий процесс, который был и последним крупным политическим процессом XIX в., состоялся в сентябре 1890 г. Последней публичной казнью в Петербурге была казнь пяти участников убийства Александра II — 3 апреля 1881 г.[39]

Важнейшую роль в разгроме «Народной воли» сыграло новое оружие, мастерски использованное подполковником Григорием Судейкиным. ведавшим политическим розыском в Петербурге, — провокация. Завербовав одного из лидеров «Народной воли»

Сергея Дегаева, Судейкин нанес революционерам серьезный удар — провел массовые аресты. Он планировал организацию убийства директора департамента полиции Плеве, министра внутренних дел Толстого с тем, чтобы схватить с поличным террористов, В 1883 г. раскаявшийся Дегаев организовал убийство Судейкина. Огорченный Александр III написал на докладе: «Потеря положительно незаменимая! Кто пойдет теперь на подобную должность!».

Император напрасно беспокоился: охотников было много. Талантливым провокатором проявил себя Сергей Зубатов: в молодости революционер, после ареста перешел на другую сторону и сделал карьеру в полиции, дойдя до поста начальника московского охранного отделения. Владимир Бурцев, посвятивший себя разоблачению тайных агентов полиции, проникших в революционные партии, называл Сергея Зубатова «отцом провокации». Полиция проникает во все революционные движения, партии, группы и старается контролировать их деятельность. Полицейские стратеги возбуждают (через своих агентов) одну партию против другой, создают благоприятные возможности для деятельности своих питомцев, безжалостно преследуют их противников. Охранные отделения сыграли немалую роль в развитии русского революционного движения, рассчитывая ликвидировать его. Всегда, однако, думая о своей карьере. После удачной операции, проведенной в сотрудничестве с заграничной агентурой департамента полиции, начальники петербургского и московского охранного отделений Николай Бердяев и Сергей Зубатов послали телеграмму в Париж Петру Рачковскому, ведавшему заграничными агентами: «Вчера (21.4.1894) взята типография, несколько тысяч изданий и 52 члена «Народной воли». Немного оставлено на разводку. Сергей и Николай»[40].

«Оставленные на разводку» революционеры становились ядром новых организаций, которые давали новую работу мастерам провокации.

Одним из наиболее демонстративных проявлений судебной контрреформы было резкое усиление внесудебных репрессий прежде всего административной высылки без суда. Впервые стали широко применять эту меру борьбы с терроризмом после покушения Александра Соловьева на Александра II в апреле 1879 г. С начала 80-х годов поводом для высылки стали служить не только антиправительственная пропаганда, распространение и хранение запрещенной литературы, укрывательство, недоносительство, но и «вредный образ мысли», «сомнительные знакомства», «принадлежность к вредному семейству» и т. п. Владимиру Бурцеву было 22 года, когда его арестовали. Он учился в университете и оказался на подозрении. Во время обыска у него нашли книги о народных школах, о народном образовании, земствах. Жандармский офицер объяснял родителям арестованного: «Его никак нельзя выпустить... Мы знаем, куда эти книги ведут!»[41].

В 1885 г. американский путешественник Джордж Кеннан совершил поездку по Сибири и детально ознакомился с ее тюрьмами, этапами, местами ссылки. Он отправился в путешествие, убежденный, что русские эмигранты-революционеры — Степняк-Кравчинский, Петр Кропоткин преувеличивают ужасы сибирской карательной системы, что «нигилисты» заслуживают сурового наказания. Знакомство с положением на месте убедило его, что он ошибался, а эмигранты были правы. Особенно потрясли его ссыльные, наказанные без суда. Не только потому, что он встретил среди них культурных, интеллигентных людей, а прежде всего потому, что «правительство первым дало пример беззаконности в России»: арестовывает без ордера; наказывает без суда; цинично пренебрегает решением своих судов, если они были в пользу политических; конфискует деньги и частную собственность граждан по подозрению в симпатиях к революционному движению; посылает 14-летних мальчиков и девочек в Сибирь»[42]. Джордж Кеннан продолжает список беззаконных действий властей. Не ограничиваясь выражением чувств, он приводит цифры, ссылаясь на официальные документы, с которыми он получил возможность ознакомиться. Ежегодно в Сибирь поступало от 10 тыс. до 13 тыс. уголовных преступников, ссыльных, переселенцев (крестьян, высланных решением мира), бродяг[43]. Историк царской

тюрьмы проф. Гернет подсчитал, что (на 1 января 1900 г.) количество ссыльных среди заключенных составляло 8,36%[44].

Современный биограф Александра III приходит к выводу, что политический режим при нем неуклонно приближался к тоталитарному, обнаруживая сходство не столько в степени жестокости репрессивной системы, сколько в некоторых ее исходных принципах». Историк видит главным принципом тоталитаризма в «нетерпимости к инакомыслию», сравнивая «самодержавное государство, авторитетное по своей природе, с диктатурой пролетариата»[45].

Нетерпимость к инакомыслию — один из принципов тоталитарного режима, но не основной, не «исходный». Тоталитаризм — система, которая нарушает собственные законы, живет без законов, по воле высшей инстанции — партии и ее вождя. По сути дела, подлинный тоталитаризм — это порождение XX в. Система Александра III, ставившая во главу угла полный контроль над обществом и государством, видевшая своей главной задачей сохранение абсолютного самодержавия, была на пути к тоталитарному режиму. Излюбленной командой русских армейских офицеров была — стрельба залпом. Дружный залп показывал выдержку и хорошее обучение воинской части. Специалист отмечает: «Меткость подобного декоративного» огня была, конечно, ничтожной»[46]. Европейские армии уже давно перешли на индивидуальную стрельбу.

На дороге в капитализм

Арестанты преувеличивали понятие о действительной свободе, и это так естественно, так свойственно всякому арестанту.

Ф. Достоевский

Анатоль Леруа-Болье, историк и современник эпохи контрреформ, сравнивает два события, совпавших по времени: освобождение негров в США и освобождение крестьян в России. «В Америке, — пишет он, — освобождение рабов, купленное ценой убийственной войны, осуществленное насильно, без арбитра или посредника, бросило временно белого хозяина к ногам освобожденного черного и установило на берегу Мексиканского залива порядок почти такой же удручающий, такой же опасный, как само рабство». И наоборот, констатирует историк, «в России освобождение не вызвало борьбы классов и не могло, конечно, вызвать расовой борьбы; не пробудило ни враждебности, ни соперничества, социальный мир не был нарушен». А между тем, значительно более довольны были в США. Всеобщую неудовлетворенность в «империи Севера» Анатоль Леруа-Болье объясняет почти так же, как Достоевский, но делая упор на русский характер. «Чрезмерность надежд, которая у русских больше, чем у всех других народов, превосходит реальность, <а> страстность желаний всегда обманута обладанием. Иллюзиями питались как неграмотный крепостной, так и политик и писатель, общественное мнение целиком».

Заключение, сделанное французским историком, относится ко всему послереформеному периоду: «Образованные русские видели в своих мечтах земной рай, почти такой же химерический, как Эльдорадо, которое в своих мечтах видел русский мужик: они видели свободную Россию, совершенно новую, совершенно непохожую на прежнюю. Но изменения не были ни достаточно быстрыми, ни такими глубокими, каких ждали: внезапной метаморфозы не произошло»[47].

Эти наблюдения особенно хорошо передают настроения русского общества в 80-е годы. Позади были 60-е годы — время грез, рожденных реформами, затем 70-е — годы террора, который пугал, но соблазнял возможностью радикальных перемен. 80-е годы начались контрреформами, которые подтвердили справедливость общественного недовольства великими реформами Александра II: оказалось, что все зависит от желания или каприза императора. Вчера — реформы, сегодня — контрреформы: все зыбко, непрочно, ненастоящее.

Современники и затем историки единодушно говорят о «глухом» времени — 80-х годах. Александр Блок написал о них[48]:

В те годы дальние, глухие

В сердцах царили сон и мгла:

Победоносцев над Россией

Простер совиные крыла.

Жесткая цензура, репрессивная политика, контрреформы не объясняют всех причин отрицательного отношения к 80-м годам. Тем более, что, несмотря на все препятствия, воздвигаемые правительством, результаты реформ давали о себе знать. Развивалась земская деятельность, суд присяжных становился привычным, приобретали авторитет адвокаты, росла сеть народных школ и библиотек. Путешествуя по северной России, англичанин Маккензи Уоллес обнаружил к своему огромному удивлению «Историю цивилизации» Бокля в крестьянском доме. Джордж Кеннан подробно описывает библиотеки ссыльных, содержавшие, наряду с русскими книгами, произведения французских, американских авторов — часто в переводе на русский (с цензурными купюрами)[49].

Особенность 80-х годов — потеря высокой цели. Народничество исчерпало себя. Народ, объект воздействия революционной интеллигенции, отказался следовать за ней. Он остался равнодушным к ее призывам в период «хождения в народ», он в ужасе осудил убийство императора, которое — по мысли террористов — должно было стать сигналом к революции. Консерваторы, напуганные 1 марта, присоединились к правительственному лагерю, ища зашиты перед народной «стихией», которая оставалась страшной, несмотря на лояльность, убедительно подтвержденную в годы охоты на царя.

Активное вторжение капитализма в Россию в 80-е годы становится поводом для объединения русского общества. Против новой опасности — капитализма — выступают «западники», знающие о социальном неравенстве, которое он порождает; против выступают «славянофилы», видящие угрозу «русскому духу», коллективизму.

Образованное общество, интеллектуальная элита, отвергает капитализм, как цивилизацию, «разрушающую земледельческие идеалы», по причинам этическим, ибо он «губит цельность и гармоничность человеческой личности», а также по причинам эстетическим. Против был Константин Леонтьев (1831—1891), известный своим рецептом: «нужно подморозить Россию, чтобы она не гнила», надеявшийся на то, что «бушующий и гремящий поезд Запада промчится мимо нас в бездну социальной анархии. Историк литературы констатирует: «Если бы надо было назвать реакционнейшего из всех русских писателей второй половины XIX столетия, то вряд ли можно было бы найти кого-нибудь, кто смог бы оспаривать это место у Константина Николаевича Леонтьева»[50]. Против был крупнейший русский сатирик Михаил Салтыков-Щедрин. Салтыков-Щедрин, автор «Города Глупова», «Господ Головлевых», сатирических сказок, редактор «Отечественных записок», находился на противоположном конце политической радуги. Между этими полюсами располагалось все русское общество, которое единодушно — идеологически — осуждало вхождение России на путь капиталистического развития.

Робкие голоса, проповедовавшие необходимость «малых дел», отдававших предпочтение «постепенному движению» вместо «революционного прыжка», заглушались

обвинениями в самом страшном преступлении — мещанстве. Дореволюционный автор «Истории русской общественной мысли» категоричен: «Восьмидесятые годы возвели самосовершенствование, теорию малых дел и постепенство в принцип, положили их во главу угла, и тем самым впали в беспросветное мещанство»[51].

Мещане были сословием, организованным Екатериной II (1775) из горожан, которые не имели капитала в 500 рублей и поэтому не могли быть записанными в купцы. В середине XIX в. «мещанин», «мещанство» приобретают идеологическую окраску. «Мещанство», объясняет советская энциклопедия, это «ограниченность кругозора, узость взглядов, обывательское стремление к личному благополучию, оторванность от общих интересов коллектива». Это значение придавали слову и в 80-е годы XIX в. Как и в советское время, мещан осуждали за нежелание «делать революцию».

Неприязненно встретило вторжение капитализма в деревню подавляющее большинство крестьянства. Наиболее активные, энергичные, беззастенчивые и предприимчивые крестьяне быстро богатели за счет своих односельчан, выбивались в купеческое сословие, становились капиталистами, вызывая зависть и ненависть. Их называют презрительно — Колупаевы и Разуваевы, слово «плутократ» произносят с ударением на первом слоге, выражая общее представление, что богатство может быть достигнуто только плутовством.

В 90-е годы XX в. Россия, пережив эпоху строительства социализма, вернулась к строительству капитализма. Отрицательное отношение общества очень напоминает эпоху 80-х годов XIX в.

Правительство Александра III имело программу экономического развития страны. Центральной задачей стало упорядочение финансов. Они должны были обеспечить протекцию и контроль государства. Министру финансов подчинялись департаменты железных дорог, торговли и промышленности. В его руках было управление экономикой России. Три министра руководили финансами в царствование Александра III. Разные по характеру и взглядам, они вели одну и ту же политику.

В 1881 г. император назначил министром финансов Николая Бунге, видного экономиста, члена Петербургской академии наук, ректора университета Св. Владимира в Киеве. В то время как правительство Дмитрия Толстого готовит и реализует контрреформы, министр финансов приступает к реформам. Особое внимание обращает он на податную систему. Указ 1883 г. об отмене подушной подати имел не только финансовый характер: крестьяне получили возможность иметь паспорта, и более свободно передвигаться. Целью Николая Бунге была уравнительная налоговая система, то есть прогрессивное налогообложение. Он идет к ней, устанавливая налоги на денежные капиталы, повышая поземельный налог и т.д. Учреждаются особые местные органы финансового управления — податные инспекторы.

Министр финансов создает для облегчения получения кредитов населением Крестьянский банк (1883) — его задачей была помощь крестьянам в покупке земли — и Дворянский банк (1885), выдававший на льготных условиях ссуды дворянам.

Вторым важным направлением деятельности Николая Бунге были меры покровительства промышленности — повышение таможенных тарифов. Пошлины на предметы ввоза и вывоза повышались ежегодно. Пошлины должны были не только помогать российской промышленности, но и быть источником дохода.

Наконец, Николай Бунге начинает новую государственную политику по отношению к железным дорогам. В 60—70-е годы их строительство шло стихийно, многочисленными предпринимателями, часто мешавшими друг другу. В 1881 г. протяженность казенных железных дорог составляла всего 161 версту. В 1882 г. министерство финансов покупает за счет казны первую железнодорожную линию. Начинается скупка государством нерентабельных железных дорог и строительство новых на казенные средства.

Иван Вышнеградский (1831—1895), принял министерство финансов в 1882 г. и занимал этот пост до 1889 г. Известный математик, профессор Политехнического института, Вышнеградский был одновременно учредителем ряда акционерных обществ. Продолжая политику протекционизма — поддержки промышленности и повышения таможенных тарифов, новый министр финансов главное внимание направил на ликвидацию дефицита в бюджете и укрепление рубля, ставя конечной целью введение в стране золотого обращения.

Усиленный вывоз главной статьи русского экспорта — хлеба позволил Ивану Вышнеградскому добиться значительного положительного торгового баланса и, приобретая золото за границей, резко увеличить золотой запас. Катастрофический неурожай 1891 г. нанес сильный удар системе министра финансов. Крестьяне не имели возможности платить налоги, правительство прибегло к жестким мерам по сбору недоимок, что вызвало рост недовольства в деревне. Это — оборотная сторона политики Вышнеградского. Лицевой стороной были отсутствие дефицита и твердый рубль. Министр финансов смог получить значительные кредиты за границей. Впервые Россия обращается на новый финансовый рынок — французский. Это было сигналом поворота русской внешней политики.

В 1885 г. Иван Вышнеградский начал реформу, которая завершилась в 1902 г. введением государственной водочной монополии. Начальным шагом было изменение обычаев, существовавших несколько веков. Во-первых, кабак — место, где торговали только водкой, был заменен трактиром и корчмой, где можно было к водке получить закуску, еду. Во-вторых, уже при Витте была разрешена розничная продажа водки: до 1895 г. на вынос можно было купить только ведро, бутылки существовали лишь для иностранных виноградных вин, которые поступали в своей посуде. В России развитой стекольной промышленности не было. Радикальный характер перемен объясняет длительность перехода к государственному акцизу.

Сергей Витте (1849—1915), пришедший в министерство финансов после Вышнеградского, в отличие от предшественников был специалистом-железнодорожником. Окончив Одесский университет, он начал работать на железных дорогах. Александр III заметил Витте, когда он был управляющим Юго-Западных железных дорог и сопровождал императора в поездках на юг. В 1888 г. Сергей Витте обратил внимание министра путей сообщения, находившегося в царском поезде, что Александра III везут слишком быстро, может произойти крушение. Император, любивший быструю езду, услышав предупреждение Витте, рассердился: «Я на других дорогах езжу, и никто мне не уменьшает скорость, а на вашей дороге нельзя ехать просто потому, что ваша дорога жидовская». Император, объясняет Витте, имел в виду, что председателем правления был еврей Блиох[52].

Витте настоял на своем. На другой дороге, управляющий которой не был так смел, императорский поезд сошел с рельс: чудом император и вся его семья спаслись от смерти.

Вскоре после крушения Сергей Витте был назначен министром путей сообщения, а через несколько месяцев — министром финансов.

Продолжая главные линии финансовой политики своих предшественников, Витте отказывается от излишней, по его мнению, бережливости Вышнеградского. Финансовая политика, утверждал новый министр, не только не должна упускать из внимания нежелательных последствий излишней сдержанности в удовлетворении назревающих потребностей, но и напротив, должна поставить своей задачей разумное содействие экономическим успехам и развитию производительности страны.

Политика поддержки экономического развития требовала очень значительных средств. В своих воспоминаниях Витте пишет, что Александр III дал ему первоначальные задачи: завершить строительство Сибирской железной дороги, доведя ее до Владивостока; осуществить «питейную монополию», т. е. взять в руки государства всю торговлю водкой. По мнению императора, это должно было ограничить размеры пьянства. Спиртная

монополия, которую Витте начал интенсивно внедрять по всей России, давала средства (часть средств) для активного строительства железных дорог.

Важным источником доходов — с этим были согласны предшественники Витте — составляли таможенные пошлины. Вышнеградский ввел в 1891 г. строго протекционистский таможенный тариф. Новый министр финансов начал таможенную войну с Германией. Отношения между Россией и Германией были такими хорошими, что они обходились без торговых договоров. После того, как Германия ввела пошлины на весь хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, установив одновременно два тарифа — максимальный и минимальный, Россия оказалась в трудном положении. Поскольку с ней договора не было, к ней применялись максимальные пошлины. Вопреки мнению всех других министров (кроме военного), Витте добился согласия Александра III применить повышенный тариф на все германские товары. Расчет Сергея Витте, как он объясняет, был простой: нация менее развитая экономически ощущает при таможенной войне Меньше потерь и стеснений, нежели нация с развитой промышленностью и с развитыми экономическими отношениями[53]. Гер-Мания согласилась применять к России режим наибольшего благоприятствования — был подписан первый торговый договор, регулировавший все торгово-экономические отношения.

Россия Александра III была членом очень избранного клуба великих держав. В этом ни у кого не было сомнения. Ее размеры (при царе-миротворце они снова увеличатся), ее население (по первой обшей переписи населения 1897, оно составляло 129 млн. человек) были убедительным доказательством. В послереформенный период страна быстро развивалась в промышленном отношении. В 1860—1913 гг. рост производства составлял в среднем 5%, а в 90-е годы приближался к 8%. Экономический подъем, получивший сильный толчок в царствование Александра III, продолжался не менее быстрыми темпами при его сыне — Николае И. В 1914 г. Россия считалась четвертой индустриальной державой, по внешней торговле она занимала шестое место в мире.

Цифры, демонстрирующие развитие российской экономики в конце века, чрезвычайно внушительны. Производство чугуна. 1894 г. — 79 млн. тонн, 1898 г. — 113 млн. тонн. Добыча нефти в Баку: 1894 г. — 297 млн. пудов, 1897 г. — 700 млн. пудов, 1901 г. — 700 млн. пудов. Добыча угля возросла в 1892—1900 гг. с 65 млн. до 177 млн. пудов, производство железа и стали с 61 млн. до 124 млн. пудов. В 1886 г. насчитывалось 462 акционерных общества с капиталом в 594 млн. рублей, в 1898 г. — 990 обществ с капиталом в 1686 млн. рублей.

Эта радужная картина имела свою оборотную сторону. Абсолютные цифры развития не показывали отсталости России по сравнению с другими державами. Россия была аграрной страной. В городах жило в 1897 г. 12,9% населения. 77,7% общей стоимости экспорта составляли сельскохозяйственные продукты. Основными отраслями промышленности были текстильная и пищевая. Различие между абсолютными и относительными цифрами демонстрируют железные дороги. В 90-е годы их длина увеличилась вдвое по сравнению с предыдущим десятилетием. Успех замечательный. Но в конце XX в. по числу километров железных дорог, приходящихся на 1 млн. жителей, европейская Россия занимала 20-е место в мире (из 27).

Особенностью экономики России было опережающее развитие окраин: юг — Малороссия — стал важным центром угольной промышленности, железные дороги повысили роль плодородных земель в экспорте зерна; на Кавказе (Баку) появилась нефтяная промышленность; Туркестан поставлял в конце XIX века 1/3 текстильного сырья; железная дорога превратила Сибирь в крупного экспортера масла и других молочных продуктов.

Исконно-русские, центрально-черноземные губернии империи отставали от окраин. Родилась проблема «оскудения центра», которая остается нерешенной и в конце XX в.

Быстрое, но неравномерное развитие России отражало возможности страны, всего лишь несколько десятилетий назад вставшей на путь «модернизации» и начавшей «строить капитализм». Прежде всего, оно отражало наличие программы, которую реализовывали Николай Бунге, Иван Вышнеградский и — чрезвычайно сознательно — Сергей Витте. Для последнего было очевидно, что аграрные страны, даже если они пользуются полным суверенитетом, обречены, с экономической точки зрения, оставаться колониями промышленных стран, которые становятся как бы их метрополией. «Создание своей собственной промышленности, — говорит Витте, — это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционной системы»[54].

Сергей Витте служил в правительстве Александра III до смерти императора немногим более двух лет, но оставался на посту министра финансов Николая II еще девять лет. И все эти годы, преодолевая отчаянное сопротивление, стремился реализовать свою программу. Программу Витте сравнивали с политикой быстрой индустриализации страны, которую проводил во Франции Наполеон III. Политика индустриализации страны, превращения России аграрной в Россию индустриальную, которую реализовал Сталин, во многом обязана программе графа Витте.

«Россия для русских»

Император Александр III понимал, что он есть император всех своих подданных. Более всех своих подданных, он, конечно, любил русских...

Сергей Витте

Особая любовь Александра III к русским легко объяснима. Русские составляли подавляющее большинство населения империи. Он ощущал себя исконно русским, хотя в его жилах не было ни капли русской крови. Но предпочтительная любовь к имперскому народу означала, что другие народы император любил меньше. А некоторые не любил совсем. Узнав о том, что князь фон Баттенберг, которого Россия выдвинула кандидатом на болгарский трон, после своего избрания повел прогерманскую политику, Александр III сразу же понял причину коварного поведения: «Польская мать»[55]. Действительно, мать Баттенберга была полька, но по отцовской линии он был племянником императрицы Марии, т. е. двоюродным братом Александра III. Это имело значение при поддержке его кандидатуры, но «плохая кровь» оказалась сильнее «хорошей».

Значительно больше, чем поляков, Александр III не любил евреев, он подозрительно относился к малороссам, презирал инородцев. Лев Толстой писал, что Николай I считал всех поляков негодяями и «ненавидел их в меру того зла, которое он сделал им[56]. Александр III не сделал полякам столько зла, сколько сделал его дед, и поэтому видел в них только беспокойный элемент, стремящийся вырваться из-под контроля Петербурга.

30 января 1911 г., незадолго до смерти, Василий Ключевский, крупнейший русский историк, занес в свою записную книжку результат размышлений о национальном вопросе: «Противоречие в этнографическом составе Русского государства на западных европейских и восточных азиатских окраинах: там захвачены области и народности с культурой гораздо выше нашей, здесь — гораздо ниже; там мы не умеем сладить с покоренными, потому что не можем подняться до их уровня, здесь не хотим ладить с ними, потому что презираем их и не умеем поднять их до своего уровня. Там и здесь неровни нам и потому наши враги»[57].

Царствование Александра III — высшая точка враждебного отношения центра к окраинам. Сплелись вместе неприязненное отношение императора к нерусским народам, населявшим Россию, мессианитский национализм Победоносцева, рационализм Дмитрия Толстого, стремившегося сохранить нерушимость империи, быстрое развитие окраин, в особенности западных. Граф Толстой распространяет на прибалтийские провинции русскую судебную систему, ликвидируя местные суды, проводит усиленную политику русификации в администрации и школах, ставя своей целью борьбу с германизацией, с привилегиями, которыми пользовалось немецкое дворянство, балтийские бароны. Еще более интенсивная русификация проводилась в Привислинском крае. Одним из главных ее направлений была борьба с влиянием католической церкви, в которой министр внутренних дел видел основной источник польского национализма. Этот вопрос граф Толстой знал хорошо: в молодости он написал (на французском языке) книгу «Римский католицизм в России» — о коварных планах проникновения в Россию, составляемых в Ватикане.

Конкордат между Россией и Ватиканом, решение о котором было достигнуто во время встречи Николая I с папой Григорием XVI в Риме в декабре 1845 г., переживал трудное время после польского восстания 1863 г. В 1864 г., под предлогом укрывательства повстанцев, были закрыты 114 (из 197) католических монастырей в России. Для управления католической церковью в пределах Российской империи была создана Духовная коллегия во главе с лояльными по отношению к Петербургу католическими иерархами. В 1866 г. папа Пий IX дал повод для разрыва Россией дипломатических отношений с Ватиканом.

Папа Лев XIII, избранный в 1878 г., начал политику сближения с петербургским двором. В Ватикан был направлен один из способнейших русских дипломатов того времени Александр Извольский. В беседе с ним Лев XIII объяснял, что в борьбе с наступающими разрушительными началами Ватикану «нужна помощь консервативных держав», подчеркивая: «Я придаю большую цену нравственной поддержке со стороны России». Извольский сообщал в Петербург, что, «когда Лев XIII хочет представить нам ценность своей дружбы во время европейских осложнений, он имеет в виду в особенности польский вопрос, в котором его духовная власть может, по его мнению, оказать весьма ценное воздействие». За словами последовали действия: в марте 1889 г. Лев XIII опубликовал послание к польским епископам, призывая их сотрудничать с властями России, Германии, Австро-Венгрии. Особенно папа рекомендовал такое сотрудничество католикам России[58]. Роза Люксембург, член социал-демократических партий России, Польши и Литвы, Германии, комментируя послание папы, писала: «С этого времени истинным представителем Бога в Польше является русский кнут»[59].

Вступление Александра III на трон было ознаменовано еврейским погромом в Киеве. Как засвидетельствовал в своих воспоминаниях начальник Киевского жандармского управления, погром произошел при попустительстве и поддержке генерал-губернатора Дрентельна[60]. Сочувственно относился к антиеврейским выступлениям министр внутренних дел Игнатьев. Занявший его место граф Толстой не любил евреев, но еще больше он не любил беспорядков. Стихийные выражения антиеврейских чувств были резко ограничены. Заработала административная машина. В мае 1882 г. были приняты законы, сокращавшие черту оседлости и ограничивавшие право евреев передвигаться вне ее, в 1887 г. для еврейских детей была введена процентная норма в средних учебных заведениях (в черте оседлости — 1%, в столицах — 3%, в других городах — 5%). В 1891 г. из Москвы выслали более 10 тыс. евреев механиков, мастеров, ремесленников, проживание которых было разрешено в 1865 г. В 1892 г. евреев лишили права участвовать в органах городского самоуправления. Сотни законов, указов, распоряжений и директив регулировали их положение в России: от запрещения владеть землей до запрещения преподавать русский язык в еврейских школах. Сборник антиеврейских законов насчитывал около тысячи страниц.

Антисемитизм становится одной из популярнейших идеологий в Европе в конце XIX в. Он вспыхивает в Германии после финансового кризиса 1873 г. и будет расти и развиваться. Волна антисемитизма захлестывает Францию: в 1894 г. судят капитана Дрейфуса.

Русский антисемитизм привлекал внимание мира, ибо был — государственной политикой. Сергей Витте, желая похвалить министра внутренних дел, говорит о нем: «Граф Толстой никогда не впадал в крайности ни в отношении преследования евреев, ни в отношении преследования поляков и вообще инородцев»[61]. В то же время министр юстиции Манасеин «проводил так называемые националистические взгляды, которые заключались... в том, чтобы несправедливо давить и не считаться с интересами инородцев»[62]. Преследования — были политикой, формы реализации зависели от темперамента министра, прежде всего — от императора. Антиеврейское законодательство Александра III воспринималось как особенно несправедливое, ибо отменяло права, которые дал еврейскому населению Александр II.

В конце XIX в. западноевропейский антисемитизм приобретает «научную базу» в виде расовых теорий. Француз Артур Гобино, англичанин Хоустон Стюарт Чемберлен сочиняют теорию о превосходстве «высшей», арийской расы. В России эти идеи успеха не имеют. Русский антисемитизм носит религиозный характер: переход в православие устранял преграды, запреты. Перейти из одной расы в другую — невозможно. Как невозможно бьио после коммунистической революции изменить социальное происхождение. Перемена вероисповедания была невозможна. Сомнения по отношению к новообращенному, конечно, оставались. Но они имели не юридический, а психологический характер. Любимая дочь Александра III Ксения влюбилась в великого князя Александра Михайловича, сына любимого дяди императора. Препятствием, с точки зрения отца невесты, было неясное происхождение матери жениха — баденской принцессы, великой княгини Ольги Федоровны. «Потому, что она, — сообщает любитель сплетен Сергей Витте, — имела еврейский тип... и находилась в довольно близком родстве с одним из еврейских банкиров в Карлсруэ»[63]. Любовь победила — Александр III дал согласие на брак.

В 1903 г. Теодор Герцль приехал в Петербург знакомить царских министров с программой сионизма. Наиболее интересный разговор произошел у него с Сергеем Витте. Министр финансов, объявив, что он «друг евреев», объяснил собеседнику, что евреи сами виноваты, вызывая к себе враждебность «высокомерием». В большинстве — они бедные, а поэтому — грязные, занимаются презренными профессиями и т.д. К тому же их много в революционном движении. «Чем вы это объясняете?» — спросил Герцль. Сергей Витте ответил, что, по его мнению, «это вина нашего правительства. Евреев слишком угнетают. Я часто говорил покойному царю Александру III: «Ваше величество, если бы можно было утопить шесть или семь миллионов евреев в Черном море, я был бы целиком за это. Но если это невозможно, то нужно позволить им жить». «Чего вы хотите от русского правительства?» — спросил Витте у лидера сионистов. «Некоторого поощрения», — ответил Герцль. «Но мы поощряем евреев, — порадовал Витте. — Поощряем эмигрировать. Пинком ноги в зад, например»[64]. Теодор Герцль прокомментировал: с такими друзьями — кому нужны враги.

Погромы 1881—1882 гг. вызвали первую волну эмиграции. Ежегодно выезжало 50—60 тыс. человек. В 1891 г., после высылки из Москвы мастеровых и ремесленников, эмигрировало 110 тыс., а в 1892 г. — 137 тыс. человек[65]. Основной поток эмигрантов шел в Соединенные Штаты. Другой возможностью решения еврейского вопроса было обращение в православие. Здесь результаты были скромными: ежегодно на протяжении второй половины XIX в. принимало христианство, в среднем, 936 евреев[66].

Подавляющее большинство населения России исповедовало православие. Кроме того, в империи жили мусульмане (в конце века — около 12 млн.) католики (около 11 млн.), лютеране (около 4,5 млн.), евреи (около 4 млн.), язычники (около 7 млн.), представители

других религий. Притеснения, которые испытывали (в разной мере) неправославные веры, были результатом политики централизации, укрепления единства империи. Наиболее демонстративным проявлением этой политики было отношение к старообрядцам, официально именовавшимся — раскольниками. Старообрядцы, делившиеся на различные группы, насчитывали, по отчету обер-прокурора Священного Синода в 1895 г., 13 млн. верующих. В официальной статистике они включались в число православных. Основную группу старообрядцев (75% от общего числа) составляли «поповцы» — они имели свою организацию, сходную с православной церковью, своих священников. Центром «поповцев» было Рогожское кладбище в Москве. На территории кладбища имелись моленные, больница, дом старцев. Капитализм открыл дорогу к успехам многим старообрядцам, людям активным, энергичным, привыкшим преодолевать препятствия. Указ 1883 г. позволил старообрядцам молиться и жить по-своему, но не афишируя своих разногласий с официальной церковью. Они получили как бы официальное разрешение жить в подполье.

Значительно тяжелее было положение других течений старообрядчества. Особенно преследовались многочисленные секты. Репрессиям подвергались апокалипсические секты (хлысты, скопцы), а также разного рода баптистские движения. Министерство внутренних дел объявило, что баптизм представляет собой «секту евангельско-лютеранской церкви», следовательно, «лица русского происхождения» не имеют права быть баптистами. В 1900 г. русским было официально запрещено называть себя баптистами.

Освобождение крестьян дало мощный толчок развитию духовных поисков ответов на вопросы, возникшие в результате социальных и экономических перемен. Не находя ответа в официальной православной церкви, русские уходят в секты, создают новые. Государство отвечает административными репрессиями, которые должны были помочь церкви бороться с «религиозным брожением, не соответствующим началам православия», которое, как регистрировал Священный Синод, существовало «в довольно значительной части русского народа».

Сталкиваются два усердия. Озабоченные духовными проблемами верующие хотят верить по-своему и сохраняют веру, несмотря на репрессии. Власти, видящие в каждой «неправильной» вере опасность для государства, для целостности империи, усиливают репрессии.

К «Сердечному согласию»

*Извлекать из всего все, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться**
для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно.

Александр III

В манифесте о восхождении на престол Николай II назвал своего отца, императора Александра III, — миротворцем. С этим были согласны современники и историки. Сдержанный обычно, Анатоль Леруа-Болье говорит об Александре III — «ангел мира»[67]. Сто лет спустя последний глава советских идеологов, пересмотрев свои взгляды, восторженно пишет: «Александр III все 13 лет царствования прожил в мире со всеми, с титулом «миротворца» и помер»[68]. С этой оценкой трудно спорить: может быть, не жил «ангел мира» в мире со всеми, но больших войн Россия при нем не вела. Тем не менее, как говорится в официальной биографии, «не желая воины или каких-либо приобретений, императору

Александру III пришлось при столкновениях на востоке увеличить владения Российской империи на 214854,6 кв. верст (429895 кв. км), и притом без войны».

«Вынужденное», как выражается биограф, приобретение огромной территории имело место в Средней Азии. После побед Скобелева над текинцами (1881—1882) туркменские племена приняли русское подданство. Овладение Мервом открыло территорию до реки Пяндж, обозначавшую границу с Афганистаном. Бросок был сказочный: еще в 1880 г. границу Российской империи отделяла от Афганистана тысяча верст. Пустота, потерявшие охоту к сопротивлению местные племена как бы втянули Россию. Исполнилась мечта обер-секретаря Сената Ивана Кириллова, представившего в 1728 г. императрице Анне план захвата Средней Азии. Правда, Иван Кириллов предлагал потом идти в Индию. Армия Александра III остановилась на границе с Афганистаном. Это встревожило англичан и вызвало серьезный конфликт между двумя великими колониальными империями. Россия не имела в то время ни намерения, ни возможностей переходить Пяндж. Не планировала в то время захвата Средней Азии и Великобритания.

Конфликт закончился мирным размежеванием: Афганистан оставался в зоне интересов Великобритании, Средняя Азия — в составе Российской империи. В 1892 г. произошли столкновения в районе Памира, который также был мирно поделен между Россией, Англией, Афганистаном и Китаем. На Среднем Востоке Россия достигла своих естественных пределов. Только в декабре 1979 г. Советский Союз вторгнется в Афганистан, нарушив спокойствие границы, установленной при царе — «миротворце».

Английская дипломатия, английская литература (достаточно вспомнить Редьярда Киплинга), английская публицистика энергично разоблачают империалистические намерения русского «медведя». Для этого были основания. Но было не менее оснований говорить об империализме Великобритании, Франции, Италии. Торопится выкроить себе колонии и Германия. Зимой 1885 г. в Берлине собралась на конференцию группа держав, основной целью которой был раздел Африки. На африканском континенте Россия своих интересов практически не имела, но присутствовала как великая держава и свидетельница ожесточенного соперничества колониальных стран. В ссоре с Англией Россия, как правило, поддерживала на конференции Францию.

В Средней Азии единственно возможной соперницей России была Англия, которая в 1885 г. захватила Бирму, но энергично возмущалась появлением русских войск на Пяндже. Принципиальное отличие русских колониальных захватов от политики захватов западно-европейских государств заключалось в том, что Российская империя распространялась по евразийскому континенту. Другие великие державы отправлялись искать для себя колонии за морями и океанами.

Балканы издавна были важным направлением распространения русского влияния. Берлинский мир не удовлетворил все желания петербургской дипломатии, а только некоторые. Болгария была разрезана на две части — северную и южную (Румелию). В северной князем был выбран русский ставленник — гессенский принц Александр Баттенбергский, участвовавший в войне с Турцией в русском уланском полку. Берлинский конгресс постановил, что Болгарское княжество (северная часть, Румелия осталась провинцией Оттоманской империи) получит конституцию, свободу печати и прочие «дурачества», как выразился один из русских дипломатов.

Конституция была выработана комиссией, которой руководил русский верховный комиссар Дондуков-Корсаков. В Тырнове собралось Народное собрание, и, хотя правительство возглавляли русские генералы, князь Баттенберг стал испытывать серьезные трудности, разрываемый между лояльностью к своему двоюродному брату Александру III и к подданным, среди которых приобретала популярность идея «Болгария для болгар». Князь Александр разогнал Народное собрание, но и другое (отменить конституцию, гарантированную державами, он не мог) оказалось не лучше.

Предметом спора между русскими и болгарами стала железнодорожная линия. Ее необходимость была очевидной. Имелись два проекта: «западный», связывающий центральные земледельческие районы Болгарии с Черным морем, и «северный» — из центра страны к Дунаю. «Северное» направление поддерживалось Россией, хотя оно было значительно дороже «западного». В биографии Александра Баденского, опубликованной в 1890 г. в русском «Энциклопедическом словаре», говорится с похвальной откровенностью: «Князь Александр не сумел подчиниться указаниям облагодетельствовавшей Болгарию России, вследствие чего для него и возникли тягостные обстоятельства». Князь был свергнут с престола, затем сумел вернуться на него. В 1885 г. князь Александр объединил обе части Болгарии, вопреки желаниям Александра III. Разочаровавшийся в кузене император не хотел усиления Болгарии. Возникла парадоксальная ситуация — роли переменились. Теперь Англия и Австро-Венгрия, которые в Берлине были против «Большой Болгарии», защищали ее, а Россия, которая совсем недавно была за, — возражала.

Россия порвала дипломатические отношения с Болгарией. Несмотря на то, что Болгария вышла победительницей из войны с Сербией и Грецией, потребовавшими для себя компенсации за объединение, князь Александр покинул трон и страну. «Потерявший покровительство русского императора, Александр нашел необходимым отказаться от престола...», — объясняет «Энциклопедический словарь». Современный биограф Александра III сообщает, что князь Баттенбургский просил помощи императора, но «Александр III отказал — он не прощал предательства»[69]. Беда князя Александра заключалась в том, что он не захотел стать русским наместником в Болгарии, а вообразил себя болгарским государем.

Разрыв с Болгарией завершал падение русского влияния на Балканах. В Турции распоряжались англичане. Сербия в 1881 г. заключила секретный союзный договор с Австрией, в 1883 г. Румыния присоединилась к тройственному союзу (Германия, Австрия, Италия), явно антирусскому. Положение на Балканах горько разочаровало неославянофилов. И подтвердило мрачный вывод Константина Леонтьева: «Все юго-западные славяне были исключительно демократы и конституционалисты»[70].

Вывод, сделанный Александром III, был не менее пессимистичным. В 1899 г. император поднял тост за «единственного верного друга России — князя Николая Черногорского». Впрочем, по другому случаю царь-миротворец говорил о двух единственных друзьях России — ее армии и флота. Маленькая Черногория была верным союзником на Балканах, армия и флот служили основой русской внешней политики на всех направлениях.

В январе 1887 г. в Париж приехала делегация болгарского народного собрания просить помощи против русских и поддержать кандидатуру князя Фердинанда Саксен-Кобургского на трон Болгарии. Князя Фердинанда поддерживали Австрия и Англия, против него был Александр III. Французский министр иностранных дел Флуранс напомнил болгарам, что они должны испытывать чувство благодарности к русским, освободившим их от турецкого ига, и помочь отказался. Франция, искавшая сближения с Россией, настаивала на том, что благодарность может быть основой политики. Прямо противоположного мнения был Бисмарк. «Русская традиционная политика, — писал германский канцлер в конце жизни, уволенный в отставку, — опирающаяся частично на религиозное, частично на кровное родство, исходящая из мысли, что румын, болгар, греков, иногда римско-католических сербов, живущих под разными именами по обеим сторонам австро-венгерской границы, следует «освободить» от турецкого ярма и тем самым привязать к России, не оправдалась»[71]. Князь Бисмарк формулирует истину, справедливость которой подтвердилась сто лет спустя. «Освобожденные народы не благодарны, они требовательны»[72]. Русская (и советская) дипломатия не смогла отказаться от традиционного взгляда, неизменно ожидая благодарности «освобожденных народов».

Неудача на Балканах подчеркивала дипломатическую изоляцию России. Традиционные союзники — Германия и Австро-Венгрия — вели политику, которую, в

особенности со стороны Австро-Венгрии, никак нельзя было назвать дружеской. В 1881 г. Александр III подтвердил «союз трех императоров», но прежнего доверия к нему не было. Тройственное согласие — Германия, Австро-Венгрия, Италия — «Лига мира», как они себя называли, — недвусмысленно настаивало на решающем голосе в европейских делах. Бисмарк, который утверждал, что нужно всегда держать два утюга на огне, предложил в 1887 г. России «договор перестраховки»: обе стороны обязались соблюдать «благожелательный нейтралитет» в случае войны одной из них с третьей стороной. Россия подписала договор — на три года, — понимая его двусмысленность. Германия, «застрахованная» от нападения России союзом с Веной и Римом, «перестраховалась» от нападения Франции договором с Россией. Петербург кроме добрых советов от германского канцлера ничего не получил.

Советы Бисмарка преследовали одну цель — отвлечь внимание России от западной границы. Больше всего канцлер боялся для Германии войны на два фронта. Он не перестает предупреждать немецких политиков об этой опасности. Считая Францию первым врагом, Бисмарк считал необходимым убедить Петербург в том, что его интересы лежат на востоке. «Ключ к русскому дому, — писал он, — это Константинополь и проливы. Закрыв их, в случае необходимости, Россия будет неодолимой крепостью»[73].

Министром иностранных дел Александра III был Николай фон Гирс (1820—1895). Назначенный на пост министра в марте 1882 г., он фактически управлял им уже с 1878 г., ибо Горчаков тяжело болел. «Гирс был человек осторожный, дипломат, чиновник со средними способностями, без широких взглядов, но опытный», — подчеркивает Витте и добавляет: — «Он как раз подходил, чтобы быть министром иностранных дел при таком императоре, как покойный император Александр III... который как-то раз сам выразился: «Сам себе я министр иностранных дел»[74].

В основе дипломатической концепции Гирса лежало убеждение: «прежде всего, необходимо избегать бесполезных и неуместных решений»[75]. Основными целями внешней политики России он считал обеспечение стране мирной передышки. После тяжелой войны с Турцией Россия нуждалась в восстановлении финансового равновесия и завершении реорганизации армии. Видел он и опасность, нараставшую на западной границе. Витте вспоминал: «Как только я кончил курс в университете... потом в качестве... министра путей сообщения, министра финансов, наконец, председателя Комитета министров, все время слышал разговоры о том, что нам в ближайшие годы, если не месяцы, предстоит война с Германией. В течение 20 лет мы все время, по железным дорогам, по финансам, в военном ведомстве, всегда все меры принимали, главным образом имея в виду войну на Западе...»[76].

Сергей Витте окончил университет в 1870 г. Следовательно, создание германской империи, после победы Пруссии над Францией, было воспринято в России как знак появления на западной границе опасного врага.

Вступление на германский престол в 1888 г. Вильгельма II — молодого (29 лет), надменного, жаждущего военной славы, было толчком к пересмотру основных направлений русской внешней политики. Необходимость этого стала совершенно очевидной, когда в 1890 г. Вильгельм II уволил Бисмарка. Новый канцлер Каприви не счел нужным продлить «договор перестраховки».

Франция была единственной державой в Европе, которая искала сближения с Россией, полагая, что у них общий враг — Германия. Россия осторожно шла на улучшение отношений. В конце 80-х годов Россия обращается на французский финансовый рынок, который вскоре становится главным источником займов и кредитов. Были, однако, в Петербурге серьезные препятствия на пути в Париж. Франция была республикой, и в самодержавной России привыкнуть к этому долго не могли. Михаил Катков, передовые статьи которого в «Московских ведомостях» читались в западных столицах не менее внимательно, чем циркуляры Гирса, объявил однажды, что Россия может быть союзницей только монархической Франции. Недоверие вызывала не только парламентская республика,

но и неустойчивость режима. В Петербурге подсчитали, что со дня вступления Александра III на престол и до 1890 г. в Париже сменилось 14 министров.

От Франции требовали свидетельства о благонадежности. Республика дала его. 29 мая 1890 г. французская полиция по приказу министра внутренних дел Констана произвела обыски у 20 русских эмигрантов. Были обнаружены бомбы и средства их изготовления — все, что требовалось для разоблачения русских «нигилистов», готовивших покушение на Александра III. Ни заговорщики, ни французская полиция в то время не знали, что «дело» сфабриковано провокатором, тайным сотрудником Петра Рачковского, который в 1885—1902 гг. руководил заграничной агентурой департамента полиции в Париже.

Французская республика показала, что на нее можно рассчитывать в деликатных политических вопросах. «Лига мира» подтвердила свои воинственные намерения — в апреле 1891 г. в Петербурге стало известно, что Тройственный союз был возобновлен досрочно. Россия и Франция приступают к выработке соглашения о взаимных обязательствах в случае мобилизации одной из держав Тройственного союза. Особую тревогу в Париже и Петербурге вызывала возможность, как считали в то время, присоединения к «Лиге мира» Англии. В августе 1891 г. было заключено политическое соглашение между Россией и Францией, представляющее консультативный пакт. Правительства России и Франции, говорилось в нем, «в целях определения и утверждения сердечного согласия, объединяющего их, и желая сообща способствовать поддержанию мира», договорились, что «будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру». Соглашение носило строго секретный характер, но еще до подписания текста в Кронштадт прибыла эскадра французских военных кораблей. Забыта была Крымская война — население восторженно принимало французских моряков. «Марсельезу» с непокрытой головой слушал император Александр III, свидетельствуя, что любовь к Франции одобрена властью.

Франция хотела идти дальше — заключить договор. Министр иностранных дел России Гирс, считая, что соглашение было браком по расчету, видел дальнейшее сближение, прежде всего военную конвенцию, переговоры о которой начались между начальниками генеральных штабов, нежеланным плодом. Гирс, с одной стороны, опасался прихода к власти во Франции реваншистского правительства, которое втянет Россию в ненужную ей войну, с другой — видел необходимость сохранения, насколько возможно, хороших отношений с Германией: излишнее сближение с Францией могло им помешать. Антинемецкие чувства Александра III, поддерживаемого супругой-датчанкой, определяли его твердую политику расширения и упрочнения «Сердечного согласия».

В августе 1892 г. генералы Обручев и Буадефр согласовали военную конвенцию, которая была одобрена Александром III. «Если Франция, — говорилось в ней, — подвергается нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все войска, какими может располагать, дня нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все войска, какими располагает, для нападения на Германию». Статья вторая обуславливала «немедленную и единовременную мобилизацию вооруженных сил России и Франции в случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из входящих в него держав». Через 22 года, в июле 1914 г., эта статья — как и другие — придет в действие. Подобная военная конвенция связывала с 1888 г. государства Тройственного союза.

Горячим сторонником военного соглашения с Францией был начальник русского генерального штаба генерал Обручев. В 1863 г. капитан Обручев отказался «участвовать в братоубийственной войне», когда гвардейская пехотная дивизия, в которой он служил, была направлена на подавление польского восстания. Сила характера, самостоятельность суждений, военный талант позволили ему, тем не менее, сделать блестящую карьеру. Александр III питал к нему доверие, хотя хорошо знал о «либерализме» начальника генерального штаба. Генерал Обручев считал, что при решении главных вопросов русской внешней политики (галицийского и босфорского) основными противниками будут Англия,

Австро-Венгрия и связанная с ней союзом Германия. Решить вопросы можно будет только войной. Поэтому необходимо к ней готовиться: перевооружить армию, подготовить флот, построить крепости и железные дороги. Необходимы также союзы — логическим союзником была Франция. Александр III был согласен с этими взглядами.

Усиленная подготовка к войне, которая шла в Германии: увеличение численности армии, расширение железнодорожной сети, принятие в феврале 1893 г. нового военного закона, предусматривавшего, в частности, ускорение мобилизации всех войск «для нанесения противнику возможно скорее всеми силами решительного удара» — подтверждала русские опасения.

Осенью 1893 г. русская военная эскадра прибыла в Тулон, отвечая на кронштадтский визит французов. Русские моряки были встречены не менее восторженно, чем французы русскими.

Визит в Тулон стал публичным заявлением о продолжавшемся сближении двух стран. В секретном мире дипломатических канцелярий были в это время выработаны условия оборонительного союза между Россией и Францией. «Сердечное согласие» было подтверждено договором, подписанным весной 1894 г.

Россия вышла из политической изоляции. Она стала членом союза, противостоявшего в Европе Тройственному согласию.

В октябре 1894 г. Александр III умер, не дожив, несмотря на свое богатырское здоровье, до 50 лет. В новый век Россию должен был вести его сын — Николай II.

Глава 13
ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР

От Ивана III до Ивана IV, от Петра Великого, Екатерины II, до трех Александров самодержавная власть, кажется, выполнила свою историческую миссию.

Анатоль Леруа-Болье

Крушение великой империи вызывает, прежде всего, вопрос: почему она рухнула? Российская империя отпраздновала в 1913 г. трехсотлетие дома Романовых и находилась, казалось, в расцвете сил, занимала почетное место в ряду великих держав, переживала экономический и культурный расцвет. В феврале 1917 г. Николай II отрекся от престола — Россия стала республикой. Современники и потомки, историки и авторы исторических романов дали множество ответов на вопрос о причинах гибели Российской империи.

Ответы разные. Иначе видели причины победители, иначе — побежденные. Иначе современники, иначе — потомки. Иначе представляли происшедшее обитатели империи, иначе — смотревшие со стороны. Это, конечно, не только русский феномен. Пьер Менар, герой рассказа Хорхе Луиса Борхеса, считал, что историческая правда — это не то, что случилось, а то, что мы считаем случившимся[1]. Эта мысль, подрывающая претензии многих историков на открытие абсолютной истины о прошлом, нашла свое подтверждение после крушения советской империи в 1991 г.

Споры о причинах падения старого режима во Франции, о роли в событиях Людовика XVI и Антуанетты ведутся до сих пор, более двухсот лет спустя. Споры о русском старом режиме, роли царя и царицы носят значительно более острый характер. Возможно потому, что это события более недавнего времени, но прежде всего потому, что в советской системе прошлое принадлежало государству, которое было единственным непререкаемым судьей истории. Неожиданность краха советской империи повлекла за собой неожиданный и всеобщий поворот: случившееся в царствование Николая II увидели иначе. Стали «считать случившимся» — иное. Последняя большая работа, посвященная царствованию Николая II, опубликованная в советское время, называлась «Двадцать три ступени вниз». Автор — Марк Касвинов заканчивает в 1972 г. историю 23-х лет царствования приговором: «Неотвратим и логически закономерен стал расчет с царизмом... за все совершенные им преступления. И столь же закономерен конец, постигший Романовых»[2].

Убийство без суда, по приказу из Кремля царя и членов его семьи советский историк считает «закономерным». Автор первой биографии последнего императора, вышедшей после распада Советского Союза, рассказывая о катастрофе в день коронования Николая II (2 тыс. человек были задушены в толчее, возникшей, когда десятки тысяч, явившихся на церемонию, кинулись за подарками) констатирует: «На рассвете вывозили на телегах трупы раздавленных. Через 22 года, также на рассвете и также на телегах, повезут их трупы»[3]. Смерть царской семьи как бы искупила все то. что случилось в годы царствования.

По стопам отца

После смерти Николая I Алексей Хомяков убеждал друзей, что следующий царь будет хороший. Поэт и философ считал, что он обнаружил закономерность: хороший царь на русском престоле сменяется плохим, после которого приходит хороший. Александр II подтвердил теорию Хомякова. Так же, как и Александр III — контр-реформатор, пришедший на смену реформатору. Николай II сразу же нарушил традицию, которой следовали все русские государи и которая, возможно, лежала в основе «системы» Хомякова. Каждый (или каждая) отменял то, что было сделано предшественником, исправлял, улучшал. Николай II начал с заявления: «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». В этом же заявлении — молодой царь обращался к представителям дворянства, земств, городов и казачьих войск, явившимся поздравить его с восшествием на престол, — были слова, прозвучавшие на всю Россию: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления...». В тексте, подготовленном для Николая II, было — «беспочвенные мечтания». Император, не привыкший к публичным выступления, прочитал — «бессмысленные», значительно усилив смысл решения идти по стопам отца, оставаться неограниченным самодержавным государем.

Восшествие Николая II на трон было, по неизменной русской традиции, неожиданностью. Николай был наследником — цесаревичем. В этом отношении никаких сомнений не было. Но Александр III был еще молод, силен. Смерти его не ждали, прежде всего не ждал ее Николай, плохо подготовленный к принятию на себя груза управления империей.

Николай II получил отличное домашнее образование — обучение продолжалось 13 лет. Классические языки, основа гимназического курса, были заменены основами естественных наук, к французскому и немецкому языкам был добавлен английский. Последние три года занятий были посвящены изучению военного дела и знакомству с главнейшими началами юридических и экономических наук. Преподавали крупнейшие русские специалисты. Науки интересовали наследника умеренно. Сергей Витте, многолетний министр Николая II, говорит о нем: «Человек несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей: он вообще все быстро схватывает и все быстро понимает»[4]. В то же время, вспоминал бывший министр финансов, «император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства»[5]. Дело, конечно, было не в образовании. Сергей Витте признает, что по способностям Николай II «стоит гораздо выше своего августейшего отца». Но Александр III «отличался совсем другими способностями, которые делали его великим императором»[6].

Внешне Николай II, атлетически сложенный, но невысокого роста, был очень непохож на гигантов-красавцев, восседавших на русском троне начиная с Александра I. Новый император был похож на свою мать. Это дало повод Василию Ключевскому сделать страшное предсказание: «Варяги создали нам первую династию, варяжка испортила последнюю. Она, эта династия, не доживет до своей политической смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана»[7]. Автор «Курса русской истории» имел в виду происхождение матери Николая II — датской принцессы Дагмары.

Споры о характере императора не прекращаются. Для современников не было сомнений: Николай II — слабый, безвольный человек, постоянно находящийся под чьим-нибудь влиянием, причем всегда под влиянием жены, которую он горячо и неизменно любил. Американский историк Марк Раев, анализирующий русское прошлое совершенно

непредвзято, принимает взгляд современников и пишет: «...почти патологически безвольный и слабый Николай II»[8]. Новейший из биографов последнего императора считает, что главной чертой Николая II было упрямство. «Его трагедия: будучи упрямым, он не умел сказать четкое «нет» в лицо просителю. Он был слишком деликатен и хорошо воспитан для грубой определенности. Вместо отказа он предпочитал промолчать. И, как правило, проситель принимал молчание за согласие. Николай же выжидал следующего, который разделил бы его точку зрения. И тотчас тогда принимал решение»[9].

Характер императора имел огромное значение, ибо он был самодержавен. Было ли это слабоволие или деликатность, но отсутствие «грубой определенности» создавало впечатление слабости или коварства. В конечном счете, важно было не то, каким Николай II был в действительности, а то, каким его видели, каким он представлялся. Отношение к императрице хорошо иллюстрирует различие между реальностью и представлением о ней. Николай в юности влюбился в Алису Гессенскую и после долгого ожидания женился на ней. В знаменитой фальшивке — «Завещании Петра I» — обращал на себя внимание брачный совет первого императора потомкам: «всегда берите в жены немецких принцесс». Все русские императоры (за исключением Александра III) действительно так поступали. Традиционно поступил и Николай II. Но Алиса, получившая после принятия православия имя Александры Федоровны, была в такой же степени немкой, как и англичанкой.

Ее мать была дочерью английской королевы Виктории, при дворе которой гессенская принцесса провела детство.

Биограф Николая II, отвечая историкам, которые констатировали, что в результате бесконечных династических браков в жилах Романовых почти не осталось русской крови, заявляет: «Русский царь — уже национальность»[10]. С этим можно согласиться. Так считали и московские бояре, выбравшие в начале XVII в. на русский трон польского королевича. Екатерина II была русской царицей. Но это относится к царю, а не к его супруге. Императрицу считали немкой — и не имело значения, сколько процентов какой крови текло в ее жилах. Значение имело другое: Николай II не мог ничего сделать, чтобы изменить представление об Александре Федоровне, господствовавшее в придворных кругах и быстро распространившееся на все русское общество.

Первой пробой характера нового царя были коронационные торжества. По небрежности властей на Ходынке — пустыре, где проходило обучение войск московского гарнизона, были оставлены открытыми рвы, траншеи, ямы. Когда собравшийся народ — несколько сот тысяч человек — бросился получать подарки по случаю коронации, началась давка, люди падали в ямы. По официальным данным, 1389 человек были задавлены насмерть, 1301 — ранен. Император занес в дневник: «18 мая 1896 г. До сих пор все шло как по маслу, а сегодня случился великий грех... потоптано около 1300 человек. Я об этом узнал в десять с половиной. Отвратительное впечатление осталось от этого известия... Обедали у меня. Поехали на бал к Монтебелло»[11]. Бал у французского посла Монтебелло входил в программу коронационных торжеств. Многие советовали Николаю просить графа Монтебелло отменить бал, во всяком случае, не приезжать на него. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович рассказывал Сергею Витте, что государь с этим совершенно не согласился: «...эта катастрофа есть величайшее несчастье, которое не должно омрачить праздник коронации; ходынскую катастрофу надлежит в этом смысле игнорировать»[12].

Мать Николая II рекомендовала сыну, — помня, как правил Александр III, — примерно наказать виновников, в первую очередь московского генерал-губернатора. За него решительно вступилась молодая царица: великий князь Сергей был мужем ее любимой сестры. Молодой царь послушался жены.

«Ходынка» стала нарицательным именем, зловещим знамением нового царствования. Любители мистических совпадений подсчитали: 17 октября (1888) во время крушения поезда он едва не погиб вместе с отцом и другими членами семьи, 17 мая (1894) собрался народ на

Ходынке, чтобы радоваться коронации молодого царя, 17 октября (1905) — подписан Манифест, ограничивавший самодержавие, 17 декабря (1916) — убит Распутин, 1917 год — конец его империи. В ночь на 17 июля 1918 г. — убийство царской семьи.

Ни одно царствование не знало такого количества знаков, пророчеств, предсказаний, не было окутано такой плотной пеленой мистицизма. Никогда раньше не стремились так отчаянно угадать будущее. В 1897 г. была произведена первая (и последняя) общеимперская перепись населения. В ответ на вопрос о роде занятий Николай II ответил: «Хозяин земли русской». В этом у сына Александра III не было никаких сомнений. Как и не было сомнений относительно необходимости продолжать политику отца. Сменив большинство старых министров — молодому царю не нравился их менторский тон, Николай II оставил на своем посту министра финансов Сергея Витте. Резкий тон, прямота суждений, самоуверенность Витте не нравились императору, но он был согласен с политикой интенсивного экономического развития России. Витте хотел завершить финансовую реформу, которую он начал при Александре III, введением золотого обращения. Он вспоминает, что «против этой реформы была почти вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке и, в третьих, по личному, хотя и мнимому интересу некоторых классов населения»[13].

На его стороне была только одна сила, «но сила, которая сильнее всех остальных, — это доверие императора». Сергей Витте заключает: «Россия металлическому золотому обращению обязана исключительно Николаю II»[14].

С 3 января 1897 г. был введен в обращение золотой рубль. Основной золотой монетой стал империал (15 рублей), чеканился и полуимпериал (7 руб. 50 коп.). Кредитные билеты свободно обменивались на золото. Ассигнации украшала надпись: «Государственный банк разменивает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы. Размен государственных кредитных билетов обеспечивается всем достоянием государства». Налаженная финансовая система дает новый толчок развитию промышленности. Во главу угла министр финансов ставит рост тяжелой промышленности, видя в ней залог независимости государства. В Петербурге и под Петербургом сооружаются гиганты металлургической промышленности — заводы Путиловский, Обуховский, Невский судостроительный. Московская и Владимирская губернии становятся основными центрами текстильной промышленности. Не прекращается строительство железных дорог.

Успехи экономического развития влекут за собой социальные движения, становятся одной из причин пробуждения русской культуры, которая в первое десятилетие XX в. будет переживать свой «серебряный век». Николай II, отказываясь видеть последствия той политики, которую он поддерживает, делает все, чтобы сохранить незыблемыми устои абсолютной самодержавной власти.

Мишени остаются прежними: земства, желающие расширения своих прав, доли в управлении местными делами, мечтающие о представительстве в центральных властях; окраины, где национальные меньшинства начинают говорить о своих правах; университет, контроль над которым увеличивается. Впервые после долгого затишья вспыхивают крестьянские волнения. На юге России бастуют рабочие.

Политика реформ Александра III осуществлялась без сопротивления: все слои общества были шокированы убийством Александра II, разгром «Народной воли» был серьезным ударом по революционному движению. Русское общество начинает приходить в себя в 1891 г. Страшный голод в Самарской губернии — голодало около 1 млн. человек — вызвал волну сочувствия: правительство выделило значительные средства для помощи, но их было недостаточно. Было разрешено устраивать — на средства общественности — столовые, лечебные пункты. Для организации столовых в Самару приехал Лев Толстой. Приняли участие в помощи голодающим земские учреждения. Общественность обнаружила возможность совместных действий вне правительственных структур. Увидел опасность общественного движения живший в 1891 г. в Самаре молодой помощник присяжного

поверенного Владимир Ульянов. Он был против помощи голодающим, ибо «голод, разрушая крестьянские хозяйства, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в Бога и со временем несомненно толкнет крестьян на путь революции и облегчит победу революции»[15]. Этот взгляд в то время не имел особого успеха — преобладали чувства удовлетворения положительными результатами общественной деятельности.

Первое публичное выступление Николая II погасило надежды на «бессмысленные мечтания», на расширение роли земских учреждений. Представители земств, обвиненные в либерализме, подвергаются преследованиям. Усиливается агрессивность политики на окраинах. Финляндия всегда была самой спокойной частью империи. Александр III говорил: «Мне финляндская конституция не по душе. Я не допущу ее дальнейшего распространения, но то, что дано Финляндии моими предками, для меня так же обязательно, как если бы это я сам дал»[16]. Николай II назначил (в 1898 г.) генерал-губернатором Финляндии Николая Бобрикова, который не только нарушил конституцию, данную Финляндии, но и приступил к русификации населения: стал «вводить русский язык, наводнять Финляндию русскими агентами, увольнять сенаторов и ставить вместо них людей, ничего общего с Финляндией не имеющих, а также высылать из пределов Финляндии лиц, которые так или иначе протестовали против подобного произвола»[17]. Финляндия пришла в брожение. Витте убеждал Николая II, что «в высокой степени опасно создать вторую Польшу под Петербургом...»[18]. Убийство в 1904 г. генерал-губернатора Бобрикова финским националистом продемонстрировало крах политики русификации.

В 1897 г. главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал Г.С. Голицин. Он «пошел против всех национальностей, обитающих на Кавказе, так как он всех хотел обрусить»[19].

Особенно враждебно главнокомандующий Кавказа относился к армянам. Эта политика находила полную поддержку в Петербурге. В июне 1903 г. правительство издало указ о конфискации всего движимого и недвижимого имущества армянской церкви. Удар тем самым наносился и по армянской культуре: часть церковных средств расходовалась на культурно-просветительные и благотворительные цели. В ряде городов, в том числе и в Эчмиадзине — резиденции Католикоса — церковное имущество изымалось с помощью вооруженной силы. Местные власти поощряли столкновения между мусульманским населением и армянами. Витте лаконично пишет: «Борьба властей с армянами перешла в борьбу армян с мусульманами»[20].

Идя по стопам отца, Николай II резко обострил антиеврейскую политику. Сергей Витте отмечает особенность антиеврейского законодательства в царствование Николая II: все законы, ограничивающие права евреев, шли не в законодательном порядке, через Государственный совет, а через комитет министров, как временные распоряжения. Это было вызвано тем, что имелись серьезные противники превращения евреев в граждан третьего сорта. Как пишет Витте, «законы эти — принципиально вредные для русских, для России, так как я всегда смотрел и смотрю на еврейский вопрос не с точки зрения, что приятно для евреев, а с точки зрения, что полезно для нас, русских, и для Российской империи»[21].

Через много лет после встречи с Теодором Герцлем Сергей Витте включает в свои воспоминания разговор с Александром III о евреях. Причем его запись дословно повторяет сказанное в 1903 г. «Правда ли, что вы стоите за евреев?» — спросил император своего министра. На это Витте ответил, что если нельзя потопить всех евреев в Черном море, то «в конце концов, не существует другого решения еврейского вопроса, как предоставление евреям равноправия с другими подданными государя»[22].

Виднейший — рядом со Столыпиным — государственный деятель последнего царствования Сергей Витте был убежденным монархистом, ибо считал, что в России реформы надо делать быстро, а для этого нужна самодержавная власть. Он был также убежденным приверженцем Российской империи. Но видел он ее иначе, чем «истинно русские люди», как Витте нередко иронически выражается. Витте критикует «многолетнюю

политику» в отношении национальностей. Ее основная ошибка, как он считает, состоит в том, что «мы до сих пор еще не осознали, что со времен Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения — инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белороссов, то невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя этот исторически капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, — их религию, их язык и проч. Девиз такой империи не может быть: «обращу всех в русских»[23].

Прозорливость Сергея Витте подтвердилась очень скоро: национальный вопрос был одним их двух главных причин — наряду с аграрным кризисом — краха империи.

На подступах к XXI в. редкие русские государственные деятели видят прошлое — и будущее — Российской империи так ясно, как это видел министр финансов Александра III и Николая II. Но неравноправное положение «инородцев» в империи было лишь частью ее проблем. Еще более важное значение имело отсутствие полных гражданских прав крестьянства — подавляющего большинства населения империи. В начале XX в., исчерпав возможности реформы 1861 г., крестьянство начало волноваться, к ним применялись репрессии ничуть не менее суровые, чем по отношению к «инородцам». Когда в 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях вспыхнули крестьянские волнения, охватившие территорию, на которой жило около 150 тыс. человек, на подавление было направлено более 10 тыс. солдат и офицеров. Зачинщиков, как маленьких детей, секли розгами. Телесные наказания сохранялись в России только для крестьян.

Сопротивление политике, унаследованной от Александра III, нарастало. Все общество радикализировалось. 14 февраля 1901 г. раздался первый после долгого перерыва выстрел в Петербурге. Бывший студент Московского университета Петр Карпович пришел на прием к министру народного просвещения Боголепову и застрелил его — террорист протестовал против наказания студентов, участвовавших в манифестации. Министром народного просвещения был назначен бывший военный министр Банковский, известный своими крайне консервативными взглядами. Год спустя, 2 апреля 1902 г. был убит министр внутренних дел Дмитрий Сипягин. Стрелял бывший студент Степан Балмашов.

Николай II назначил новым министром внутренних дел Вячеслава фон Плеве (1846-1904), поручив ему наведение порядка в империи. Будучи директором департамента полиции при Лорис-Меликове, Плеве сочувствовал конституционным идеям. Став близким сотрудником графа Игнатьева, Плеве превращается в проводника крайне консервативной политики. Он остался ей верен, когда работал под руководством Дмитрия Толстого. Сергеи Витте, считавший, что государь должен опираться на народ (по мнению Плеве, — на дворянство), видел основной порок нового министра внутренних дел, ставшего на короткое время диктатором России, в том, что он — ренегат. Витте был убежден, что фон Плеве, поляк по происхождению, католик, перешел в православие «из житейских выгод».

Объяснение политики фон Плеве Витте видит в том, что «ренегат и не русский, он, конечно, дабы показать, какой он «истинно русский и православный», готов был на всякие стеснительные меры по отношению ко всем подданным его величества неправославным». Незадолго до смерти Ленин придет к точно такому же выводу, говоря о том, что «инородцы», он имел в виду Сталина, часто «пересаливают» по части русского патриотизма.

Павел Милюков говорил о первом десятилетии царствования Николая II: было две России — Россия Льва Толстого и Плеве. Можно добавить, что было и две правительственные линии — Витте и Плеве. Николай II давал возможность Витте «танцевать на одной ноге», проводя меры, способствовавшие экономическому развитию страны. На другой ноге плясал фон Плеве, принимая самые решительные меры для наведения порядка в разбуженной империи.

Первая война

Нам нужна маленькая победоносная война.
Вячеслав Плеве

Идея была не новой. Екатерина II, выражавшаяся более элегантно, чем министр Николая II, советовала Людовику XVI, боровшемуся с внутренними проблемами: «Спустить натянутые струны вовне страны». Желание организовать «маленькую» и, конечно, «победоносную» войну, возникает неизменно перед лицом больших, трудно решаемых проблем внутри страны. Плеве выразил желание, которое все сильнее ощущало окружение Николая II.

Внезапная смерть Александра III встревожила мир. Газеты писали, что это самое серьезное событие в Европе после 1870 г., что русский император был главной опорой мира в Европе. Мировая печать выражала надежду, что юный монарх, занявший трон отца, будет продолжать его миротворческую политику. Первый международный акт Николая II подтвердил его желание идти по стопам отца. В августе 1898 г. иностранные державы получили предложение участвовать в конференции по разоружению в Гааге. На этой первой международной конференции говорилось о пользе — хотя бы частичного — разоружения.

Разоружение было идеей новой. Но во внешней политике России — как и всех других держав — она занимала третьестепенное место. Первый реальный проект, который был предложен Николаю П. касался традиционного направления русской внешней политики. В конце 1896 г. русский посол в Константинополе Нелилов представил записку. В ней сообщалось о катастрофах, которые должны были в ближайшее время произойти в Оттоманской империи, в связи с чем рекомендовал немедленно захватить Босфор. Военный министр Банковский и начальник генерального штаба Обручев были сторонниками проведения операции. Генерал Обручев даже разработал план захвата Босфора, перебросив туда войска на плотах. Официальный журнал совещания, на котором обсуждался вопрос, содержал «мнение статс-секретаря Витте», который предупреждал, что занятие Босфора «без соглашения с великим державами по настоящему времени и при настоящих условиях крайне рискованно, а потому может иметь гибельное последствие»[24]. Планы движения на юг были оставлены. В 1897 г. в Петербург прибыл из Абиссинии русский отставной офицер Н. Леонтьев, военный советник негуса Менелика II. Возникает проект принятия Абиссинии под русское покровительство. В Абиссинию (Эфиопию) была отправлена первая русская официальная дипломатическая миссия.

Увлечение проектами, нередко фантастическими, было в характере Николая II. Его интересовали идея постройки моста через Берингов пролив, план сооружения электрического забора на границах империи. Главное направление внешней политики выкристаллизовывалось не сразу. Свидетельством неуверенности была непривычная для России чехарда на посту министра иностранных дел. С 1816 по 1895 г. внешними делами империи (под чутким руководством императоров) управляло три министра. С 1895 по 1900 г. — тоже трое.

Когда фон Плеве говорил о «маленькой победоносной войне», он уже точно знал врага. Им была — Япония. Выбор противника объяснялся не только легкостью победы, не вызывавшей сомнения. Назначенный на пост военного министра генерал Куропаткин не был согласен со своим предшественником генералом Банковским только по одному вопросу. Куропаткин считал, что следует отправить на фронт одного русского солдата на полтора японских, а Банковский считал, что достаточного одного русского на двух японцев.

Дальний Восток оставался единственной открытой границей Российской империи после того, как южная граница достигла Афганистана. Вопрос проливов был слишком тугим узлом, связавшим все европейские державы, чтобы его можно было разрубить одним ударом. На Дальнем Востоке имелись огромные возможности. В 1891 г. Александр III отправляет наследника в путешествие — в Японию. Оно едва не заканчивается трагически: сумасшедший японский полицейский ударом сабли ранит Николая. Будущий император не забыл этого никогда. В дневнике он называет японцев не иначе, как «макаками». Можно думать, что, отправляя цесаревича в Страну восходящего солнца, Александр III заботился не только о расширении географических знаний сына. С 1891 г. строительство Сибирской дороги было значительно ускорено. В 1894 г. она достигла Омска, в 1895 г. — Красноярска.

«На острие железнодорожной линии», как выразился русский историк, Россия входила в «сферу международного экономического и политического соперничества на Тихом океане»[25]. В 1894 г. Япония начинает войну с Китаем и в следующем году завершает ее сокрушительной победой. По Симоносекскому договору она получила Ляодунский полуостров с Порт-Артуром. Иначе говоря, Япония вышла на материк и стала сухопутным соседом России. Договор зарегистрировал признание Китаем независимости Кореи и особые интересы Японии в Маньчжурии.

Симоносекское соглашение, откровенно пишет Витте, «представлялось мне в высокой степени неблагоприятным для России... Япония переходила уже на материк, завязывала интересы на материке, на том самом материке, где были и наши весьма существенные интересы, а потому появлялся вопрос: как же поступить?» Возможны были два реыения: разделить с Японией Китай: заставить Японию уйти с материка. Сергей Витте представлял вторую точку зрения. По его мнению, «России наиболее выгодно иметь около себя соседом своим сильный, но неподвижный Китай». В связи с чем «необходимо всеми силами поддерживать принцип цельности и неприкосновенности Китайской империи»[26]. Как все мемуаристы, Витте слегка приукрашивает свои взгляды. Он не хотел допускать Японию к дележу Китая, ибо считал, что Россия имеет возможность мирного проникновения в Небесную империю.

Россия, получив поддержку Франции и Германии, вынудила Японию отказаться от Ляодунского полуострова. Так вспоминал в декабре 1903 г. Николай II о событиях восьмилетней давности: «Тогда Россия твердо сказала Японии: «назад», и она послушалась»[27]. В 1896 г. политика Витте дала результаты: в мае был подписан секретный договор между Россией и Китаем: стороны обязывались оказывать друг другу помощь «всеми сухопутными и морскими силами» в случае нападения Японии. В августе был подписан контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая шла по территории Маньчжурии, резко сокращая расстояние до Владивостока. Сокращение пути, конечно, имело значение, позволило ускорить строительство. Еще более важным было превращение Маньчжурии в зону русского влияния мирным путем, открывая возможности для экономического развития территории. Для финансирования строительства КВДЖ был создан Русско-китайский банк: 5/8 капитала дала группа французских банков, остальное — Петербургский международный банк. Но в правлении французы получили 3 места, а русские — *5.* Русские члены правления назначались министром финансов, который фактически руководил деятельностью банка.

Контр-адмирал Абаза, управляющий делами комитета Дальнего Востока, считал, что «русская железная дорога в Маньчжурии являлась как бы торжественно развернутым национальным флагом победоносного шествия России по захватываемой чужой территории».

Объектом пристального интереса России, кроме Маньчжурии была Корея. В 1896 г. представители России и Японии подписывают Сеульский меморандум, признававший русское доминирующее положение в Корее. Корейский король, находившийся под японским надзором, перешел под покровительство русской миссии. Россия отказывается разделить

корейский полуостров на сферы влияния, ибо, аргументирует министр иностранных дел Лобанов-Ростовский, «уступая по договору Японии южную оконечность Корейского полуострова, Россия формально, раз навсегда отказалась бы от наиболее важной в стратегическом и военно-морском отношении части Кореи и таким образом добровольно связала бы свободу действий в будущем»[28].

Толчком к отказу от «линии Витте» — мирного проникновения в Китай, используя железные дороги, — был захват Германией 2 ноября 1897 г. бухты Цзяочжоу на Шаньдуньском полуострове. Вместо того чтобы протестовать против захвата территории Китая, с которым имелся союзный договор, Россия решает воспользоваться прецедентом.

Современный исследователь причин русско-японской войны замечает: «Царем руководило какое-то стихийное желание двигаться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами, чтобы Россия доминировала на Тихом океане»[29]. В этом наблюдении особенно интересно выражение «стихийное желание». Можно говорить об одержимости Николая II Дальним Востоком. На совещаниях, в разговорах с министрами и приближенными император не перестает повторять: «России безусловно необходим свободный в течение круглого года и открытый порт». Впервые он пишет это на Записке Лобанова-Ростовского, касавшейся Симоносекского договора. Николай II за раздел Китая и Кореи. Вынудив Японию отказаться от Ляодунского полуострова, Николай II в декабре 1895 г. все же утверждает решение: «Стремиться, насколько возможно, к приобретению незамерзающего порта в Китайском или Японском морях»[30]. Куропаткин рассказывал Витте о беседах с императором: «У нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет». Генерал Куропаткин вспоминает и о других «грандиозных планах» в голове Николая II: «Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы».

Русская история убедительно свидетельствует о пользе мечтаний для строительства великих империй. Мечта, фантастический план, проникнувшие в голову государя, даже если их не удается реализовать сразу, переходят в наследство к потомкам. Тихоокеанская мечта Николая II не исчезла вместе с ним и Российской империей. Можно заметить, что раздел Кореи по 50-й параллели в середине XX в. был осуществлением планов, обсуждавшихся между Россией и Японией в самом конце XIX в.

Спутник цесаревича, будущего Николая II, по путешествию в Японию князь Ухтомский во втором томе описания впечатлений поездки высокопарно красноречив: «Крылья русского орла распространились слишком далеко над Азией, чтобы питать хотя бы малейшее на этот счет сомнение. В нашей органической связи со всеми этими странами лежит залог нашего будущего, в котором Азиатская Россия будет простым обозначением всей Азии»[31].

Книга была выпущена в октябре 1900 г. В Англии прочли ее с некоторой тревогой, увидев, в частности, приглашение англичанам покинуть Индию. Но мишенью книги была — Япония.

Получение Германией порта Циндао с окрестной территорией в бухте Цзяочжоу в аренду на 99 лет и концессий на строительство железных дорог в Шаньдуне убедило Николая II, что надо спешить. Витте был против прямого вступления на китайскую территорию, напоминал о договоре, но — послушный министр — добился (распределив между китайскими чиновниками необходимые взятки) подписания договора об аренде Россией на 25 лет Ляодунского полуострова, который не удалось получить Японии и распространил концессии, данные обществу КВЖД, на строительство линии к открытым портам Данлянваню и Порт-Артуру.

После Германии и России в Китай ринулись Англия и Франция, добившись аренды «своих» портов и железнодорожных концессий. Российские приобретения резко обострили отношения с Японией. Царские дипломаты пошли на уступки Японии в Корее, отказавшись

от ранее полученных Россией привилегий. Россия и Англия в 1899 г. договорились о разделе сфер железнодорожного строительства в Китае: к северу от Великой Китайской стены — железнодорожные концессии приобретала Россия, в бассейне Янцзы — Англия.

Летом 1900 г. в Китае началось антиимпериалистическое восстание, быстро охватившее весь северный Китай и Маньчжурию. К восставшим присоединилась армия — они осадили иностранный квартал в Пекине: здания посольств и миссий превратились в укрепленные форты, ожидая штурма и помощи. Инициатором восстания было тайное общество «Кулак во имя справедливости и согласия». Кулак на знаменах восставших дал повод иностранцам назвать восстание «боксерским». Выступление «боксеров» мгновенно объединило все державы, активно участвовавшие в начавшемся разделе Китая. Войска, посланные европейскими державами, Америкой и Японией, достигли в первой половине июля 35 тыс. человек при 106 орудиях. Ядро международной армии составляли русские войска, командовал ею русский генерал Линевич. Легко разбив необученные китайские войска и восставших, международная армия захватила Пекин, освободила европейцев и беспощадно разграбила столицу Китая.

В Маньчжурии «боксеры», соединившиеся с солдатами, захватили русские посты и поселки вдоль строившейся железной дороги, но были быстро разбиты русской армией, которая осталась в Маньчжурии. Россия получила свою часть огромной контрибуции, которую Китай обязался по договору 1901 г. платить победителям. Но, оккупировав Маньчжурию, Россия не торопится покидать ее. Министр иностранных дел Ламздорф, предупреждая о военных настроениях в Японии, предлагал вывести войска из Маньчжурии, что, как он считал, успокоит Токио. Военный министр Куропаткин, напротив, настаивал на долговременной оккупации, а затем присоединении северной части к России либо превращении ее в вассальную территорию наподобие Бухары.

Япония, твердо знающая, чего она хочет, и тщательно подготовлявшая реализацию своих планов, подписывает в январе 1902г. союзный договор с Англией. Русская дипломатия отвечает согласием на поэтапный вывод войск из Маньчжурии в три срока. Соглашение было подписано в марте 1902 г. Осенью был осуществлен первый этап эвакуации. Настойчивое сопротивление военного министра приостанавливает вывод русских войск. Напряженность отношений с Японией усиливается. В Петербурге не хотят этого видеть. «Войны не будет, потому что я этого не хочу», — объясняет Николай II германскому императору.

Нарастает дипломатическая изоляция России. Вильгельм II не жалеет усилий для того, чтобы поощрять дальневосточные планы русского императора. В письмах он обращается к Николаю II, называя его «адмиралом Тихого океана», и подписывается — Вильгельм II, «адмирал Атлантического океана». Но в 1902 г. после подписания англо-японского договора Берлин известил Японию, что ситуация 1895 г. не повторится. Иначе говоря, Германия не будет мешать Японии приобретать территорию на материке. Франция, напротив, очень неодобрительно относилась к завоевательной политике России на Дальнем Востоке, ибо это отвлекало Петербург от главной — с точки зрения Парижа — германской границы, давало возможность Вильгельму II установить свою гегемонию в Европе.

В числе факторов, подталкивающих Россию к войне с Японией, была деятельность «безобразовцев», как называли группу, созданную отставным кавалерийским офицером Александром Безобразовым. Представленный Николаю II великим князем Александром Михайловичем, Александр Безобразов увлек царя фантастическим планом приобретения для России «без капли крови» Маньчжурии и Кореи. Генерал Куропаткин записал в свой дневник, что «Безобразов буквально «загипнотизировал» царя»[32].

В конце XX в. в России, вышедшей из Советского Союза, необыкновенную популярность приобрело слово «мафия». Возможно, что она существует. Но слово используется для объяснения всех проблем, для ответа на все вопросы. «Мафия» — синоним тайного заговора (состав участников меняется в зависимости от взглядов тех, кто его

«составлял»), имеющего целью погубить Россию. В начале века популярнейшим объяснением было — «камарилья». Первоначально так называли группу тайных советников испанского короля Фердинанда VII (1784—1833), влиявших на него доносами и интригами. Во второй половине XIX в. либеральный историк Константин Кавелин (1818—1859) писал о русском дворе: «Откровенность дошла до произнесения слова camarilla, которая мешает всему и оттесняет от трона всех честных и мыслящих людей»[33]. В то время слово еще писалось латинскими буквами. В царствование Николая II его стали писать по-русски и все отлично знали, о чем идет речь. Состав «камарильи» при дворе Николая II менялся, не менялось основное: сильное тайное влияние на политику людей, значение которых определялось только тем, что их приблизил к себе император.

Россия формально отказалась от притязаний на Корею, подписав соглашение с Японией. Александр Безобразов составил план «неофициального» проникновения в Страну утренней прохлады. В 1897 г. он приобрел у корейского правительства лесные концессии на реке Ялу. В январе 1903 г. по приказанию Николая II Безобразову был выдан кредит в 2 млн. рублей на создание акционерной компании для эксплуатации леса. На Ялу была послана бригада «лесорубов», состоявшая из 600 отставных унтер-офицеров. Ходили слухи, что в числе акционеров были Мария Федоровна, мать Николая II, и великий князь Александр Михайлович.

В мае 1903 г. император продемонстрировал, что лесная концессия — деталь, что речь идет о выборе политической линии. Александр Безобразов был назначен статс-секретарем. На особом совещании — Николай II созывал их для обсуждения важнейших вопросов, — несмотря на возражения Ламздорфа и Витте, было решено включить Маньчжурию в сферу русского политического и экономического влияния и повысить боевую готовность России на Дальнем Востоке. Ламздорф и Витте отказались подписать официальный журнал, регистрировавший итоги совещания. Дальневосточная политика перешла в ведение Безобразова. Его положение усилилось после того, как сторону «камарильи» принял могущественный министр внутренних дел Плеве. В июне 1903 г. адмирал Алексеев был назначен наместником Дальнего Востока: ему вверялось командование всеми вооруженными силами (морскими и сухопутными).

В августе 1903 г. Сергей Витте был отставлен от должности министра финансов и назначен на декоративный пост председателя Комитета министров. Ламздорф, жалуясь в письме царю, что «если Безобразов будет смещать и назначать министров, то прямо позор быть министром на Руси», выразил желание уйти в отставку. Император ответил: «Мы живем в России, а не за границей... и поэтому я не допускаю и мысли о чьей-либо отставке»[34]. Ламздорф остался, но дальневосточные дела были изъяты из компетенции министерства иностранных дел.

Николай II шел к войне с Японией, уверенный, что войны не будет, потому что он ее не хочет. Как и его генералы, император был твердо убежден, что японская армия «это все-таки не настоящее войско, и если бы нам пришлось иметь с ними дело, то, простите за выражение, но от них лишь мокрое место останется»[35]. Так царь успокаивал своего министра иностранных дел. Князь Ухтомский, сопровождавший Николая, бывшего еще наследником, в поездке по Японии и считавшийся знатоком Дальнего Востока, объяснял немецкому писателю Полю Рорбаху: «Японию в Европе слишком переоценили в деле ее военной способности после ее победы над Китаем. Японцы еще ни разу не имели дела с европейскими войсками»[36].

События развивались с поразительной быстротой, которую совершено не ощущали в Петербурге. 31 декабря 1903 г. Япония резкой нотой потребовала вывода русских войск из Маньчжурии. Петербург оставил ноту без ответа. 24 января Токио известило о разрыве дипломатических отношений. Адмирал Алексеев телеграфировал в Петербург, прося разрешения начать мобилизацию и ввести военное положение. Ему ответили указанием продолжать «обмен мнениями» с японским правительством. На следующий день граф

Ламздорф послал наместнику телеграмму, в которой разъяснял, что «разрыв дипломатических отношений с Японией отнюдь не означает войны».

Япония видела положение иначе. В ночь с 26 на 27 января японские миноносцы атаковали русскую эскадру в Порт-Артуре. 26 января Николай записал в дневник: «В 8 часов поехали в театр; шла «Русалка» очень хорошо. Вернувшись домой, получил от Алексеева телеграмму с известием, что этой ночью японские миноносцы произвели атаку... Это без объявления войны. Господь да будет нам в помощь!». На следующий день император записывал: «В 4 часа был выход в Собор через переполненные залы к молебну. На возвратном пути были оглушительные крики «ура!». Вообще отовсюду трогательные проявления единодушного подъема духа и негодования против дерзости японцев»[37].

Николай II, как обычно, в дневниковых записях деловит и чрезвычайно сдержан. При желании он мог бы написать о подлинном энтузиазме, которое вызвало его появление в открытом окне Зимнего дворца. Патриотический взрыв, вызванный нападением «коварных японцев», дерзостью «макак», напавших на Россию, превышал, как писали газеты того времени, все, что знала страна до сих пор: такого воодушевления всех слоев населения не было даже при начале Крымской войны или войн с турками.

Затем стали приходить известия о поражениях. На суше. На море. Командующим армией был назначен генерал Куропаткин. Перед отъездом на фронт он посетил Витте, который дал ему совет: приехав в Мукден, где находился главнокомандующий адмирал Алексеев, немедленно арестовать его и отправить в Петербург. «В том двоевластии, которое обнаружится со дня вашего приезда, заключается залог всех наших военных неудач»[38].

Витте был прав, и Куропаткин вскоре убедился во вреде «двоевластия» на войне. Однако положение не изменилось и тогда, когда главнокомандующим был назначен генерал Куропаткин. Война с Японией была обречена до ее начала: пренебрежительная недооценка противника, неясность цели, отсутствие стратегической концепции военных действий (ее заменяла идея повторить «разгром Наполеона», втянув японские войска в Маньчжурию), слабая подготовленность офицеров, вооружение, уступавшее японскому. В результате радость первых дней быстро омрачилась начавшими приходить известиями о поражениях. Осенью 1904 г. армия Куропаткина проигрывает бои под Ляояном и Шахэ. Россия начинает петь тоскливые песни о маньчжурских сопках, где льется русская кровь. В решительном сражении под Мукденом в феврале 1905 г. Куропаткин вновь терпит сокрушительное поражение. Его сменяет на посту главнокомандующего генерал Линевич, который отводит русские войска на укрепленную позицию и начинает ждать дальнейших событий. В мае 1905 г. Россия и весь мир узнают о том, что эскадра адмирала Рождественского, шедшая из Либавы вокруг света на помощь Порт-Артуру, была уничтожена японцами в Цусимском проливе. Порт-Артур сдался после 239 дней осады в декабре 1904 г. На память о морском поражении остается песня о «гордом «Варяге», который предпочитает открыть кингстоны и уйти на дно, только чтобы не сдаться врагу.

Потерянные битвы — на чужой земле — не означали проигранной войны. По Сибирской магистрали шли эшелоны с новыми солдатами, с вооружением. Могучая империя имела возможности раздавить противника. Но империя была больна изнутри. Горючий материал, накопленный в первое десятилетие царствования Николая II, вспыхнул революционными волнениями в разных районах страны. Поражения сыграли роль детонатора.

Продолжать войну (материальные возможности для этого были) или заключить мир, признав победу «азиатов», «макак», никогда раньше не воевавших с европейцами? Николай II выбирает второе решение. Он не хотел войны, он хотел победы, расширения империи. «Нам мало поляков, — писал Сергей Витте, — финляндцев, немцев, латышей, грузин, армян, татар и пр. и пр., мы пожелали еще присоединить территорию с монголами, китайцами, корейцами. Из-за этого и произошла война, потрясшая Российскую империю...»[39].

Воспользовавшись предложением президента США Теодора Рузвельта, заявившего о желании сыграть роль «честного маклера», Николай II соглашается начать мирные переговоры. О его желании заключить мир свидетельствует выбор представителя России: мирные переговоры поручаются Сергею Витте — противнику войны с Японией. Инструкции, полученные Витте, содержали «4 нет», четыре неприемлемых условия, все остальное могло быть предметом дискуссий. Исключались из обсуждения: уступка русской территории; уплата военной контрибуции; изъятие железной дороги к Владивостоку (КВЖД); ликвидация русского флота на Тихом океане.

В результате дипломатической торговли 23 августа 1905 г. был подписан мирный договор. Россия потеряла сферы влияния в Китае и Корее, признала преобладающие интересы Японии в Корее. Петербург уступил Японии свои права на аренду Ляодунского полуострова с военно-морской базой Порт-Артур и торговым портом Дальний со всеми концессиями и государственным имуществом. Япония получала безвозмездно Южно-Маньчжурскую дорогу — ветка от КВЖД к Порт-Артуру. Наконец, Россия отдала Японии южную часть острова Сахалин (северная оставалась русской).

Портсмутский мирный договор зафиксировал значительное ослабление позиций России на Дальнем Востоке, появление Японии как сильного соперника на материке — в Корее и Китае. Поспешное подписание договора было необходимо России: без него финансовые державы не хотели подписывать согласие на крупный заграничный заем, необходимый России, изнуренной военными тратами. По империи шла революция — необходим был мир, чтобы с ней справиться.

Представитель императора Сергей Витте получил в награду за Умелую дипломатию (он спас все, что можно было спасти, и начал переговоры о получении займа) титул графа. Остряки немедленно переименовали его в графа Полусахалинского. Южная часть Сахалина была единственной русской территорией, потерянной в результате войны. Этого не забывали.

40 лет спустя, почти день в день — 2 сентября 1945 г., Сталин извещая соотечественников о капитуляции Японии, вспомнил: «Поражение русских войск в 1904 г. в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения этого дня»[40].

Сталин, конечно, не вспомнил, что он, как и все члены молодой социал-демократической партии, был против войны и радовался поражениям. Подавляющее большинство жителей империи ощущали чувство позора и гнева на виновников войны. Горечь военных поражений питала чувства недовольства правительством, давала основания ставить вопрос: кто виноват в войне, кто виноват в поражениях?

Первая революция

Неудачное самодержавие перестает быть законным.

В. Ключевский

Несчастнейшая из несчастнейших войн и затем как ближайшее последствие — революция, давно подготовленная полицейско-дворцово-камарильным режимом.

С. Витте

Военное поражение отнимает легитимность у самодержавного монарха. По своему положению единоличного защитника государства он не имеет права проигрывать войны. Николай II понимал это и умер от сознания своей неадекватности, какой бы ни была физическая причина его смерти.

Николай II не чувствовал своей ответственности за поражение, ибо думал, что не хотел войны. Общепринятым объяснением было: слабовольного царя толкнули на авантюру авантюристы типа Безобразова и его дружков. Отголосок этого мнения есть и в объяснении Витте относительно «полицейско-дворцово-камарильного режима». Знаменательно, что фраза Витте, относящаяся к русско-японской войне и первой революции, вполне применима как объяснение второй революции (после мировой войны), которая значительно больше, чем первая, заслуживает определения: «несчастнейшая из несчастных».

Заговор — великолепное объяснение всех событий, ибо не нуждается ни в каких объяснениях, поскольку действия тайных сил по природе секретны, невидимы, неуязвимы. Атмосфера, в которой жил Николай II, его семья, его окружение, характер императора, появление при дворе магов и знахарей, исключительная роль в жизни страны секретных полицейских служб — давали великолепный материал для разговоров о заговорах. С. Витте говорит о заговоре «камарильи». Но был также «революционный заговор», тщательно культивируемый полицией. «Протоколы сионских мудрецов», как убедительно доказывает Анри Роллен, разоблачая губительную для государства экономическую политику, придуманную «еврейскими заговорщиками», имели в виду политику Сергея Витте, его реформу русских финансов. Введение золотого обращения, винная монополия, интенсивное строительство железных дорог, меры, способствовавшие развитию капитализма в России, — объяснялись выполнением заданий «сионских мудрецов»[41]. Витте ознакомился с «Протоколами» в 1901 г., будучи министром финансов, еще до их русской публикации (в 1903 г.) в журнале «Знамя», редактируемом известным антисемитом Крушеваном. В 1905 г., заняв пост председателя Совета министров, Витте передает текст на анализ директору департамента полиции Лопухину. Сергей Витте знал, что он лично не служит евреям, но верил, что существует некий мировой еврейский центр, определяющий политику для всех евреев. Директор департамента полиции никак не мог убедить премьер-министра, что «такая организация существует только в антисемитских легендах». Позднее, как свидетельствуют воспоминания Витте, он принял точку зрения Лопухина.

Слухи и разговоры о заговорах, таинственных дьявольских силах, угрожавших империи и самодержавию, росли, распространялись на фоне реальных проблем, которые военное поражение довело до взрыва.

Где была главная проблема, знали все. «Будущность России тесным образом связана с будущностью русского сельского хозяйства... Будущность России находится в деревне»[42], — утверждал немецкий автор острой антирусской книги «Будущность России», опубликованной в 1906 г. В августе 1905 г., во время мирных переговоров в Портсмуте, д-р Рудольф Мартин, статский советник императорского статистического ведомства,

опубликовал свою первую книгу «Будущность России и Японии», где предсказывал победу Японии. Вышедшая год спустя — в разгар русской революции, вторая книга торжествующе объявляла, что у России нет будущего, ибо нет будущего у русского сельского хозяйства. В 1969 г. автор официальной «Экономической истории СССР» В. Чентулов утверждал: «Аграрный вопрос был центральным вопросом первой русской революции»[43].

В 1898 г. Сергей Витте направил молодому царю записку, сюжет которой был изложен в одной фразе: «Крестьянский вопрос, по моему глубочайшему убеждению, является ныне первостепенным вопросом жизни России. Его необходимо упорядочить»[44].

Министр финансов использовал осторожное слово — «упорядочить». Он не хотел пугать императора революционными предложениями. Он напоминал о великой реформе 1861 г., освободившей русских крестьян от крепостного права, и говорил о необходимости привести в порядок положение в деревне, решить проблемы, накопившиеся за десятилетия, последовавшие за освобождением. Сергей Витте аргументирует как финансист: бюджет до освобождения составлял 350 млн. рублей, освобождение дало возможность довести его до 1400 млн. Население России насчитывало 130 млн. Между тем, бюджет Франции при 38 млн. жителей составляет 1260 млн. рублей, бюджет Австрии при населении в 43 млн. человек — 1100 млн. рублей[45] .

Россия, объяснял министр финансов, нуждается в средствах для интенсивной индустриализации страны. Сельское хозяйство — основной источник бюджетных поступлений — дает их недостаточно.

Энергия, полученная после толчка 1861 г., исчерпалась. Крестьяне интересовали Витте прежде всего как налогоплательщики. Он не переставал увеличивать тяжесть налогов, но средств государству нужно было все больше и больше. Обнищание крестьян ставило предел налоговому прессу, недовольство крестьян нарастало. В начале века число крестьянских волнений быстро увеличивается, перерастая в революцию. Сравнительно спокойные 80— 90-е годы сменяются бурными годами начала XX в. В числе главных причин были быстрый рост сельского населения и приход нового поколения, начавшего жизнь после отмены крепостного права.

Крестьянские выступления, революция 1905—1906 гг. шли под главным лозунгом, выражавшим основное стремление сельского населения России — больше земли. В 1917 г. большевики победили, ибо, наряду с требованием прекращения войны, они выдвинули лозунг: «земля крестьянам!». В первые годы XX в. политическая жизнь России развивается с поразительной быстротой: возникает множество партий самых разных направлений. Подавляющее их большинство — все революционные и многие либеральные, центристские — поддерживают крестьянское требование.

Нехватка земли, крестьянское малоземелье, возможность удовлетворить требования крестьян, отобрав землю у помещиков, — важнейший русский миф XX в. Миф жил, несмотря на существование фактических данных, опровергавших его. Как всегда, рациональные аргументы не могли поколебать мифическое представление о действительности, тем более что существование мифа было полезно политическим партиям, эксплуатировавшим его в своих интересах.

В 1906 г. вышла книга П. Маслова «Аграрный вопрос в России», в которой имелись все данные, необходимые для разоблачения мифа. Автор использовал официальные статистические данные. Прежде всего, статистика свидетельствовала о наличии в России земли, опровергая рассуждения о «земельной тесноте». Сбрасывая со счета 1/3 русской территории (на севере и северо-востоке), не удобной для сельскохозяйственных работ, в России приходилось удобной земли 2,1 десятины[46] на человека, во Франции — 0,82 десятины, в Германии — 0,62 десятины[47]. Значительно важнее по своим последствиям был миф о помещиках, которые держат в руках всю землю. Дворяне не переставали продавать свою землю, начиная с 60-х годов XIX в. В 1905 г. крестьянам принадлежало около 164 млн.

десятин, дворянам — 53 млн. Десятин (значительную площадь этой земли занимали леса). В 1916 г. 80% обрабатываемой земли принадлежало крестьянам, которые дополнительно арендовали часть земли, остававшейся у помещиков[48]. Бесспорным доказательством мифичности лозунга «даешь землю!» стал раздел помещичьей земли после Октябрьской революции. Каждый крестьянин получил от 0,1 десятины (в Московской, Новгородской, Вятской губерниях) до 0,5—1,0 десятины (в Петербургской, Саратовской)[49].

Мифичность главного крестьянского требования, поддерживаемого политическими партиями, не меняла подлинного факта — бедности значительной части крестьянства. «Едва ли много более половины живут, а остальные прозябают», — сообщал Витте Николаю II[50]. Причиной отсталости русского сельского хозяйства была чрезвычайно низкая производительность. Урожайность крестьянских полей была в 2—4 раза ниже урожайности в европейских странах. «Современный немецкий крестьянин, — с гордостью сообщает Рудольф Мартин, — получает с земли втрое больший доход, чем русский мужик»[51]. Чтобы произвести то количество зерна, какое русский крестьянин получает на наделе в 2,6 десятины, французу достаточно было бы владеть площадью в полдесятины[52].

Рудольф Мартин замечает, что в 1800 г. не было большого различия между русскими и немецкими крестьянами. «Как бы ни были примитивны земледельческие орудия русского крестьянина, они не могли быть значительно хуже орудий немецкого крестьянина»[53].

Прошел век — русский крестьянин сохранил, по словам С. Прокоповича, сельскохозяйственную технику XVI в.[54]. Широко использовалась в начале XX в. деревянная соха. Доминировала трехпольная система.

В записке Николаю II Сергей Витте аргументировал необходимость «упорядочить» крестьянский вопрос финансовыми соображениями, но главную вину за отсталость русского сельского хозяйства он возлагал на фактор идеологический — на существование общины. Поэтому решение крестьянского вопроса он видел в превращении крестьянина в «действительно свободного человека»[55]. Витте пишет: «Крестьянин — раб своих односельчан и сельского управления»[56].

Казалось, что отрицательное влияние общины на развитие сельского хозяйства очевидно. В Прибалтике, где земли были хуже, чем в центральной России, урожайность была выше. Но дворянство продолжало опасаться полного освобождения крестьян. Государство по-прежнему видело интерес в сохранении общины как инструмента контроля. Шел, наконец, принципиальный идеологический спор. «Было провозглашено, — пишет Витте в главе, посвященной крестьянскому вопросу, — что «община» — это особенность русского народа, что посягать на общину — значит посягать на своеобразный русский дух. Общество, мол, существовало с древности, это цемент русской народной жизни»[57]. Сергей Витте возражает против этой точки зрения, видя в общинном владении лишь стадию развития культуры и государственности, и утверждает необходимость «перехода в индивидуализм — в индивидуальную собственность»[58].

В письме Николаю II Витте предлагал «сделать крестьянина действительно свободным человеком» — дать ему возможность выйти из общины и предоставить все права, которыми пользовались другие сословия. «Какое произвело это письмо впечатление на государя, — заключает Витте, — мне неизвестно, так как государь затем со мною по этому предмету не говорил»[59].

Реформа, осуществленная в 1906 г., была основана на программе, предложенной в 1898 г. Витте считал, что Столыпин «украл» у него план. Можно говорить о переходе Петра Столыпина на сторону тех, кто видел причину отсталости русского сельского хозяйства в общинном землевладении, в отсутствии свободного единоличного хозяина-крестьянина. Убийство Столыпина в 1911 г. свидетельствовало, что противников такого решения важнейшего вопроса русской жизни было очень много.

Выражением нараставшего кризиса в стране было появление политических партий, рожденных всеобщим недовольством и стремившихся им овладеть, руководить. До начала XX в. Россия не знала партий в современном смысле слова. Были тайные общества, подпольные организации.

В марте 1898 г. социал-демократические кружки, появившиеся в разных городах России, делают первую попытку объединиться.

В Минске собирается 1-й съезд представителей кружков, объявляющий о создании Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В съезде участвовало 9 человек, они были сразу же арестованы полицией. Летом того же года Георгий Плеханов (1856—1918), один из основателей русской социал-демократии, участник создания II Интернационала, говоря о положении русского революционного движения, предсказал: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может». В июле 1903 г. в Брюсселе социал-демократы на съезде, который они называли вторым, принимают решение о создании РСДРП. На съезде присутствует Ленин, представивший свой «организационный план» партии, как армии, имеющей ясную цель: свержение самодержавия. Ленин изложил свой план в брошюре, озаглавленной: «Что делать?». Будущий вождь партии давал простой ответ: делать революцию.

К этому времени существовала и действовала партия социалистов-революционеров, сложившаяся из различных групп и союзов, продолжавших традиции «Народной воли». Социалисты-революционеры (эсеры) делали ставку на крестьянство, видя в нем главную силу будущей революции. Решением крестьянского вопроса для эсеров была «социализация земли»: полная ликвидация частной собственности на землю и предоставление земли в распоряжение всего общества. Главным инструментом воздействия на массы социалисты-революционеры считали террор. Убийство студентом Петром Карповичем министра народного просвещения Боголепова было актом одиночки, мстившего за закон, позволяющий студентов, участвовавших в «беспорядках», отдавать в солдаты или увольнять без права поступления в университет навсегда. Историк русского революционного движения заметил, что студенческие волнения 1899—1902 гг., с которыми боролся Боголепов, дали множество мучеников — исключенных студентов. В результате из бывших участников волнений сложился «офицерский состав всех революционных организаций эпохи революции 1905 г. — как социалистов-революционеров, так и социал-демократов»[60].

Петр Карпович был казнен, закон о студентах не был отменен. И в том же, 1901 г. Святейший синод отлучил от церкви, предал анафеме апостола непротивления Льва Толстого.

В апреле 1902 г. Степан Балмашов, отправленный на год в солдаты за участие в студенческих беспорядках, убивает двумя выстрелами из револьвера министра внутренних дел Сипягина.

Это — первое выступление Боевой организации партии социалистов-революционеров. Военный суд приговаривает террориста, которому едва исполнился 21 год, к смертной казни через повешение. Боевая организация отвечает новыми убийствами, которые партия называет «казнями». Князь Оболенский был застрелен за жестокую расправу с полтавскими крестьянами, уфимский губернатор Богданович — за приказ стрелять в бастовавших рабочих Златоуста.

Россия «возвращается» на тридцать лет назад. Новая волна терроризма воспринимается как ответ на жестокую политику власти. Издатель «Нового времени» записывает 14 ноября 1904 г.: «Можно спросить, есть ли у правительства друзья? И ответить совершенно уверенно: нет. Какие же могут быть друзья у дураков и олухов, у грабителей и воров»[61]. В преданности Александра Суворина самодержавной власти сомнений не было. Но правительство Николая II вызывало даже у него чувство неудовлетворения. Либерал Иосиф

Гессен вспоминает, что встретил после убийства Сипягина высокого чиновника министерства юстиции, будущего министра Ивана Щегловитова. «Что скажете?» — спросил Щегловитов своего хорошего знакомого Гессена. Тот ответил. «Конечно, это ужасно». И услышал: «Ужасно, ужасно! Но поделом вору и мука»[62]. Министра внутренних дел не любили даже в правительственных кругах.

Особенностью нового витка терроризма в России была его тесная связь с полицией.

После убийства Сипягина кресло министра внутренних дел занял Вячеслав Плеве. Начальник Петербургского охранного отделения Александр Герасимов, назначенный на этот пост Плеве, в мемуарах, написанных в эмиграции, вспоминал своего начальника: крупный вождь, человек, слишком самонадеянный, но сильный, властный, державший в своих руках все нити внутренней политики[63]. Плеве, — пишет А. Герасимов, — был одушевлен тогда одной идеей: никакой революции в стране нет. Все это выдумки интеллигентов. Широкие массы рабочих и крестьян глубоко монархичны. Надо выловить агитаторов и без колебания расправиться с революционерами[64].

Программа начальника Московского охранного отделения Сергея Зубатова (1863—1917) позволяла, как утверждал ее составитель, решить обе проблемы, лежавшие в основе концепции Плеве. Новый министр внутренних дел назначил Зубатова начальником особого отдела департамента полиции, передав в его руки проблему революции. Говорят, что самые лучшие пожарники получаются из поджигателей. Наиболее удачливые полицейские вышли в России из людей, в молодости увлекавшихся подрывными идеями. Из них был и Сергей Зубатов.

Главная идея Зубатова состояла в том, что революцию следует рассматривать прежде всего как проблему не полицейскую, а политическую. Задача, как он ее видел, состояла в привлечении рабочих на сторону самодержавия, помогая им в защите экономических интересов против капиталистов. Петр Заварзин, один из виднейших русских жандармов, преемник Зубатова в Московском охранном отделении, пишет: «С.В. Зубатов, — человек не только безусловно сильный, но даже представлявший собой исключительную личность». Заварзин сжато и точно излагает ситуацию: «Здоровой русской национальной организации в России не было, и мечтой Зубатова было дать толчок к ее созданию. Исходя из этого он остановился на мысли легализации в рабочей организации минимума политической и экономической доктрины, проводимой социалистами в своих программах, но на основах Самодержавия, Православия и Русской национальности»[65].

Программа «полицейского социализма», разработанная Сергеем Зубатовым, была шире, чем представлял ее Заварзин. В 1901 г. под негласным покровительством московской охранки, т.е. Зубатова, было открыто «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве». В том же году в Минске тайные агенты Зубатова организуют «Еврейскую независимую рабочую партию». «Отец провокации» считал необходимым контролировать, кроме рабочего, также и национальные движения. И начал с евреев, роль которых в революционном движении начала века стала очень заметной. В апреле 1904 г. сторонники зубатовской идеи создали в Петербурге «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», ведущую роль в котором играл агент охранки священник Гапон.

Политическая программа Сергея Зубатова была одной из граней его борьбы с революцией. Тщательное внимание уделял он борьбе с революционными партиями. Прежде всего Зубатов был отличным полицейским. Он вводит технические новшества для быстрого преодоления отставания русской полиции от западноевропейской: фотографирование всех арестованных, дактилоскопию, систематическое регистрирование арестованных и т. д. Он далеко опережает полицию других стран в области проникновения в революционные организации, группы, союзы. Тайная агентура — вот, по его мнению, ключ к победе. Агенты, которых он направляет в революционные организации, не ограничиваются наблюдением. «Мы вызовем вас на террор, — объяснял он арестованным, которых вербовал в агенты, — и

раздавим». Зубатов был великим вербовщиком и учил своему искусству молодых жандармов: «Вы, господа, должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой находитесь в тайной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный шаг и вы ее опозорите»[66].

Наименование тайного агента полиции — сотрудник или секретный сотрудник (сексот) сохранилось и в советское время.

Успехи Сергея Зубатова, встречавшего сопротивление в консервативных кругах охраны, были несомненными. В числе «добыч» московского охранника был Евно Азеф, с помощью и под руководством полиции ставший во главе Боевой организации социалистов-революционеров.

Пронизанные провокаторами, агентами полиции, революционные организации, руководимые «в интересах» самодержавия, дали организаторам провокаторской деятельности огромные возможности. Могучий инструмент — террористы, выполняющие приказы своих руководителей, служащих охране, — стал использоваться для пропаганды политических идей, устранения чиновников, мешавших продвижению по службе, для решения междепартаментских споров. Вячеслав Плеве был горячим сторонником использования «системы провокации» и стал ее жертвой. Плеве дал разрешение на то, чтобы агент охраны Азеф занял место руководителя Боевой организации. Член ее Егор Сазонов 28 июля 1904 г. бросил бомбу в карету министра внутренних дел и убил его.

Убийство Плеве, второго министра внутренних дел на протяжении двух лет, потрясло общество, убедило его во всемогуществе террористов и слабости власти. Назначение министром внутренних дел князя Святополка-Мирского, объявившего о желании правительства установить отношения «доверия» с обществом, было воспринято как начало «весны», свидетельствуя, что напуганное правительство идет на уступки.

Новый министр внутренних дел подал Николаю II проект указа о «крупных внутренних преобразованиях», в числе которых были предоставление крестьянам полных прав, которыми обладали другие сословия, отмена всех ограничений, касавшихся старообрядцев. Витте, рассказывая, что император созвал в ноябре 1904 г. совещание для обсуждения проекта Святополка-Мирского, подчеркивает этим прогресс, сделанный государем «в политическом мировоззрении». Ибо раньше, когда Витте говорил императору: «Таково общественное мнение», — он слышал в ответ: «А мне какое дело до общественного мнения»[67].

Признание необходимости учитывать общественное мнение приходило с огромным трудом. 9 декабря 1904 г. «Правительственный вестник» сообщил, что председатель черниговского губернского земского собрания послал телеграфом государю ходатайство по целому ряду вопросов общегосударственного свойства. Император собственноручно «начертал на телеграмме: «Нахожу поступок председателя черниговского земского собрания дерзким и бестактным. Заниматься вопросами государственного управления не дело земских собраний, круг деятельности и прав которых ясно очерчен законом». Алексей Суворин, занесший в дневник текст резолюции, добавляет: «Тяжелое и нехорошее впечатление. Это повторение знаменитого выражения «бессмысленные мечтания»[68]. Издатель «Нового времени», популярнейшей газеты правого направления, с ужасом видит, что взгляды Николая II не изменились с 1894 г., когда, вступив на престол, он отверг все посягательства земств на участие в государственной деятельности.

Положение менялось, и даже Николай II вынужден был это признать. В печати обсуждались проекты радикальных реформ. В октябре 1904 г. в Париже собрались представители либеральных движений и революционных партий, принявшие решение координировать действия против самодержавного строя. В ноябре 1904 г. в Петербурге состоялось совещание умеренных земских деятелей, потребовавшее свободы слова и печати, неприкосновенности личности, уравнения крестьян со всеми сословиями, а также созыва

«свободно избранных представителей народа» и участия народных представителей в законодательной деятельности, составлении государственного бюджета, контроле за деятельностью администрации.

Современники событий и историки согласны: революция началась 9 января 1905 г. После захвата власти большевиками долгие годы 9 января (22 февраля по новому стилю) было отмечаемой датой. Только после того, как Сталин прекратил моду на революции, советский народ перестал отмечать годовщину «Кровавого воскресенья».

Воскресным утром 9 января 1905 г. рабочие Петербурга отправились *с* петицией к Зимнему дворцу — просить царя удовлетворить требования: 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты. Организатором манифестации было «Общество русских фабричных и заводских рабочих», которым руководил священник Георгий Гапон, агент охранного отделения. Инициатор создания «Общества» Сергей Зубатов, покровитель Гапона, твердо верил в необходимость единения рабочих с царем. Прогресс в России, по его убеждению, был возможен только благодаря самодержавию. Он любил повторять: «При Иоанне Грозном четвертовали и рвали ноздри, а при Николае II мы на пороге к парламентаризму»[69].

«Кровавое воскресенье» сконцентрировало как в линзе особенности времени: движение протеста, организованное охранным отделением, полицейский агент во главе рабочего движения, выдвигающего умеренные требования и декларирующего преданность монархии, необъяснимо жестокое поведение властей. Мирная демонстрация была расстреляна. По официальным данным, было убито 96 человек и 333 ранено (из них 34 человека умерли от ран). Неофициальные источники говорят о сотнях убитых (от 800 до 1000). Николая II не было в Петербурге. 9 января император записал в дневник: «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых»[70]. Почему войска «должны были стрелять», осталось невыясненным до конца. Выдвигались различные объяснения. В числе версий был и «заговор камарильи» против Николая II, желавшей заменить его «сильным царем». Новейший биограф последнего императора называет эту версию «соблазнительной», но излишне романтичной. «В России, — пишет он, — обожают найти заговор там, где на самом деле обычно одно разгильдяйство. Кто-то что-то не проверил и кого-то не предупредил... А кто-то решил перестраховаться, позвал войска и удалил царя из Петербурга... По чьей-то глупости или лени обычно и возникают у нас великие и страшные события»[71]. Так из 1993 г. видел «кровавое воскресенье» русский историк. Современник говорит о потрясающем впечатлении, которое произвел на всех расстрел безоружной толпы, шедшей с иконами и пением к царю. «Расстрел показал, насколько власть была сильнее безоружной толпы, но что зато самые основания власти тогда стали шататься»[72].

В конце декабря 1904 *г.* пришло известие о падении Порт-Артура, усилившее антиправительственные настроения. 1905-й год начался «кровавым воскресеньем», а 4 февраля в Москве был убит членом Боевой организации великий князь Сергей Александрович (дядя Николая II). Террориста Ивана Каляева судили быстро и решительно: 10 мая он был повешен. Убийца Плеве — Егор Сазонов был приговорен не к смерти, а к бессрочной каторге. Разные наказания отражали неспособность власти выбрать политику сопротивления революции.

После 9 января министр внутренних дел «либерал» Святополк-Мирский был уволен в отставку. Его место занял Александр Булыгин. Одновременно «в видах охранения государственного порядка и общественной безопасности» был учрежден пост генерал-губернатора Санкт-Петербурга, наделенного чрезвычайными полномочиями. Николай II доверил пост бывшему московскому обер-полицмейстеру генералу Дмитрию Трепову. В его руках оказалась вся полиция империи. Генерал Трепов вошел в историю приказом, отданным полиции, посланной разгонять рабочие демонстрации: «Патронов не жалеть!»[73].

Выбор генерала Трепова объяснялся личным доверием, которое питал к нему император. Но значение имела не столько личность человека, который должен был навести порядок, сколько факт одновременного назначения двух министров внутренних дел. Или, как видели современники, министра и диктатора. В один день, 18 февраля 1905 г., были опубликованы три противоречивых правительственных акта: царский манифест, призывавший «благомыслящих людей всех сословий и состояний» способствовать искоренению крамолы и противодействовать смуте; указ Сенату возложить на Совет министров обязанность рассматривать и обсуждать предложения о государственных реформах, поступающие от обществ и частных лиц; рескрипт министру внутренних дел о привлечении народных представителей к участию «в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений».

В рескрипте — впервые с высоты престола — было заявлено согласие на созыв представительного собрания, но в манифесте утверждалась незыблемость самодержавной власти. В конце февраля пришло извести о тяжелом поражении русской армии под Мукденом.

В революцию включаются все новые и новые слои населения. Крестьяне жгут помещичьи усадьбы — это называется «аграрные беспорядки». Рабочие организуют забастовки, которые сопровождаются уличными демонстрациями, переходящими в столкновение с полицией. Летом 1905 г. восстает броненосец «Князь Потемкин Таврический». Красный флаг на военном корабле станет синонимом революции 1905 г. Быстро левеет либеральная интеллигенция: возникает множество профессиональных всероссийских союзов: инженеров и техников, адвокатов, врачей, агрономов, статистиков и т. д. В начале мая 1905 г. собравшийся в Москве съезд представителей профессиональных организаций создает «Союз союзов» и принимает политическую программу: созыв Учредительного собрания. Правительство, совершенно растерявшееся, дергалось то направо, то налево. Генерал Трепов неожиданно согласился на восстановление автономии университетов, удовлетворяя требования профессоров и студентов. Университеты обрели экстерриториальность (полиция не имела права входить в них) и стали центром революционного движения в городах.

Загорелись окраины. Этим словом обозначались все нецентральные регионы империи: Царство Польское и прибалтийские губернии, Юго-Западный край (Малороссия) и Сибирь, Кавказ, Финляндия, Средняя Азия. Революционное движение в каждой из «окраин» носило особый характер. Василий Ключевский, объяснявший территориальный рост России политической необходимостью, называвший войну с Японией «самой несчастной и изнурительной, какую вела Россия», но полагавший, что северная Маньчжурия «необходима для обороны Восточной Сибири и Приморской области»[74], отчетливо видел хрупкость империи. «Противоречие в этнографическом составе Русского государства на западных европейских и восточных азиатских окраинах, — размышлял историк в записях для себя, — там захвачены области или народности с культурой гораздо выше нашей, здесь — гораздо ниже; там мы не умеем сладить с покоренными, потому что не можем подняться до их уровня, здесь не хотим ладить с ними, потому что презираем их и не умеем поднять их до своего уровня. Там и здесь неровни нам и потому наши враги»[75].

Основное различие в характере революционного движения на западных и восточных «окраинах» состояло в том, что в Польше, Финляндии и, отчасти, в прибалтийских губерниях важную роль играли национальные лозунги, на Кавказе и в Средней Азии, как в Малороссии и центральной России, — главным был крестьянский вопрос.

Важным инструментом борьбы с революцией было разжигание национальной розни. Полиция организовала еврейские погромы в августе 1905 г. произошла страшная резня в Баку и Шуше. Были сотни убитых с обеих сторон — армян и азери, которых в то время называли татарами. Кровавое столкновение, поразившее современников числом жертв, заслуживает внимания историков и потому, что в числе первых сигналов распада советской

империи были армянские погромы в Баку и Степанакерте (так в советское время стала называться Шуша). Три четверти века коммунистической власти не устранили болевых точек. Остались и «специалисты», верившие, что междоусобные национальные схватки помогут центру сохранить власть.

Главным средством борьбы с революцией на окраинах, как и в центре, оставалась военная сила. Только в Финляндии успокоение пришло после возвращения великому княжеству автономных прав. Рисуя положение в стране, Сергей Витте перечисляет: «В балтийских губерниях... было почти вроде военного положения, там действовали войска виленского округа... На Кавказе целые уезды и города находились в полном восстании... Царство Польское находилось почти в открытом восстании, но революция держалась внутри, только в некоторых местностях прорывалась наружу, потому что была сравнительно значительная военная сила и был хотя не орел, но прямой и мужественный генерал-губернатор Скалон...». Вывод, который делает государственный деятель: там, где власть находится в руках решительного, неколеблющегося губернатора, революционное движение не выходило за рамки, там, где власть была в руках нерешительного представителя власти, — вспыхивали восстания. Например, на Кавказе, где наместник граф Воронцов-Дашков вел политику, выражающуюся «в постоянной смене либеральнейших и реакционных мер»[76].

В октябре 1905 г. революционные партии и профессиональные революционеры провели первую в истории России всеобщую политическую забастовку, в которой приняли участие железнодорожники. Николай II писал 19 октября 1905 г. матери: «Ты, конечно, помнишь январские дни, которые мы провели вместе в Царском... Но они ничто по сравнению с теперешними днями. Забастовки железных дорог, которые начались вокруг Москвы, потом сразу охватили всю Россию. Петербург и Москва оказались отрезанными от внутренних губерний... После железных дорог стачка перешла на фабрики и заводы, а потом даже в городские учреждения. Подумай, какой стыд!.. Только и были сведения о забастовках, об убийствах городовых, казаков и солдат, о беспорядках, волнениях и возмущениях...»[77].

Николай II мог бы добавить о возникновении в Петербурге для руководства всеобщей забастовкой Совета рабочих депутатов, зародыша второй власти. В политический словарь эпохи входит слово «Ахеронт» — так в греческой мифологии называлась река в подземном царстве. Русские политики и публицисты видят в революционном движении адскую реку, волны которой грозят залить всех и все. Революция становится противостоянием двух страшных сил — самодержавия и «Ахеронта». Либеральные течения, опасаясь, что волны адской реки могут их захлестнуть, главного врага видели в самодержавии. «Либерализм, — вспоминает Василий Маклаков, — счел себя вынужденным опираться на... Ахеронт»[78].

Вспоминая в эмиграции события 1905 г., либерал Иосиф Гессен рисует страшную картину революционной стихии: «Демобилизуемые войска, беспорядочно возвращавшиеся с Дальнего Востока, громили все на своем пути. Организуемые местной администрацией городские подонки устраивали погромы евреев и интеллигенции, революционные партии револьверами и бомбами громили полицию и жандармов и под руководством впервые тогда образовавшегося Совета рабочих и крестьянских депутатов вымогали у населения вторую, а потом и третью всеобщие забастовки, явно обреченные на неудачи. Теперь, когда вскрыта огромная роль провокации в общественном движении, трудно допустить, чтобы организация — рассудку вопреки — этих забастовок, как и декабрьского вооруженного восстания в Москве, обошлась без ее участия»[79].

Вооруженное восстание в Москве в декабре 1905 г. было кульминацией революции, которая будет еще долгие месяцы бушевать по стране, неуклонно теряя силу. Николай II писал своей матери через два дня после принятого им необычайно трудного решения. «В течение этих ужасных дней, — рассказывает император, — я виделся с Витте постоянно. Наши разговоры начинались утром и кончались вечером при полной темноте. Предстояло избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами

стараться подавить крамолу. И другой путь — предоставление гражданских прав населению, свобода слова, печати, собраний, союзов и т. д. Кроме того, обязательство проводить всякие законопроекты через Государственную Думу... Это в сущности и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь. И все, к кому я обращался, отвечали мне так же, как и Витте»[80], 17 октября 1905 г. Николай подписал Манифест, формально означавший конец неограниченной монархии в России.

Николай II в письме изложил содержание Манифеста: гражданские свободы и созыв парламента — Думы. После взрыва радости — сразу пришло разочарование. Революционеры считали, что получили слишком мало, сторонники самодержавной власти возмущались чрезмерными уступками «парламентаризму». Очень недоволен был вырванной у него «конституцией» Николай II.

Думская монархия

Конституционная монархия была единственным способом мирного преобразования государства.

Василий Маклаков

Первой легальной политической партией, зарегистрировавшейся в октябре 1905 г., была либеральная конституционно-демократическая партия (КД). Очень скоро она сменила название на партию «Народной свободы», но все говорили о КД — кадетской партии, кадетах. Лидером кадетов был историк Павел Милюков. Юрист Василий Маклаков, один из лучших ораторов России, занимал в ней правое крыло. В то время как для Милюкова в 1905 г. революционеры были «союзниками слева», Маклаков считал необходимым и возможным мирное, нереволюционное преобразование России в конституционную монархию. Эта точка зрения разделялась немногими.

После подписания Манифеста Николай II дал согласие на создание Совета министров. Председателем был назначен граф Витте — он стал первый в истории России премьер-министр. Правительство Витте считало своими главными задачами подготовку выборов в Думу и подавление военной силой «беспорядков». Армия была использована для подавления вооруженного восстания в Москве, карательные экспедиции действовали в Сибири (вдоль железной дороги и в крупных городах), в Прибалтике. В Польше Витте счел необходимым ввести военное положение, ибо нашел в Царстве Польском «состояние анархии».

Ситуация представлялась премьер-министру опасной, ибо война с Японией потребовала концентрации войск на Дальнем Востоке, вооруженные силы имелись также на окраинах. Центр был оголен. Требовалось как можно быстрее перебросить в центральные губернии войска из Забайкалья: забастовка железнодорожников остановила движение войск. «Необходимо во что бы то ни стало водворить порядок на Сибирской дороге и уничтожить революцию в сибирских центрах», — телеграфировал Витте 26 декабря 1905 г. командующему войсками Сибирского военного округа генералу Сухотину[81]. Человек умеренных взглядов, Сергей Витте, сильно встревоженный восстанием в Москве, настаивает на применении решительных мер по отношению к бунтовщикам. 23 января 1906 г. в докладе царю Витте сообщает: «Ваше императорское величество. Генерал Меллер-Закомельский доносит, что Чита сдалась без боя. Но неужели все это дело тем и кончится? Позволяю себе всеподданнейше доложить, что, по моему мнению, необходимо немедленно судить военным судом всех виновных...»[82].

Настойчивость премьер-министра вызвала даже недоумение Николая II, писавшего матери: «Витте после московских событий (император имеет в виду восстание в декабре 1905 г. — *М.Г.)* резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать». Удивляла монарха не решительность в расправе с революционерами. Николай II горячо поддерживал всех, кто устанавливал порядок в стране, но ему был неприятен Сергей Витте: «Я никогда не видел такого хамелеона, — продолжал Николай II свой рассказ матери, — или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера почти никто больше ему не верит, он окончательно потопил самого себя в глазах всех, может быть за исключением заграничных жидов...»[83].

Сергей Витте хочет усмирить революцию там, где он считает это неизбежным, и силой осуществлять там, где он видит это возможным, реформы, модернизирующие страну. Правительственная комиссия разрабатывает крестьянскую реформу, которая будет реализована следующим премьер-министром. Правительство Витте подготовило избирательный закон, подписанный 11 декабря 1905 г. Новый закон несколько расширял «народное представительство» по сравнению с законом 6 августа 1905 г. Манифест 17 октября обещал «привлечь к участию в думе... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав». Новый закон это обещание выполнил, установив, кроме землевладельческой, городской и крестьянской курий, — рабочую. Выборы не были прямыми, равными и всеобщими. Но впервые значительная часть населения страны послала своих представителей в законодательное собрание.

Сергей Витте считал, что избирательный закон, подготовленный его правительством, не изменил, по его словам, главный «недостаток» закона 6 августа — его крестьянский характер. Законодатели выполняли желание Николая II, считавшего, что «держава может положиться только на крестьянство, которое по традиции верно самодержавию»[84]. Дума оказалась крайне левой. 15 апреля 1906 г. царь упрекал Витте: «Мне кажется, что Дума получилась такая крайняя не вследствие репрессивных мер правительства, а благодаря... полнейшему воздержанию всех властей от выборной кампании, чего не бывает в других государствах»[85].

Относительно «выборной кампании» Николай II был совершенно прав. Но упрек Сергею Витте скрывал разочарование «народом» и достигшее предела недовольство премьер-министром. 16 апреля Витте получил собственноручное письмо императора, извещавшее «об увольнении от занимаемых должностей». Витте руководил правительством 6 месяцев и вызвал всеобщее недовольство. Правящие «сферы» считали его «франкмасоном», покровителем евреев. Общественное мнение нападало на Витте за расправу с революционными силами и бездействие против реакционных группировок, окрепших в годы «смуты».

Главной причиной отставки Витте было недовольство им Николая П. Граф Витте не был человеком либеральных взглядов. Он был государственным деятелем, который понимал значение необходимых реформ и, одновременно, твердой власти. «Ничего бы этого не было, — говорил он о положении в стране, — будь жив Александр III»[86]. Николай II обратился к Витте после увольнения с поста министра финансов, ибо нуждался в нем. Но император не терпел снисходительно-учительского тона, который принимал в разговорах с ним министр. Алексей Суворин приводит рассказ Витте. Когда Витте начинал советовать царю, тот отвечал: «Сергей Юрьевич, вы забываете, что мне 38 лет»[87].

Отношения между императором и премьер-министром выходили далеко за рамки личной неприязни. Петр Дурново, министр внутренних дел в правительстве Витте, убежденный монархист, человек правых взглядов, назвал Николая «слабосильным деспотом»[88].

Через несколько дней после увольнения Витте в отставку царь подписал «Основные государственные законы», которые были утверждены 23 апреля 1906 г. Они фактически представляли собой конституцию, но само это слово не употреблялось, ибо с ним

связывалось представление об ограничении самодержавной власти. «Законы» устанавливали, что императору принадлежит «верховная самодержавная власть», но в то же время говорили о гражданских правах и обязанностях граждан, об учреждении Государственного совета и Государственной думы. Статья 44 гласила: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета (становившегося чем-то вроде верхней палаты. — *М.Г.*) и Государственной думы».

«Основные государственные законы» превращали Россию в «думскую монархию», в которой самодержавная власть должна была ужиться с парламентом. Его существование воспринималось необыкновенно болезненно императором. Американский историк Мартин Малия называет Сергея Витте и его преемника Петра Столыпина — «мини-Бисмарками», или «Бисмарками без Вильгельма I».

В прощальном письме Витте император отмечает в качестве единственного достижения премьер-министра «благополучное заключение займа». «Это, — пишет Николай II, — составляет лучшую страницу вашей деятельности. Это большой нравственный успех правительства и залог будущего спокойствия и мирного развития России»[89].

Война с Японией и революционные потрясения нанесли тяжелый удар по русским финансам. Нужны были деньги. Важнейшим финансовым рынком для России была Франция. Сергей Витте обращается к «христианской группе» банков, возглавляемых Парижско-Нидерландским банком, директором которого был Э. Нейцлин. Другая группа, «еврейская», во главе которой стоял банк Ротшильдов, готова была дать заем России, но при условии облегчения положения евреев. Витте не хотел связывать переговоры о займе с «еврейским вопросом», ибо знал отношение к нему Николая II. Французский банкир привлек в «синдикат банков», кроме французских, также английских, голландских, австрийских, немецких, американских и русских финансистов.

Заключение займа было проблемой не только финансовой, но в еще большей мере, внешнеполитической. На конференции по вопросу Марокко, собравшейся в январе 1906 г. в Алжезирасе (Испания), Россия решительно поддерживала Францию против Германии. В отместку, по указанию Вильгельма II, немецкие банки отказались от участия в займе. За ними последовал американец Морган. Книга немецкого статистика Рудольфа Мартина, предсказывавшего поражение России в войне с Японией и неизбежное банкротство Российской империи, стала теоретическим обоснованием отказа немецких банкиров. Аргументы Рудольфа Мартина касались двух направлений. Прежде всего, он напоминал о взглядах основателя немецкой исторической школы в политэкономии — Вильгельма Рошера, считавшего, что иностранные займы увеличивают могущество государства, получающего заем. «При внешних займах, — писал Вильгельм Рошер в 1894 г., — государство получает уже ту выгоду, что весь внутренний капитал народа остается в виде нетронутого запаса». Рошер добавлял, что Россия, кредиторы которой большей частью находятся за границей, обладает возможностью, в случае финансовых трудностей, объявить банкротство, нанеся тем самым тяжелый удар кредиторам. Вторым аргументом Мартина, убежденного в неизбежном банкротстве России, был удар, который будет причинен Франции, в которой было размещено более чем на 10 млрд. франков русских государственных бумаг.

Рудольф Мартин доказывал: пусть Франция дает России займы — тем хуже для французов и для русских. Тем лучше для Германии[90].

Сергей Витте хотел получить заем в 2.750 млн. франков, «вследствие коварства Германии и Моргана»[91] заем составил 2.250 млн. франков (843,75 млн. рублей) из 6% годовых. Это был, как с гордостью отмечает Витте, «самый большой заем, который когда-либо заключался в иностранных государствах в истории жизни народов... Заем этот дал императорскому правительству возможность пережить все перипетии 1906—1910 гг., дав правительству запас денег, которые вместе с войском, возвращенным из Забайкалья, восстановили порядок и самоуверенность в действиях власти»[92].

После того как назначенный на пост премьера (после увольнения Витте) 67-летний Иван Горемыкин продемонстрировал в течение двух с половиной месяцев свои неспособности, Николай II поручил «восстановление порядка» саратовскому губернатору Петру Столыпину. В течение пяти лет Петр Столыпин будет руководить освоением Россией новой государственной системы — думской монархии.

Новый председатель Совета министров был значительно моложе своих предшественников — ему исполнилось 44 года. Потомок старинного дворянского рода, он, в отличие от Витте, был «своим», хотя считался «либералом» и занял высший правительственный пост, не имея за собой петербургской бюрократической карьеры. После окончания физико-математического факультета Петербургского университета и зашиты диссертации по сельскому хозяйству Столыпин поступил на службу в министерство внутренних дел. В течение тринадцати лет (1889—1902) он был сначала уездным губернатором, затем — предводителем дворянства в Ковно — на западной окраине империи. В 1902 г. Столыпин был назначен губернатором в Гродно, а год спустя — в Саратов, став самым молодым губернатором в стране. Саратовская губерния была одним из центров аграрных беспорядков. Петр Столыпин проявил административный талант, личное бесстрашие и сравнительно быстро успокоил порученную ему территорию. Деятельность саратовского губернатора привлекла внимание царя. Столыпин был назначен министром внутренних дел в правительство Горемыкина, а после увольнения старого бюрократа возглавил правительство, сохранив портфель внутренних дел.

Петру Столыпину приписывают слова, которых он не говорил: «сначала успокоение, а потом реформа». Эта формула выражает программу нового главы правительства, но чрезвычайно упрощает ее. Революция уже потерпела поражение, хотя еще не сознавала этого. В первом публичном заявлении Столыпина говорилось о положении в стране: «За последние два года революционное движение проявляется с чрезвычайным напряжением. С весны этого года оно особенно усилилось». Председатель Совета министров перечисляет: «Военные мятежи в Севастополе, в Свеаборге, в Ревельском порту и в Кронштадте, убийства должностных лиц и полицейских чинов, нападения и грабежи следуют один за другим»[93]. Не прошло и месяца после назначения Столыпина, как «максималисты»[94] взорвали дачу премьер-министра на Аптекарском острове: были тяжело ранены дочь и сын Столыпина убито 27 человек и 33 ранено. Необходимость «успокоения» страны стала очевидной с новой силой.

Началось подавление «смуты». Упрощенность формулы «сначала успокоение, потом реформы» заключается в том, что Столыпин соединил два процесса: одновременно с борьбой против революции шла подготовка реформ и началась их реализация.

Современники — в своем большинстве — относились к политике Петра Столыпина отрицательно. Левое крыло общества видело в нем врага революции, правое крыло — радикального реформатора. Василий Маклаков, один из виднейших ораторов второй и третьей Дум, защищавший позиции кадетов, а потому идейный противник Столыпина, много лет спустя пересмотрел свои взгляды. «Говоря языком современности, — писал Маклаков в 1954 г., — Столыпин представлял ту политику, которую принято называть «левой политикой правыми руками»[95].

«Левой» политикой Василий Маклаков называет политику реформ. Но в течение одного долгого времени имя Столыпина отождествлялось с контрреволюционным террором. Деятельность его правительства называли «кровавым смерчем». Имя Столыпина связывали прежде всего с введением законом 19 августа 1906 г. военно-полевых судов, давших генерал-губернаторам в тех случаях, «когда совершение преступления является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании», предавать обвиняемых особому военно-полевому суду с применением наказания по законам военного времени.

Военно-полевые суды действовали семь месяцев — их деятельность произвела на современников огромное впечатление. Василий Маклаков, свидетель мировых войн и

пролетарских революций, заметил: «В 1906 г. люди еще не одичали, как теперь, и казни волновали»[96]. В конце XX в. число жертв «кровавого смерча», «столыпинской реакции» вызывает удивление только своими сравнительно незначительными размерами.

Советский историк, составивший список всех казненных по политическим процессам в России с 1824 по 1917 гг., подсчитал, что «Столыпин и его свора» (глава книги называется «Министр-вешатель») «казнили свыше 5 тыс. человек (1906—1911)[97]. Есть и другая цифра: в 1906—1907 гг. террористы убили и искалечили 4500 человек. Общая цифра жертв левого террора в 1905—1907 гг. превышает 9 тыс. человек[98].

Положение в стране обострялось «правым» террором. Основанный в октябре 1905 г. Союз русского народа, возглавляемый доктором Дубровиным, организовывал еврейские погромы и практиковал политические убийства «врагов России»: были убиты депутаты I Думы кадеты Герценштейн и Иоллос, депутат II Думы Караваев, было совершено — неудавшееся — покушение на Витте.

Жертвы не снижали общественного ожидания революции, которая удовлетворит сразу все требования всех слоев общества. Революция виделась благом, добром, гибель революционеров — жертвой розовому будущему, подтверждающей имманентное зло реакции. Революционный романтизм, революционный героизм были воздухом эпохи. «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева, одного из популярнейших писателей эпохи, воспевал террористов, героизм и высокую человечность жертв власти. Начальник Петербургского охранного отделения генерал Герасимов, руководивший арестом террористической группы, в которую входили две женщины, цитирует в воспоминаниях слова прокурора, по должности присутствовавшего при казни: «Как эти люди умирали... Ни вздоха, ни сожаления, никаких просьб, никаких признаков слабости... С улыбкой на устах они шли на казнь. Это были настоящие герои»[99].

О героях и героизме писал популярнейший писатель своего времени Максим Горький. Всюду повторялись слова «Песни о соколе»: «Безумству храбрых поем мы славу! Безумство храбрых — вот мудрость жизни!». Властитель дум провозглашал безумство — мудростью, успешно проповедовал, что героическая смерть «сокола» значительно лучшего жалкого земного существования «ужа». Высшей целью жизни объявлялся подвиг — героический акт, приближающий революцию.

I Дума, открывшаяся 27 апреля 1906 г., обманула надежды составителей избирательного закона, веривших вслед за царем, что крестьяне составляют главную опору монархии. Дума оказалась настолько левой, что прогрессивная печать назвала ее «Думой народного гнева». Партия Ленина бойкотировала выборы (позднее вождь признал, что это была ошибка), и большинство депутатов представляли партию конституционных демократов (кадетов) — 179 из 478, на втором по численности месте была крестьянская фракция — 97 депутатов.

Иосиф Гессен воспоминает, что кадетская печать писала об открытии Думы: «История сохранит светлое воспоминание об этом светлом часе в истории русского народа... Это будет первый час новой эры в жизни страны»[100]. Но на следующий день, признает мемуарист, «началась открытая непримиримая война между думой и правительством»[101]. Кадеты, одержавшие убедительную победу на выборах, верили, что с такой же легкостью они победят власть. В программе, адресованной Николаю II, они требовали уничтожения «второй палаты (Государственного совета), создания правительства, ответственного перед Думой, которую они называли не законодательной палатой, а «законодательной властью».

Василий Маклаков, оценивая деятельность своих товарищей по партии — конституционалистов-демократов, констатирует, что их деятельность в I Думе была направлена против конституции («Основных законов»). Настаивая на том, что «воля народа» выше закона, кадеты тем самым разделяли принципы самодержавия, где выше закона была воля царя. Обе точки зрения стояли на пути создания в России правового государства[102]. Но

весной 1906 г., когда Николай II, как выражается Маклаков, пытался «лояльно играть свою новую роль конституционного монарха», возбужденные победой кадеты преувеличивали свои силы и возможности. Петр Столыпин вел от имени правительства Горемыкина переговоры с лидером кадетов Павлом Милюковым. Депутатам Думы предлагалось войти в состав правительства, но в ведении царя оставались назначения министров военного, морского, императорского двора и внутренних дел. Столыпин не скрывал, что внутренними делами будет заниматься он. Милюков ответил категорическим отказом. Со своей стороны, вел переговоры, желая подорвать значение предложения Столыпина, бывший министр внутренних дел, назначенный дворцовым комендантом, генерал Трепов. Он соглашался на правительство, составленное целиком из депутатов Думы. Коварный план генерала Трепова базировался на убеждении, что кадетский кабинет неизбежно придет в столкновение с императором, который будет вынужден назначить военного диктатора: автор приказа «патронов не жалеть» был готов принять это назначение.

Неудача переговоров, невозможность сотрудничества между Думой и правительством привели к роспуску Думы менее чем через три месяца со дня ее созыва. Оглядываясь в прошлое, Василий Маклаков резюмирует ситуацию: кадеты пришли победить, они требовали капитуляции правительства. Роспуск Думы и назначение Петра Столыпина премьер-министром были ответом власти. Выяснилось, что подлинной силы кадеты в стране не имеют. Депутаты, лишенные мандатов, собрались в Выборге, составили «Обращение» к народу, призывая к «пассивному сопротивлению». «Нельзя было, — пишет Маклаков, — придумать более бесполезного и неудачного шага. Он никого не увлек и не напугал...»[103].

Новые выборы дали Думу еще более левую, чем первая. Социал-демократы пошли на выборы и получили 65 мандатов, 104 депутата провели «трудовики» — партия, близкая социалистам-революционерам, которые имели 37 своих представителей. Левый блок стал влиятельнейшей фракцией в Думе, насчитывавшей 518 депутатов. Потерпели поражение кадеты — 99 мандатов, правый блок — консервативная партия «октябристов» и черносотенные организации — были представлены 54 депутатами. Остальные места занимали представители небольших партий и групп, менявшие взгляды в зависимости от настроения.

Можно найти много рациональных объяснений причинам «левого» облика II Думы. Задерживает внимание историка странный факт: после распада советской империи во всех посткоммунистических странах (за исключением Чехии) вторые парламентские выборы давали большинство «левым», совсем недавно покинувшим власть компартиям, казалось бы, разоблачившим себя десятилетиями тоталитарного правления. И здесь, конечно, тоже имеются рациональные объяснения. Могут быть, наверное, и другие, иррациональные, обнаруживающие таинственную, непонятную на первый взгляд связь между «вторыми выборами» и левыми настроениями избирателей.

II Дума, как и I Дума, — топталась на месте. Продолжала конфронтацию с правительством, убежденная, что «воля народа» за плечами дает ей силу. Алексей Суворин заносил в свой дневник известным только ему шифром: «В Думе — никого. Разбойников много, разрушителей несть числа, а правителей нет...». О настроениях избранников народа издатель «Нового времени» сообщал: «Дума желала бы министров ругать по-матерному. Один депутат говорил: «Меня не пугается городовой, а министр еще меньше. Надо чтобы они пугались»[104].

Роспуск I Думы и выборы II Думы выдвинули на первый план русской жизни Петра Столыпина. Не только потому, что он получил пост председателя Совета министров, но и потому, что он был единственным из русских министров, который обнаружил замечательный ораторский талант и мог единоборствовать с виднейшими златоустами Думы. Ощутив давление «левого блока», усиленного кадетской фракцией, поняв желание депутатов наводить страх на городовых и министров, Столыпин ответил уверенно и смело: «Не запугаете!»

Предупреждение премьер-министра было направлено против левоцентристского большинства Думы, которое всеми силами старалось помешать реформам, считая их опоздавшими и недостаточными. Но ожесточенную кампанию против политики Столыпина и его лично вели также радикальные реакционеры. Одним из их печатных органов была газета «Русское знамя», издаваемая Дубровиным. В ответ на вызов премьер-министра газета Дубровина заявила: «Да будет ведомо Столыпину, что русский православный народ только смеется над его словами «не запугаете». Когда-нибудь настанет время и время это наступит очень скоро, когда мы не позволим дурманить русских граждан обещаниями заморской конституции, кадетскими бреднями. Нет, все говорит, что настала пора покончить все политические счеты с нынешним столыпинским правительством»[105].

Атаки «Русского знамени» только уравновешивали бы атаки на политику правительство «слева», если бы нападки справа не получили неожиданно высочайшую поддержку. 4 июня 1907 г. Николай II отправил телеграмму председателю Союза русского народа Дубровину. Она гласила: «Передайте всем председателям отделов и всем членам Союза русского народа, приславшим мне изъявления одушевляющих их чувств, мою сердечную благодарность за их преданность и готовность служить престолу и благу дорогой родины. Уверен, что теперь все истинно верные и русские, беззаветно любящие свое отечество сыны, постоянно умножая свои ряды, помогут мне достичь мирного обновления нашей святой и великой России и усовершенствования быта великого ее народа. Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка. Николай».

Текст был настолько неожиданен, похвалы черносотенной организации настолько чрезмерными, что Алексей Суворин отказался печатать телеграмму в монархическом «Новом времени», убежденный, что телеграмма — подделка. «Государь нашел себе партию», — печально записывает он в дневник[106].

Николай II послал телеграмму Дубровину после роспуска II Думы. Она проработала не дольше I Думы: 3 июня 1907 г., в нарушение Манифеста 17 октября, правительство закрыло II Думу. Николаю II она не нравилась с самого начала, Петр Столыпин искал пути сотрудничества, которого кадеты не хотели. Большинство II Думы, например, не хотело осудить революционный террор, хотя охотно осуждало как «правительственный террор», так и террор правых. Предлогом для роспуска Думы стало ее несогласие на выдачу полиции социал-демократических депутатов, задержанных в момент встречи с представителями партийных организаций в армии. Такие связи существовали в действительности, но для облегчения полицейской работы петербургская «охранка» воспользовалась провокаторами и поймала депутатов с «поличным».

Депутат II Думы Василий Маклаков видит подлинную причину «государственного переворота» — роспуска II Думы — в ее нежелании заниматься важнейшей проблемой России, как это понимал Петр Столыпин, — крестьянским вопросом.

Роспуск II Думы не означал конца русского «парламентаризма» — были назначены выборы в III Думу, созыв которой намечался 1 ноября 1907 г. Но опыт первых двух Дум научил правительств: оно изменило избирательный закон. Шло освоение парламентаризма, поиски возможностей сотрудничества исполнительной и законодательной власти. В III Думе правое крыло — от представителей крупных землевладельцев до крайних националистов — имело 33,2%, партия 17 октября, представлявшая интересы промышленной и торговой буржуазии, — 34,8% депутатов, кадеты потеряли ведущее место, которое принадлежало им в первых двух Думах. Новый избирательный закон значительно ограничил избирательные права национальных меньшинств. В III Думе были представлены революционные партии, в том числе большевики (4 большевика входили в социал-демократическую фракцию).

Мартин Малия подытоживает положение: «После 1907 г. в России существует парламент или ассамблея прусского образца, Управляемая консервативными элементами и способная работать совместно с самодержавием, которое остается относительно

открытым»[107]. Автор «Будущности России» писал в 1906 г.: «Русская революция будет более продолжительна, чем французская. Но Государственная Дума еще скорее превратится в сумасшедший дом... Заседания русской Государственной Думы в ближайшие годы будут удивительным образом напоминать заседания французского конвента»[108]. Предсказание недоброжелательного современника не оправдалось.

III Дума дожила до истечения своих полномочий, потом начала работать — IV Дума. Ее полномочия истекли в 1917 г. Избрание следующей Думы состоялось только в 1993 г.

Александр Солженицын, автор десятитомного «Красного колеса», самого пространного и всестороннего анализа русской революции, пишет о «перевороте» 3 июня 1907 г.: «Чтобы сохранить саму Думу — надо изменить закон о выборах. Такое изменение закона, хоть и царским указом, после Манифеста — противозаконно. Но нет другого пути создать работоспособную Думу»[109].

В первой правительственной декларации Столыпина была изложена программа широких реформ — от устранения ограничений и стеснений различных групп населения до реформы местного самоуправления, преобразования местных судов, подоходного налога и т. д. В центре всех изменений Петр Столыпин ставил решение крестьянского вопроса. Ни I, ни II Думы не хотели им заниматься, предлагая проекты, основанные на конфискации помещичьей земли.

Воспользовавшись временем между роспуском I Думы и выборами II Думы, Петр Столыпин провел ряд чрезвычайных мер (ст. 87 Основных законов давала ему это право), изменивших положение крестьян в России. 5 октября 1906 г. был издан указ, уравнивавший крестьян в гражданских правах со всеми другими сословиями. Указ 9 ноября 1906 г. дал крестьянам право выхода из общины с принадлежащим каждому в данный момент земельным наделом. Целая серия других указов решала многообразные аспекты крестьянской реформы. Но II Дума отказывалась принять решение, превращавшее чрезвычайные указы в закон.

Член аграрной комиссии Думы кадет Челноков рассказывал после разговора со Столыпиным депутатам своей партии: «Столыпин помешался на аграрном вопросе. Он говорит: «Прежде я только думал, что спасение России в ликвидации общины; теперь я это знаю наверное. Без этого никакая конституция в России пользы не сделает»[110]. Защищая во II Думе закон 9 ноября, Петр Столыпин говорил, что им «отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда». Левое большинство Думы и правое меньшинство — по разным причинам — не согласились утвердить закон.

Закон о крестьянском землевладении был принят только III Думой и 14 июня 1910 г. утвержден Николаем П. Против закона голосовали левые депутаты, кадеты и значительная часть правых. Вокруг октябристов, подержанных умеренными правыми и национальными группами (польское «Коло»), возникло большинство, позволившее провести закон.

Документы эпохи, свидетельства современников, анализ историков позволяют получить представление о необыкновенно сложном характере крестьянского вопроса в России. События конца XX в. неожиданно открыли актуальность этого вопроса и позволили лучше увидеть то, что происходило в начале века. Десятилетие (1901—1916) продемонстрировало желание значительной части крестьян освободиться от кокона общины, стать свободными земледельцами. К 1916 г. около 2 млн. семей покинуло «мир», выйдя на хутор или оставшись в деревне, но сделавшись единоличным собственником своей земли. Приход к власти большевиков остановил процесс. В 1929 г., когда Сталин объявил о переходе к политике коллективизации и ликвидации кулака как класса, началось воссоздание общины (на советский лад).

В начале 90-х годов XX в., после распада советской системы, колхозы и совхозы не распались, как можно было предположить. Власть, пришедшая на смену коммунистической,

не сделала ничего, чтобы облегчить выход крестьян в мир единоличного хозяйства. Возникло могучее «лобби», состоящее из председателей колхозов и директоров совхозов, препятствующее принятию законодательства, освобождающего крестьян и дающего возможность хозяйствовать индивидуальному землевладельцу. Василий Стародубцев, один из лидеров аграрной фракции в Думе, активный участник путча 1991 г., сжато формулирует программу «аграриев»: «Не должно быть частной собственности на землю. Земля не может быть средством купли-продажи». Собеседник Стародубцева Александр Проханов, издатель еженедельника «Завтра», по сравнению с которым «Новое время» Алексея Суворина выглядит розовым листком, прокламирует «русскую концепцию» земли: «Земля — Божья, земля — народная, земля — ничья, земля — государственная, земля — святая, в нее люди уходят...»[111].

В 1995 г. противники частной собственности на землю дословно повторяют аргументы многочисленных противников Петра Столыпина 90 лет назад. 16 ноября 1907 г., представляя свою аграрную программу в Думе, он отвечал тогдашним и будущим сторонникам «русской» концепции: «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы»[112].

Монархист и консервативный государственный деятель Петр Столыпин считал «настоящей свободой» сочетание гражданских вольностей, чувства государственности и патриотизма и видел ее носителем «мелкого земельного собственника... трудолюбивого, обладающего чувством собственного достоинства», несущего в деревню «культуру, просвещение и достаток»[113].

Важной частью аграрной программы Столыпина была организация — для желающих — переселения малоземельных крестьян за Урал (в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию). В 1906—1913 гг. выехало за Урал около 3,5 млн. крестьян.

Справа и слева премьер-министра атаковали за то, что он делает в своей аграрной программе «ставку на сильного». Противники Столыпина цитировали его речь в Думе 5 декабря 1908 г., где он, защищая принцип единоличной собственности на землю, отвечал тем, что пугал пьяными крестьянами, которые пропьют землю: «Когда мы пишем законы для всей страны, необходимо иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых»[114]. Левые говорили, что Столыпин делает ставку на «кулаков-эксплуататоров», правые, что ставка на раскол в деревне — идея антирусская, антинациональная.

Петр Столыпин защищался, подчеркивая, что «сильных людей в России большинство». Не было сомнений, что возможности, открытые аграрной реформой, привлекали прежде всего наиболее активных, самых инициативных, самых сильных крестьян, — необходима была решительность, сила характера для того, чтобы вырваться из теплых объятий «мира», бросить клочок земли и уехать за 10 тыс. километров начинать новую жизнь на раздольях Сибири. Французский экономист Эдмон Тэри, посетивший Россию в 1913 г., говорит о значительных успехах, достигнутых всего за 6 лет (1906—1912), подчеркивая при этом огромную помощь государства, в частности для размежевания земель и крестьянских займов. «Потребуется еще лет двадцать, — считал французский наблюдатель, — для того, чтобы 130 млн. гектар, отданных общинам в 1861 г. при освобождении крестьян, окончательно превратились бы в частные владения... Однако импульс ныне дан такой силы, что не остается никаких сомнений в полном успехе реформы»[115].

Возможно, Эдмон Тэри слышал о знаменитых словах Петра Столыпина: «Дайте мне 20 лет и я преобразую Россию».

Активная деятельность Столыпина давала результаты: революция была подавлена, в 1907 г. угасали последние очаги; III Дума утвердила аграрный закон и осваивала законы парламентарной жизни. Россия приступила к залечиванию ран, нанесенных войной с

Японией и революцией. Одновременно Петр Столыпин начал терять доверие и поддержку Николая II. В 1909 г. в ответ на слова премьер-министра, ссылавшегося на генерала Герасимова, о том что революция подавлена и государь может свободно ездить куда хочет, Николай II раздраженно возразил: «Я не понимаю, о какой революции вы говорите... У нас, правда, были беспорядки, но это не революция... Да и беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые. Если бы у меня в те годы было несколько таких людей, как полковник Думбадзе, все пошло бы по-иному»[116].

Полковник Думбадзе, комендант Ялты, летней резиденции императора, прославился жестокими репрессиями против евреев. Столыпина не могло не обидеть сравнение. «Как скоро, — говорил он генералу Герасимову, — государь забыл обо всех пережитых опасностях и о том, как много сделано, чтобы их устранить, чтобы вывести страну из того тяжелого положения, в котором она находилась»[117].

1 сентября 1911 г. Петр Столыпин был смертельно ранен в киевском театре, где присутствовал на представлении Николай II. 5 сентября премьер-министр умер. Убийца — Дмитрий Богров был членом партии социалистов-революционеров и агентом охраны. Его еврейское происхождение делало террористический акт дополнительно актуальным. Убийцу мгновенно осудили и казнили. Полностью обстоятельства убийства Петра Столыпина никогда не были выяснены до конца. Обилие противников придавало правдоподобность самым разным, нередко взаимоисключающим слухам. Революционеры ненавидели человека, который успокоил страну и вывел на путь реформ: они могли сделать ненужной новую революцию. Правые видели в действиях Столыпина подрыв монархического строя. Центр, прежде всего кадеты, опасались сильной руки председателя Совета министров, мешавшего им получить правительство, ответственное перед Думой. Павел Милюков, лидер кадетов и постоянный противник Столыпина, напоминая, что главным покровителем премьер-министра был «царь, не любивший, чтобы им управляла чужая воля», заключает: «Призванный спасти Россию от революции, он кончил ролью русского Фомы Бекета»[118].

Павел Милюков уже после революции 1917 г. вспоминал английского канцлера Бекета (1118—1170), убитого после того, как раздраженный король Генрих II удивился, что никто не хочет избавить его от беспокойного советника. Но версия об участии императора в убийстве возникла сразу же после выстрела Богрова, хотя никаких доказательств не было. Имелись подозрения и сомнения.

Переоценка роли Петра Столыпина — один из признаков желания понять русскую историю XX в. Александр Солженицын, шлифуя зеркало русской революции, открыл Столыпина и превратил его в символ загубленных возможностей великой страны. Писатель рисует портрет героя, мужа судеб: «Но — в черном глухо застегнутом сюртуке, с мраморной осанкой и мистически уверенной выступкой фигуры, невыносимый именно тем, что он — не угасающий нафталинный старец, не урод, не кретин, но — красив, но в сознании своей силы...»[119].

Американский историк Ричард Пайпс категоричен: «Столыпин... наиболее выдающийся государственный деятель императорской России. Несмотря на замечательные таланты двух его возможных соперников — Сперанского и Витте, они не обладали тем, что было у Столыпина, сочетанием государственного ума и политического умения». Пайпс цитирует английского посла в Петербурге Артура Никольсона, считавшего Столыпина «наиболее замечательной личностью в Европе»[120].

Василий Маклаков нашел самую удачную формулу — и самую лаконичную — для определения возможностей двух выдающихся министров Николая II: «Витте мог спасти самодержавие, Столыпин мог спасти конституционную монархию»[121].

Незадолго до смерти Петр Столыпин составил программу реформ, имеющих целью создание прочных основ правового государства — конституционной монархии. В программу входили законы, обеспечивающие права граждан (отмена административной ссылки),

реформа полиции, местного самоуправления (в частности, предоставление широких прав земствам), создание министерств социального обеспечения, здоровья и труда. Программа была впервые опубликована только в 1956 г.[122]. В ней можно видеть проект «революции сверху». Для ее осуществления необходим, однако, «верх». Солженицын пишет о Столыпине: «качества его были царские»[123]. Но законным царем был Николай II. Возможный «спаситель конституционной монархии», начавший давить на императора почти так же сильно, как Витте, стал не нужен. Кроме того, в момент убийства Петра Столыпина при дворе появился другой «спаситель», казавшийся несравненно более удобным и эффективным, — Григорий Распутин, давший иллюзию возникновения прямой связи между народом и царем.

На перепутье

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...
Михаил Лермонтов. 1830

Молодой поэт написал свое страшное предсказание в эпоху романтизма, когда предчувствия и мрачные пророчества были в большой литературной моде. В начале XX в., в эпоху, когда в моду вошло «декадентство», безнадежный взгляд на будущее стал общим достоянием. Все предсказывало страшный исход: революция 1905 г. с «Кровавым воскресеньем», землетрясение, уничтожившее в 1908 г. город Мессину, террористические убийства, казни. Александр Солженицын категоричен — убийство Столыпина стало водоразделом: Россия неуклонно пошла к революции.

Советские историки, утверждавшие, что Маркс дал им ключ для понимания прошлого, настоящего и будущего, говорили: Октябрьская революция была неизбежна, ибо таковы законы истории.

Ни доказать, ни опровергнуть это утверждение невозможно. Рассуждения о том, что было бы, если бы... — не представляют серьезного интереса. Заслуживают внимания факты. Они свидетельствуют, что примерно с 1908 г. Россия, вышедшая из революционного кризиса, переживала период замечательного расцвета.

Это время называют «серебряным веком» русской культуры. Американский историк отмечает: «Впервые западный мир следовал за Россией, перенимая ее стиль, ее вкусы и ее духовные ценности»[124]. В изобразительных искусствах, музыке, театре, живописи, литературе прокладываются новые пути, испытываются новые формы. Свидетель наступавших перемен Василий Ключевский жалуется на «снижение уровня общественной нравственности», на то, что жажда зрелищ и потрясающих ощущений проникла в массы, дешевые театры, игорные притоны размножились в больших городах»[125].

Это было — знамение времени и результат повышения жизненного уровня. Заработная плата рабочих и служащих значительно увеличилась, расширились их возможности защиты своих интересов — через профсоюзы, кооперацию, страховые кассы и т. д.

Значительные успехи делало народное образование. Об этом свидетельствует, например, повышение грамотности новобранцев: в 1875 г. грамотных было 21%, в 1913 г. — 73%.

Продолжало развиваться народное хозяйство. В экономическом отношении Россия по-прежнему отставала от крупнейших европейских государств. Аграрная реформа, устранившая главное препятствие на пути развития страны, открыла новые перспективы прогресса экономики.

Энергия русской жизни была неожиданной для ее противников. Австриец Хуго Ганц опубликовал в 1904 г. книгу «Падение России». Не названный по имени русский государственный деятель предсказывает австрийскому собеседнику неизбежный крах России — «атлета с развитой мускулатурой и неизлечимой сердечной болезнью». Немец Рудольф Мартин в 1906 г. пришел к выводу, что «продолжение русской революции исключает на много лет Россию... из ряда влиятельных великих держав», добавляя с удовлетворением, что благосклонная к германской империи судьба «дала возможность этим мирным путем усилить неожиданно свое могущество»[126].

Совершенно иначе оценивал будущее России француз Эдмон Тэри. Принимая как гипотезу, что развитие «больших европейских народов» в 1912—1950 гг. будет аналогично развитию в 1900—1912 гг., он подчеркивал, что «к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях»[127]. Во всех областях статистика демонстрировала динамический рынок России. Достаточно привести еще одну цифру: за десять лет (1902—1912) население страны возросло со 139300 тыс. жителей до 171100 тыс. Занимая первое место в Европе по населению и по территории (54,1% поверхности Европы, не считая азиатских владений) Российская империя в глазах мира была великой державой с великим будущим. Горизонт омрачали политические проблемы.

Имелись трудности, естественные в каждом государстве, реализующем радикальные реформы, переходящем от «старого режима» в новое время. Особой политической проблемой России был двор, сопротивлявшийся переменам, опиравшийся на самые консервативные круги — помещичье дворянство, видевшее, как власть уходит из его рук.

Карл Поппер упрекал философов — от Платона до Руссо и Маркса — в неправильной постановке главного вопроса. Английский мыслитель считал, что нужно спрашивать не «кто должен управлять?», а «как создать такие политические учреждения, которые не дадут возможность причинить слишком много вреда даже неспособным и нечестным политикам?».

В России такого политического учреждения не было. Работало правительство. Его возглавлял после убийства Столыпина Владимир Коковцев, до этого в течение 10 лет занимавший пост министра финансов, — государственный деятель, не имевший размаха Витте и Столыпина, но опытный чиновник, великолепно разбиравшийся в управлении бюрократическим аппаратом. Работала Дума. Ее упрекали — справедливо — в консерватизме, в обилии правых депутатов. Но думская деятельность не только ограничивала самодержавную власть, она воспитала политическое сознание граждан.

Центральное место в системе власти занимал царь. Подписанный им Манифест изменил характер самодержавия — оно перестало быть самодержавной, неограниченной властью. Николай Ц внутренне согласиться с этим не хотел. Категорически отвергала ограничение самодержавной власти и императрица. Характер царя, личные качества царицы, которая постоянно ощущала свою чужеродность при дворе, побуждали их искать совета и утешения вне реального мира.

Увлекался мистическими учениями и спиритизмом Александр I. Мистическими пророчествами о великом будущем России, изложенными в письме императору польским иллюминатом и математиком Гене-Вронским (1778—1853) очень интересовался Николай П. Александр II посвящал много времени спиритизму и астрологии. Его интерес к немецкому

медиуму барону Ландсдорфу разделяли Александр III и императрица Мария, мать Николая II. В начале XX в. интерес к астралу приобрел страстный, лихорадочный характер. В этом видели знамение времени, вспоминали канун французской революции и триумфы Калиостро. Все хотели заглянуть в будущее и посоветоваться с покойниками, открыть тайны, которые, как всем тогда было ясно, хранятся прежде всего на Востоке. Успехом пользуются «Разоблаченная Изида» и другие сочинения мадам Блаватской (двоюродной сестры Витте), магические способности Георгия Гурджиева (уроженца Кавказа), волшебные тибетские лекарства бурята Петра Бадмаева.

Николай II и Александра увлеклись французским врачевателем, гипнотизером Филиппом. Алексей Суворин рассказывает о начале знакомства: «Анастасия Николаевна Черногорская[128] увлеклась столоверчением в Ницце, рекомендовала его государыне. Выписали, занимались столоверчением, вызывали Александра III, который давал советы Николаю II»[129]. Ироничность тона записи характеризует отношение Суворина к «столоверчению». Знание интимных подробностей о «разговорах» императора с духом отца свидетельствовало о наличии в ближайшем окружении царя людей, готовых посвящать широкие массы в тайны двора[130].

[128] Дочь князя Черногорского Николая, которого Александр III назвал «единственным другом России». Была женой князя Лейхтенбергского, позднее — великого князя Николая Николаевича. Ее сестра была женой великого князя Петра Николаевича. При дворе их называли «черногорки» и очень не любили.

Суворин сделал свою запись 3 июня 1907 г., после роспуска Думы, когда критическое отношение к монарху стало всеобщей модой. Знакомство Филиппа с Николаем II и Александрой состоялось в сентябре 1901 г. в Компьене, во время визита императорской четы во Францию. О замечательных способностях Филиппа — врачевателя и мудреца — при русском дворе уже знали от известного мага Папюса[131], автора многочисленных трактатов на эзотерические темы. В Петербурге, где Папюс имел очень большой успех, он рассказывал о своем учителе Филиппе.

Длившаяся почти весь вечер беседа с Филиппом произвела огромное впечатление на императорскую пару. Николай II, узнав о неприятностях с юстицией, имевших место у Филиппа, лечившего, без диплома, попросил французского министра иностранных дел Делькассе дать диплом чудотворцу. Министр, искавший добрых отношений с Россией, обратился к президенту Франции Лубэ. Выяснилось, что диплом врача нельзя получить без необходимых экзаменов даже по протекции президента.

Николай II пригласил Филиппа в Царское село. Французскому целителю был дан диплом военного врача, чин полковника. Утешение, которое он давал императрице, успокоение, которое он приносил императору, не имели цены. Императрица беспредельно верила магу: когда он заявил, что она беременна, не усомнилась ни на минуту и начала толстеть. Только через девять месяцев выяснилось, что беременности не было. Это не поколебало доверия к чудодейственным способностям Филиппа.

История отношения страны к увлечению царя и царицы отражала положение Николая II в России. Против Филиппа выступила тайная полиция. Представитель «Охраны» в Париже Рачковский представил в своем донесении Филиппа шарлатаном и жуликом. Выходившая в Штутгарте революционная газета «Освобождение», которой руководил Петр Струве, со своей стороны разоблачала «гипнотизера и оккультиста». В то время как страна переживает тяжелый и глубокий кризис, «русский царь в лабиринтах своего дворца ждет озарения от какого-то международного оккультиста, которого ему подсунули». Революционная газета была великолепно информирована обо всем, что происходит в салонах императрицы. Против «французского шарлатана» был двор.

Всеобщее негодование сделало невозможным новые визиты Филиппа в Петербург. До смерти целителя в 1905 г. шла оживленная переписка между ним и императрицей, которая

обращалась к нему: «Милый друг». Потеря французского утешителя была очень скоро восполнена: появился русский, Григорий Распутин, которого Александра также называла «милый друг».

В русской истории нет имени более известного, чем Распутин. Может быть, только Иван Грозный и Петр I могут соперничать с ним. Все элементы трагедии слились в одном персонаже: сибирский мужик, поднявшийся к трону, власть, секс, интриги, насильственная смерть и последовавшее за ней падение династии Романовых. О Распутине — его тайне, его даре, его оргиях — написаны сотни книг, поставлены фильмы. И все же тайна остается.

Новейший биограф Николая II пишет о Распутине: «...колдун XX века, он уже пользуется телефоном и телеграфом»[132], добавляя: «...бесспорно обладал сверхчеловеческим даром»[133].

1 ноября 1905 г. Николай II записал в дневник: «Познакомились с человеком Божиим Григорием из Тобольской губернии»[134]. Биографы Распутина говорят о его первом посещении Петербурга в 1903 г., когда он завязал много знакомств, позволивших ему в следующий приезд в столицу познакомиться с царской семьей. «Божий человек» произвел неизгладимое впечатление на императрицу. Поразительная способность Распутина лечить больного гемофилией наследника, останавливать кровотечение даже на расстоянии — телеграммой, окончательно привязала сибирского мужика к династии.

Одним из объяснений места Распутина в жизни императорской четы было удовлетворение Николая II, нашедшего в Распутине воплощение своей мечты о прямой связи царя с народом. Сибирский мужик, обладавший колдовским даром, был как бы воплощением русского народа, безгранично верившего царю, составлявшего главную силу монарха.

Николай II объяснял своему министру двора графу Фредериксу причину появления Распутина: «Это только простой русский человек — очень религиозный и верующий, императрице он нравится своей искренностью, она верит в силу его молитв за нашу семью и Алексея...». Император добавил: «Но ведь это наше, совершенно частное дело. Удивительно, как люди любят вмешиваться во все, что их не касается»[135]. Точно такой же ответ император дал Столыпину, который представил царю полицейскую информацию о похождениях Распутина: «Государыня рассказала мне, что это... очень интересный человек; странник, много ходивший по святым местам, хорошо знающий священное писание, и вообще человек святой жизни». Император отверг все обвинения в адрес Распутина, заявив премьер-министру: «Но почему, собственно, это вас интересует? Ведь это мое личное дело, ничего общего с политикой не имеющее. Разве мы и моя жена не можем иметь своих личных знакомых? Разве мы не можем встречаться со всеми, кто нас интересует?»[136]

Твердое убеждение Николая II и Александры, что Распутин — «их личное дело», не менялось до самого конца. Психологи и психиатры, специалисты-оккультисты пишут о мистических склонностях императрицы, ее нервном характере, объясняя таинственное притяжение к сибирскому колдуну. Письма Александры Николаю II во время войны свидетельствуют, что она находила у Распутина, как раньше у Филиппа, политический совет, который оказался единственно верным. Единственным — спасавшим империю. 10 июня 1915 г. она пишет царю: «Они должны научиться дрожать перед тобой. Вспомни месье Филиппа. Григорий говорит то же самое». Ссылаясь на Филиппа и Григория, императрица требует от супруга быть твердым. Она напоминает царю, что Филипп — в свое время — говорил, что нельзя давать конституцию, ибо она принесет гибель царю и России. 4 декабря 1916 г. снова настаивает: «Покажи им, что ты властелин». Требует от Николая II, чтобы он был Петром Великим! Иваном Грозным! Императором Павлом.

Французский маг или русский колдун давали императрице уверенность, что ее политическая концепция — абсолютная самодержавная власть царя — одобрена таинственными силами, охраняющими Россию. Навязывая свою волю супругу, она ссылается на авторитет мистических посланцев астрального мира: «Григорий всегда тебе

говорил, и Филипп тоже говорил: я могу вовремя предупредить тебя, если буду в курсе твоих дел». И опять: «Вспомни слова месье Филиппа (письмо написано в декабре 1916 г. — *М.Г.*), когда он подарил мне икону с колокольчиком: так как ты очень снисходителен, доверчив, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола, чтобы люди с дурными намерениями не могли к тебе приблизиться».

Новейший биограф Николая II дает оригинальное объяснение знаменитым дебошам Распутина — пьяным скандалам в ресторанах столицы, оргиям, в которых, как все говорили, участвовали придворные дамы. «Тайны Распутина: пьяные оргии, грязные рассказы о Царской Семье — все это была фантастическая провокация. Он сам как бы вкладывал оружие в руки своих врагов.

Но как только они его применяли, тотчас исчезали из дворца»[137] . Была уволена воспитательница великих княгинь фрейлина Тютчева, внучка великого поэта, выступившая против визитов Распутина в спальни девочек. Одной из причин разрыва Николая II с премьер-министром Столыпиным была острая неприязнь последнего к «старцу». Граф Коковцев, сменивший Столыпина, также пробовал доказать царю вред пребывания Распутина при дворе, и также был вынужден уйти в отставку. По одному его (Распутина) слову падали всесильные министры и появлялись выбранные им люди.

«Тайна Распутина», о которой говорит биограф Николая II, заключалась в том, что он убедил царицу, будто добровольно берет на себя грехи все мира и через падение очищает себя. Мистическое объяснение, из арсенала секты хлыстов, удовлетворяло императрицу. Она читает книгу «Юродивые святые русской церкви» и подчеркивает цветным карандашом те места, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности»[138].

Следственная комиссия Временного правительства, расследовавшая обстоятельства «падения царского режима», тщательно расследовала «дело Распутина». Было допрошено множество свидетелей. Прочитаны донесения полицейских, ведших круглосуточное наблюдение за жизнью «святого черта», как стали называть «старца». Комиссия пришла к выводу, что рассказы об оргиях были преувеличены, в том числе относительно участия в них придворных дам. Фрейлина Анна Вырубова, ближайшая наперсница императрицы, покровительствовавшая Распутину и которую обвиняли в том, что она была любовницей сибирского мужика, царя и царицы, оказалась, как сказано в протоколе комиссии, — девственницей.

Подлинные отношения мало кого интересовали. В 1912 г. вся Россия слышала, что Распутин — любовник царицы. В 1914 г. вся страна это твердо знала, была в этом решительно убеждена.

Подлинная роль Григория Распутина остается загадочной. С начала войны его влияние при дворе становится огромным. По его запискам или устным рекомендациям назначаются (и падают) министры. Синод раскалывается на «распутинцев» и «антираспутинцев». Но у Распутина нет своей политики. Он одинаково презирает — внезапно привлекает, а потом также внезапно разочаровывается — многих искателей богатств и положения, которые толкутся в его передней. Выбор им министров происходит по наитию, в результате щедрого подарка, после молитвы. Рекомендуемые им лица различны по характеру, взглядам, нравам. Их единственное общее качество: они на какое-то время привлекли внимание Распутина.

Его чудовищная власть покоится на безграничном доверии императрицы. «Трудность борьбы с Распутиным, — пишет в своих воспоминаниях последний протопресвитер русской армии и флота священник Георгий Шавельский, — заключалась в том, что приходилось бороться не столько с Распутиным, сколько с императрицей».

Политика была у императрицы. Ее основная цель заключалась в сохранении самодержавия и передаче самодержавного трона наследнику. Замкнутая во дворце и своей

мистической вере в святого мужика, дающего гарантию прямой связи с народом и будущим, Александра слушала советы «друга» и вдохновляла на них. Это она просила найти верных людей, которые помогли бы управлять государством, беря на себя трудную задачу укрепления решимости слабовольного царя. В решительности царицы сомнений нет. Ознакомившись с цифрами о казненных и арестованных в разгар подавления революции 1905 г., императрица записала в дневнике: «Одна капля царской крови стоит дороже, нежели миллионы трупов холопов»[139].

Николай II, твердо веривший, что отношения с Распутиным «личное дело, ничего общего с политикой не имеющее» и, тем более, Александра, с ее представлениями о дворе и мире, не видели главного. Когда генерал Герасимов впервые представил Столыпину материалы полицейской слежки за Распутиным, премьер-министр, не знавший о существовании «святого старца», был чрезвычайно взволнован. «Жизнь царской семьи, — заявил он, — должна быть чиста, как хрусталь. Если в народном сознании на царскую семью падет тяжелая тень, то весь моральный авторитет самодержца погибнет — и тогда может произойти самое плохое»[140]. Георгий Шавельский, свидетель позднейших деяний Распутина, пришел к выводу: «Самые подлые, злые враги царской власти не смогли бы найти более верного средства, чтобы дискредитировать царскую семью»[141].

Россия знала временщиков, которые, пользуясь расположением монарха, делали политику. Распутин, иногда, делал министров. Его главным желанием было помочь растерявшимся в страшном мире царице и царю. Миф о всесильном Распутине, который держит в руках вожжи страны и преследует некие темные цели — как агент немцев, или евреев, или сатаны, — держится прочно и неопровержим, как все мифы. Начальника охраны Бориса Ельцина генерала Коржакова называли «Распутиным», имея в виду могучее влияние на дела государства. Если такое влияние у Коржакова было, то у Распутина — его не было.

Появление Распутина при дворе в момент первого кризиса — первой революции — было знаком внутренней слабости режима и, что в самодержавной России было неизмеримо важно, психологической слабости императорской четы. «Распутин», «распутинщина», «распутинцы» были сильны своим ядом, разлагавшим самодержавную власть. В год преодоления кризиса, когда Россия делала успехи в экономике, социальной, культурной жизни, присутствие Распутина при дворе раздражало и очень медленно разъедало ткань ореола, необходимого самодержавному правителю. Когда ситуация стала меняться, когда началась война, психологический фактор «присутствия Распутина при дворе» стал одной из важнейших причин гибели династии и империи.

Николай II получил внешнюю политику в наследство от отца. Ее фундаментом было соглашение с Францией. Сближение с Парижем означало признание реального факта — противником России была Германия. Психологически Николаю II было с этим необычайно трудно согласиться. Этому мешали традиции русской внешней политики, родственные связи, политическая близость монархов — противников демократических режимов.

В июле 1905 г. в финских шхерах близ острова Бьорке произошла встреча двух императоров. Николай II отдыхал на своей яхте «Полярная звезда», Вильгельм II прибыл в гости на «Гогенцоллерне». В отсутствие министров иностранных дел Вильгельм легко убедил Николая подписать договор, в котором Россия обязывалась защищать Германию в случае войны с Францией. В течение трех месяцев о договоре никто не знал. Когда с ним ознакомились министр иностранных дел Ламздорф и председатель кабинета министров Витте, они пришли в ужас. Между Францией и Россией существовала военная конвенция, обязывающая Россию прийти на помощь Франции в случае нападения Германии. Договор, подписанный в Бьорке, диктовал России поведение прямо противоположное. «Если Бьоркский договор станет известен в Париже, — убеждал Ламздорф императора, — то по всей вероятности будет достигнута давнишняя цель германской политики — окончательно расторгнуть русско-французское соглашение и настолько обострить наши отношения с Англией, чтобы совершенно изолировать Россию, исключительно связав ее Германией»[142].

Категорически против договора в Бьорке был и Витте. Николай II долго не хотел соглашаться с доводами своих министров.

После встречи с германским императором Николай II записал в дневник: «Вернулся домой под самым лучшим впечатлением проведенных с Вильгельмом часов»[143]. В 1916 г., в разгар войны, Николай II объяснял тогдашнему министру иностранных дел Сазонову: «Я стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией»[144]. Некоторые историки считают, что император наговаривал на себя и договор в Бьорке был случайностью, хитростью Вильгельма II, обманувшего простоватого кузена, но Николай II не считал себя обманутым. В январе 1906 г. граф Ламздорф представляет императору тайный меморандум, в котором — на основе информации, собранной русскими дипломатами, — дается подробное описание всемирного «еврейско-масонского заговора», имеющего целью «универсальный триумф антихристианского и антимонархического еврейства». Министр иностранных дел предлагал, подчеркивая, что центр «заговора» находится во Франции, создать Тройной союз России, Германии и Ватикана. Идея привлечения к новому «Священному союзу» была связана с конфликтом, возникшим в тот момент между Парижем и Ватиканом. Николай II поставил на меморандуме резолюцию: «Переговоры следует начать немедленно. Я целиком разделяю ваше мнение, изложенное здесь». Мечта о союзе с Германией продолжала жить.

Меморандум был последним документом, подготовленным графом Ламздорфом. Пост министра иностранных дел в правительстве Петра Столыпина занял профессиональный дипломат Александр Извольский (1856—1919), который не разделял взглядов предшественника на необходимость союза с Германией. Меморандум Ламздорфа оставался в тайных архивах до 1918 г., когда большевики, разоблачавшие империалистические державы, опубликовали несколько томов «секретных документов» из архивов министерства иностранных дел. Меморандум Ламздорфа появился в томе VI и почти не привлек внимания историков[145]. Он представляет интерес, ибо отражает взгляды Николая П. В январе 1907 г., император возвращается к вопросу «всемирного заговора» в разговоре с генералом Герасимовым. «Он слышал, — передает слова Николая II начальник петербургского охранного отделения, — что существует тесная связь между революционерами и масонами, и он хотел услышать от меня подтверждение этому. Я возразил, что не знаю, каково положение за границей, но в России, мне кажется, масонской ложи нет, или масоны вообще не играют никакой роли». Генерал Герасимов заключает: «Моя информация, однако, явно не убедила государя, ибо он дал мне поручение передать Столыпину о необходимости представить исчерпывающий доклад о русских и заграничных масонах...»[146].

В начале XX в. Россия находилась в завидном внешнеполитическом положении. Не ощущая серьезных угроз ни на одной границе, она представлялась завидным союзником враждебным блокам, которые начали складываться в конце XIX в. в Европе. И в то же время, ослабленная неудачной войной и революцией, она утратила значительную часть престижа великой державы. После своего назначения Извольский жаловался, что с ним «говорили (на международных встречах. — *М.Г.*) как с представителем Турции и Персии»[147].

Заняв пост министра иностранных дел, Алексей Извольский констатировал точки напряжений в отношениях с рядом других стран. Был подписан мирный договор с Японией, но отношения далеко не урегулированы; после отказа от Бьоркского договора возникли напряженные отношения с Германией, выражавшей к тому же острое недовольство поддержкой Россией Франции в Альхесирасе; Австро-Венгрия резко усилила активность на Балканах, поддерживая Германию, расширявшую свое влияние в Оттоманской империи. Наконец, не были улажены отношения с Англией, обеспокоенной продвижением России в Средней Азии и развивавшей наступление на позиции России, прежде всего в Персии.

Политика лавирования между двумя блоками была возможной лишь в том случае, если Россия решала свои внутренние проблемы и возвращала себе статус великой державы. Выбор внешнеполитической линии неизбежно означал выбор того или другого блока.

Извольский предложил линию, которая становилась частью «Большой национальной программы», выдвинутой Столыпиным. По мнению премьер-министра, России нужна была «мирная передышка» в 20—25 лет. Алексей Извольский видел возможность сохранить мир лишь на 10 лет. Внешнеполитическая программа Извольского предлагала прежде всего признать невозможность для России проводить одновременно активную политику на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Европе. Необходимо было выбирать. Поскольку, как считал дипломат, дальневосточная политика «лет на пятьдесят опережала время»[148], следовало выбрать европейскую ориентацию. Повернуть Россию лицом к Европе.

Извольский получил пост министра иностранных дел после того, как привез Николаю II письмо вдовствующей императрицы, проживавшей большую часть времени в родной Дании, где будущий министр был посланником. Николай II доверял Извольскому, к тому же, свои собственные «дипломатические» действия — война с Японией, договор в Бьорке продемонстрировали вред непрофессиональных решений.

Важнейшим решением Извольского было достижение соглашения с Англией, которое, к тому же, давало ключ к решению проблем с Японией. В беседе с Алексеем Сувориным министр иностранных дел, первым из руководителей русской внешней политики понявшим значение печати, объяснял в августе 1907 г. свою политику: «Япония лет 10 нас не тронет. Воевать там нам невозможно... В Европе назревают события. Мы должны быть свободны в Европе и поэтому необходимо обеспечить себя в тылу». На вопрос Суворина о проливах министр ответил «как Алексею Сергеевичу, а не как журналисту», что «Англия будет за нас». Суворин дописывает: «Не врет ли? Остается Германия»[149].

Извольский не врал. В августе 1907 г. была уже подписана конвенция с Англией. Переговоры длились более полугода. Персия была разделена на три сферы влияния: северную («русскую»), южную («английскую») и нейтральную — с одинаковыми возможностями для двух стран. Россия признала, что Афганистан лежит вне сферы ее влияния. За эти уступки Россия получила обещание Великобритании поддержать Россию при решении вопроса проливов.

Извольскому пришлось преодолеть сопротивление многочисленных противников соглашения с Англией при дворе и в правительственных кругах. Против были сторонники прогерманской ориентации, противники уступок Англии. Сама идея «уступок», «сфер влияния» была новой для русской дипломатии. Противники политики Извольского утверждали, что Россия не должна идти на разграничительные линии, поскольку «она может распространить свое влияние далеко за пределы всяких сфер»[150].

Соглашение с Англией окончательно определило место России в антигерманском блоке, вернув ей потерянный престиж.

Через год после дипломатического успеха, русский министр иностранных дел терпит поражение, которое журналисты того времени назвали «дипломатической Цусимой». Встретившись летом 1908 г. с австрийским министром иностранных дел Эренталем, Извольский дал согласие на возможную аннексию Боснии и Герцеговины, которую Австро-Венгрия администрировала после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Извольский считал согласие условным — до конференции великих держав. Австро-Венгрия сочла согласие безусловным и объявила о включении Боснии и Герцеговины в империю.

Фактическое положение населения Боснии и Герцеговины не изменилось. Формально — все переменилось: австро-венгерская империя сделала решительный шаг вперед в расширении своей территории, включив в нее около 2 млн. славян. 75% населения составляли сербы, примерно 23% — хорваты. Население делилось и по религиозному принципу: примерно 44% православных сербов, примерно 30% сербов-мусульман, хорваты были католиками.

Включение Боснии и Герцеговины в Австро-Венгрию означало также интенсификацию усилий Вены в овладении территориями, принадлежавшими Оттоманской

империи, на которые претендовала Россия. Болгария объявила себя независимым от Турции государством, князь Фердинанд провозгласил себя болгарским царем, не скрывая проавстрийской ориентации.

Россия проглотила дипломатическое поражение, ибо не была готова к военной конфронтации с Австро-Венгрией, которую твердо поддерживала Германия. Ответом на успехи Вены был рост национальных настроений на Балканах. Рождается «новославянское движение», которое находит свое выражение в славянских конгрессах в Праге (1908) и в Софии (1910). Главным их организатором был чешский политический лидер Карел Крамарж. Движение энергично поддерживала Россия, «новославянские» настроения находили интерес в русском обществе.

Оккупация Боснии и Герцеговины, рост температуры национальных чувств славянских народов, которые были одновременно чувствами антинемецкими, стали почвой, на которой в 1912 г. сложился блок славянских народов. Русская дипломатия сыграла важную роль в его создании. В марте 1912 г. заключают союз Сербия и Болгария, в мае — Болгария и Греция. В конце сентября Черногория объявляет войну Оттоманской империи. И получает немедленную поддержку «славянского блока». Турция терпит сокрушительное поражение. По договору, заключенному в мае 1913 г. в Лондоне, Оттоманская империя теряла все свои европейские территории (за исключением Константинополя с небольшим прилегающим уголком Фракии), разделенные между балканскими народами. Бывшие союзники немедленно бросились друг на друга, деля добычу. В июне 1913 г. болгарский царь Фердинанд, получивший поддержку Австрии, начал войну с Сербией и Грецией. Против Болгарии выступили Румыния и Турция. В конце июля 1913 г. разбитая Болгария признала потерю всех завоеванных территорий и некоторых давних владений.

Ни побежденные, что естественно, ни победители не были довольны. Болгария мечтала о реванше, Сербия о расширении территории, которая включила бы хорватов, словенцев и боснийских сербов, подданных Австро-Венгрии, Македония боялась притязаний Греции. Популярнейшим журналистским клише того времени было выражение: Балканы — пороховой погреб Европы. Прошло совсем немного времени, прежде чем «погреб» взорвался.

Русская дипломатия охотно использовала «национальный инструмент» для ослабления своих противников — Оттоманскую и Австро-Венгерскую империи, населенные множеством народов. Православие греков, славянство сербов и болгар, национальные притязания македонцев или румын — всегда находился предлог для пробуждения национальных чувств, роль которых в жизни народов не переставала возрастать на протяжении всего XIX в. и проявилась с особой силой в XX в.

Российская дипломатия так охотно использовала возможности возбуждения национальных чувств в государствах-противниках потому, что не видела в национальном вопросе серьезной опасности внутри своего государства. Россия вошла в XX в. с неизменным представлением о своем предназначении, историческом долге — стоять «на посту охраны западной цивилизации и от диких народов, и от песков Азии»[151]. Выступая 16 ноября 1907 г. в III Думе, Петр Столыпин, возражая польским депутатам, жаловавшимся на свое состояние «граждан второго разряда», сформулировал национальную политику России. «Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права».

Поляки жаловались на то, что в 1900 г. в Царстве Польском было пропорционально меньше школ, чем в 1828 г. Петр Столыпин не отрицал этого. Он добавил: у вас нет даже высшего учебного заведения. Но это потому, что вы не хотите «пользоваться в высшей школе общегосударственным русским языком».

Децентрализация, объявил председатель Совета министров, «может идти только от избытка сил». Российская империя отвечает «нет», тем, кто хотел бы «вырвать вместе с корнями», порвать нити, которые связывают империю, центр с окраинами[152].

Петр Столыпин имел основания утверждать незыблемое единство централизованной империи, ибо национального вопроса в России не было — если не считать хлопот с поляками и евреями. За полвека, минувшего после эпохи реформ, набрало силу социальное движение, находившее свое выражение в деятельности подпольных организаций. Крупнейший специалист по борьбе с революцией, бывший начальник Кишеневского, Донского, Варшавского и Московского охранных отделений Петр Заварзин, работавший на юге, западе и в центре страны, заявляет: «До революции 1917 г. в России самыми конспиративными партиями являлись те, которые создавались на национальных началах»[153]. Но в качестве примера он может привести только еврейскую партию «Бунд», армянскую «Дашнак-Цутюн» и польскую социалистическую партию (революционная фракция). Даже если признать правоту мнения полицейского относительно особой конспиративности национальных партий, удивляет их немногочисленность. К тому же «Бунд» требовал только автономии, «Дашнак-Цутюн» ставил своей целью объединение турецкой и русской Армении в одно государство, связанное с Россией, только польские социалисты под руководством Юзефа Пилсудского мечтали о возрождении суверенной Польши.

Не было серьезного национального движения в Прибалтике: традиционные антигерманские настроения латышей и эстонцев были как бы гарантией традиционного спокойствия в регионе. В 1900 г. во Львове вышла брошюра Миколы Михновского «Независимая Украина» (на украинском языке). В ней излагалась программа движения за независимость: Украина для украинцев; Украина от Карпат до Кавказа; кто не с нами, тот против нас. На основе этой программы возникла первая национальная политическая партия: Украинская революционная партия. Она распалась через два года. Большинство ее членов ушли в социал-демократические организации, оставив национализм на будущее. Национальное движение развивалось энергично в австрийской Польше, где украинцев поддерживало венское правительство. В 1911 г. в Галиции создается Общество украинских сичовых стрелков — парамилитарная национальная организация.

В 1863 г. Петр Валуев, занимая пост министра внутренних дел, ссылаясь на «мнение большинства малороссов», утверждал, что отдельного малороссийского нет и не может быть. Запрещение на украинский язык было снято только в 1906 г., но языком школьного обучения оставался — русский.

Острота еврейского вопроса была связана в период после Манифеста 1905 г. с тем, что ограничения по отношению к еврейскому населению воспринимались как несправедливость. Василий Маклаков, рассказывая в мемуарах о деятельности Петра Столыпина, замечает: «Для более полного понимания того, к чему стремился Столыпин, полезно иметь в виду и те законы, которые изготовлялись, но не увидели света». Мемуарист называет один, «который мог бы своей цели достичь и стать провозвестником новой эры: правительство его приняло и поднесло Государю на подпись; это закон «об еврейском равноправии»[154]. Владимир Коковцев, участвовавший в обсуждении закона, вспоминает, что большинство министров было за отмену «едва ли не излишних ограничений в отношении евреев, которые особенно раздражают еврейское население России и не вносят никакой реальной пользы для русского населения...»[155].

Закон, составленный правительством, отменял часть ограничений (не все). Петр Столыпин, представляя проект Николаю II, аргументировал тем, что после Манифеста 17 октября «евреи имеют законные основания добиваться полного равноправия». Он выдвигал обычное объяснение: обиженные евреи идут в революцию. По сравнению с 60-ми годами XIX в., когда еврейский вопрос стал проблемой русской политики, к нему добавилась новая грань: Россия нуждалась и получала заграничные кредиты. Роль еврейского капитала в

финансовом мире имела большое значение. Банкиры еврейского происхождения (в США, во Франции) поддерживали требования русских евреев, домогавшихся равноправия.

Николай II отверг проект закона о равноправии евреев. Он писал Петру Столыпину: «Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя»[156]. Император объяснил председателю Совета министров, что он подчиняется голосу совести, которая не позволяет ему согласиться на равноправие евреев. Иррационально-мистический характер этого отношения к еврейскому вопросу проявился в споре относительно русско-американского торгового договора. Он был подписан еще в 1882 г. и предусматривал, в частности, свободный приезд американцев в Россию. Американцы соглашались на некоторые ограничения во время пребывания в империи, но отвергали ограничения по вере. Русское правительство отказывалось давать визы американцам-евреям. После многолетних переговоров США денонсировали в 1911 г. торговый договор с Россией.

Прошло более полувека и вновь возник еврейский вопрос в контексте отношений между Советским Союзом и США. Американцы ставили условием предоставления СССР принципа наибольшего благоприятствования разрешение евреям эмигрировать. На заседании Политбюро, собравшемся 20 марта 1973 г. для обсуждения проблемы, председатель Совета Министров Алексей Косыгин пришел к выводу: «Мы сами себе придумываем еврейский вопрос». На что, генеральный секретарь ЦК КПС Леонид Брежнев ответил: «Сионизм нас глупит»[157]. Он, несомненно, хотел сказать: антисионизм нас глупит.

Михаил Катков, ведущий русский консервативный публицист второй половины XIX в., был сторонником равноправия евреев, считая, что они не представляют опасности для России, ибо не могут отделиться от империи. Иначе обстояло дело с поляками. В начале века в Польше складываются две партии, представляющие два основных течения польской политической мысли. Ими руководили два крупнейших польских политических деятеля XX в. Во главе Польской социалистической партии стоял Юзеф Пилсудский (1867—1935), во главе Партии национальных демократов — Роман Дмовский (1864—1939).

Юзефу Пилсудскому приписывают кратчайшую автобиографию: Из поезда социализма я вышел на станции — Независимость. Роман Дмовский — был всегда националистом. Оба были горячими польскими патриотами. Принципиальное расхождение между ними вскрылось в период революции 1905 г. Юзеф Пилсудский повел свою партию на баррикады, следуя примеру социалистов-революционеров, создал боевые группы, которые совершали террористические акты. В 1908 г. под личным руководством Пилсудского был захвачен на станции Безданы (около Вильно) почтовый поезд, перевозивший деньги из Варшавы в Петербург.

Отношение Романа Дмовского к революции было категорически отрицательное. В действиях социалистов Пилсудского он видел страшную угрозу польскому «национальному организму», который он хотел создать. Революционный анархизм социалистов он приписывал еврейскому влиянию на Пилсудского и его ближайших соратников. Вражда Дмовского к революции была так сильна, что, приехав с делегацией в Петербург, он предложил русскому правительству помощь в подавлении волнений в «привислянских губерниях» польскими руками. Русское правительство предложением не воспользовалось, объявило в Царстве Польском военное положение и подавило революционное движение собственными силами.

Депутат II и III Государственных Дум (лидер польской фракции «Коло»), Роман Дмовский изложил свою геополитическую концепцию в книге «Германия, Россия и польский вопрос», опубликованной по-польски в 1908 г., а затем и на других языках. Германия — главный враг польского народа. Таков был вывод Дмовского. Потому, что, как он писал, немцы откровенно объявляют: «Мы ведем борьбу со всем польским народом»[158]. И потому, что основная этнографическая польская территория, на которой живет население

польское, по традиции, по языку, по менталитету находится в руках немцев — в составе германской империи[159].

Роман Дмовский сделал вывод: необходимо опереться на французско-русский союз, прежде всего сблизиться с Россией.

С начала века, сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее Европа, а вместе с нею и весь мир, катилась в пропасть войны. Но только польские политические деятели это понимали. В середине XIX в. Адам Мицкевич предсказал, что рухнут орлы трех империй, разорвавших Польшу и она воскреснет. Апокалипсических предсказаний поэтов, как правило, всерьез не принимают. Роман Дмовский и Юзеф Пилсудский верили в реальность близкой войны, ждали ее и начали готовиться. Каждый выбрал свой лагерь. Роман Дмовский отказался от мандата депутата III Думы и поехал в Париж — действовать против Германии, в пользу России и Франции. Юзеф Пилсудский с поразительной проницательностью увидел будущее Европы. Выступая в Париже 14 января 1914 г., Пилсудский сказал, что война начнется столкновением между Россией и Австрией на Балканах, за Австрию вступится Германия, за Россию — Франция, а Великобритания не оставит на произвол судьбы Францию. Если сил будет недостаточно для победы над Германией — вступит в войну Америка. На вопрос: «Чем кончится война?» — Пилсудский ответил, что Россия будет побита Австрией и Германией, а те, в свою очередь, будут побеждены англо-французами (или англо-американо-французами)[160].

Исходя из этого, как стали позднее выражаться, сценария, Пилсудский приступил к формированию боевых отрядов — легионов на австрийской территории, с помощью австрийцев, считаясь с возможностью военных действий против российской армии, в которой были солдаты-поляки. Для Пилсудского главным было иметь ядро самостоятельной польской армии, которая, как он рассчитывал, после разгрома России немецко-австрийскими армиями получит «русскую Польшу», а затем, после поражения центральных держав, объединит все польские земли.

Представитель Пилсудского встретился в Париже с лидером русских социалистов-революционеров Виктором Черновым и предложил союз в борьбе против царской России. Виктор Чернов антирусский союз отверг и предупредил, что участие поляков в войне на стороне немцев вызовет у русских новый взрыв анти-польских чувств. Представитель польских социалистов возразил, что они не могут «упустить случай, бывающий раз в столетие, и не попробовать вернуть себе независимость и свободу»[161].

Иосиф Гессен, один из редакторов (вторым был Павел Милюков) газеты «Речь», популярного органа партии кадетов, пишет в мемуарах, что либеральных журналистов упрекали: «Они недобросовестно прячут все краски, кроме густо-черной, закрывают глаза на совершавшийся именно в те годы подъем экономического и финансового благосостояния страны». В ответ они говорили: «Без конца мы повторяли, что мощь России грандиозна и чем стремительнее она рвется наружу, тем опаснее становятся препятствия, мешающие ей развернуться»[162].

«Задним умом силен» — это могло быть сказано о мемуаристах и об историках. Знание конечного результата окрашивает воспоминания о прошлом. В 1914 г. началась мировая война, а в феврале 1917 г. Николай II отрекся от престола. Легко найти причины краха Российской империи в начале XX в. Их множество, разного рода, на любой вкус. Многие слышали потрескивания гигантского здания империи. Но очевидность ее блеска, могущества, гигантских возможностей развития были также очевидны. «Новый курс», как называли обширную экономическую программу, разработанную при деятельном участии Александра Кривошеина, одного из виднейших реформаторов русской экономики, предусматривал «пятилетку» строительства железных дорог с увеличением существующей сети на 50%. Были утверждены кредиты на строительство плотины и гидроэлектростанции на Днепре (Днепрострой станет жемчужиной сталинского плана индустриализации).

Составлены планы строительства электростанции на Волхове (она будет сооружена в советское время)[163].

Наблюдатели-иностранцы видели происходившие в России изменения, возможно, лучше хозяев. Во всяком случае — иначе. Это относится, конечно, к Эдмону Тэри. Но это относится и к Роману Дмовскому, искавшему соглашения с Россией не потому, что он любил русских, а потому, что считал альянс выгодным для поляков. Роман Дмовский шел наперекор польскому общественному мнению, в своем большинстве враждебному России, ибо считал, что Россия изменилась. Она стала современным государством, полноправным членом концерта европейских держав, союзником Франции, поэтому нет необходимости в Речи Посполитой, которая защищала бы «цивилизованную Европу» от «казацкой России».

Иностранные наблюдатели видели слабости. Дипломатичный Эдмон Тэри пишет: «Экономическое и финансовое положение России в настоящий момент превосходно, однако от правительства зависит сделать его еще лучше»[164]. Это, конечно, можно сказать о любом правительстве. Роман Дмовский идет в своей критике значительно дальше: Россия «в тех размерах, какие дала ей история последних двух столетий, имеет перед собой только один путь спасения, единственную возможность оздоровления внешней политики и возрождения внутренней мощи — коренное изменение своего характера и своего развития. Это не может быть государство одного русского народа, навязывающего всем другим свою культуру и свои учреждения, — силы иных народов, прежде всего польского, должны быть призваны к жизни — наряду с русским — для самостоятельного творчества»[165].

Тэри, как и многие другие экономисты, видели необходимость административных реформ. Дмовский, в числе немногих, видел необходимость реформы отношений между народами империи. Возможность реформ, эволюционных изменений отвергалась только революционным меньшинством.

Гибель дома Романовых

Самодержавие без самодержца.

Василий Шульгин

Второе десятилетие XX в. начиналось праздниками. В 1912 г. праздновали столетие победы над Наполеоном. В 1913 г. — трехсотлетие дома Романовых. «Препятствия» портили праздники. В 1912 г. на далеких Ленских золотых приисках солдаты расстреляли демонстрацию рабочих — снова накатывалась волна революционного движения. В 1913 г. в течение 35 дней внимание страны было привлечено к процессу в Киеве. Судили еврея Менделя Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве. Прецеденты в России были: дважды обвиняли в ритуальных убийствах евреев, однажды обвинили в человеческих жертвоприношениях вотяков. Процессы всегда кончались оправданием обвиняемых.

Процесс Бейлиса, приобрел широчайшую мировую известность, ибо его инсценировка, затеянная черносотенными организациями Киева, была горячо поддержана правительством. Несмотря на грубейший натиск со стороны министра юстиции и министра внутренних дел, присяжные заседатели, которых специально подобрали из числа малограмотных украинских мужиков, оправдали Бейлиса.

Страна шла одновременно в двух направлениях: Россия развивалась, крепла, становилась, как выразился Дмовский, нормальным государством; русское общество распадалось, атомизировалось, правительственная бюрократическая машина препятствовала

развитию экономики, ибо безнадежно устарела, Дума с трудом находила формы сотрудничества с царем, который не хотел с ней вообще сотрудничать. Потеряло всю силу дворянство, некогда основа самодержавия и государственной системы, раскалывалось крестьянство, вступившее на капиталистический путь. Множество политических партий, в непрерывной борьбе между собой и с внешним миром, предлагали свои проекты продвижения России вперед или заторможения движения.

Противоречия, конфликты, требования реформ и сопротивление им — форма существования нормального государства. В России конфликты и противоречия принимали иногда более острый характер, чем в других «нормальных» странах, ибо Россия меняла форму правления: «старый режим» отмирал, но продолжал сопротивляться. Специфической формой отмирания была слабость царя. Один из виднейших деятелей правых в Думе, преданный монархист Василий Шульгин определил положение формулой: «Самодержавие без самодержца». Он выражал всеобщее мнение. Николай II не в состоянии был быть самодержавным царем, хотя самодержавие, даже ограниченное Думой, оставалось государственной системой России.

Тревога современников, апокалипсические пророчества, популярные в обществе, были вызваны как происходившими переменами, так и страхом перед экзаменом, которого все ждали. Россия шла к войне. К войне шла Европа. Во всех странах уверяли, что никто войны не хочет. В этих заявлениях была доля истины. Знаменитый китайский воин-философ Сун Цзу более двух тысяч лет назад сформулировал основной принцип стратегии: «Победить, не воюя, лучше всего»[166]. Войны не хотел никто, все хотели победы. Каждая великая держава преследовала свои цели, которые постоянно сталкивались с целями других великих держав.

Десятилетия, прошедшие после окончания первой мировой войны, прерванные второй мировой, не дали окончательного ответа на то, кто и почему начал стрелять в августе 1914 г.

Все имели территориальные притязания — желание расширить свою империю, все имели экономические аппетиты. Интересы России шли в традиционном, многовековом направлении — к Царьграду, в сторону Черного моря. В числе многообразных интересов Германии, сравнительно поздно вышедшей, как любил выражаться Ленин, на «путь империалистического разбоя» и особенно жадно искавшей добычу, была Россия. В «Будущности России» Рудольф Мартин в 1906 г. выражает убеждение: «Не все расы одинаково ценны». Эта мысль стала популярной в начале века не только в Германии. Но Рудольф Мартин добавляет специфическое наблюдение: «Русская раса до сих пор не смогла достигнуть таких же успехов в мировой истории, как германская или англо-саксонская раса»[167]. В августе 1914 г., едва началась война, Адольф Бартельс, немецкий поэт, автор исторических романов историк литературы, сочиняет «политический меморандум», озаглавленный «Цена победы: немецкая западная Россия». План немецкого литератора был прост: «Нам нужна вся территория в междуречье Двины и Днепра вплоть до Черного моря; мы должны вытолкнуть Россию в Азию и создать условия для германского государства со стомиллионным населением». Адольф Бартельс подумал и о евреях, населявших территорию, которая была нужна Германии. Он насчитал их около 4 млн. и предлагал собрать всех в Одессе, а оттуда отправить в Турцию и в далекую Палестину»[168].

Планы, изложенные Бартельсом, казались в августе 1914 г. невинными фантазиями интеллектуала-националиста, в 1916—1917 гг. они были перенесены на карты германских генералов, вступивших на территорию «западной России», в Царство Польское.

В ноябре 1909 г. пост министра иностранных дел занял опытный дипломат Сергей Сазонов (1860—1927). Он полгода работал заместителем Извольского и продолжал его политику. Алексей Извольский был отправлен послом в Париж, где далее играл важную роль в определении русской внешней политики. Монархист умеренно-либерального толка, близкий по взглядам к Столыпину (они были женаты на сестрах), Сазонов в придворных

кругах считался «парламентаристом». Политика России накануне войны определялась членством в Тройственном согласии (которое Сазонов, вслед за Извольским, стремился укрепить, превратить в сильный военно-политический союз) и желанием сохранять добрососедские отношения с Германией. Главным противником считалась Австро-Венгрия.

Русский Генеральный штаб, начальником которого накануне войны стал генерал Ю. Данилов, составлял свои стратегические планы без всякого учета внешней политики. Историк русской армии замечает: «Можно было подумать, что Дворцовая площадь (где находился Генеральный штаб. — *М.Г.*) и Певческий мост (резиденция министерства иностранных дел. — *М.Г.*) находились на двух совершенно разных планетах»[169].

Генеральный штаб готовился к нападению со стороны Швеции, которая была тесно связана с Англией; опасался Румынии, хотя дипломаты знали, что она ждет, пока не выяснится — кто победитель. В числе врагов считались Япония и Италия (они выступят на стороне союзников). Русские стратеги твердо рассчитывали на Болгарию, которая присоединилась к вражеской коалиции.

Петр Столыпин видел войну как величайшее несчастье России. «О какой войне может быть речь, — говорил он в разгар кризиса, вызванного захватом Австрией Боснии и Герцеговины, — когда у нас внутри достигнуто еще только поверхностное успокоение, когда мы не создали еще новой армии, когда у нас даже нет новых ружей»[170]. Предупреждал об опасности войны преемник Столыпина граф Коковцев. На рациональные аргументы Николай II отвечал: «Все в воле Божьей»[171]. В мистической атмосфере царского двора более убедительными были предсказания, шедшие непосредственно из источника всех знаний. Григорий Распутин был категорически против войны и предсказывал гибель России и династии в случае пренебрежения предсказанием. Петр Дурново, министр внутренних дел в кабинете Витте, затем член Государственного совета, послал императору меморандум, в котором предупреждал: «Всеобщая мировая война смертельно опасна для России и Германии, независимо от того, кто ее выиграет...»[172]. Меморандум был обнаружен в царских бумагах после революции без пометок, видимо он не был прочитан. Слухи о нем, однако, ходили по столице, подогревая тревожную обстановку.

28 июня 1914 г. боснийский серб студент Гаврила Принцип двумя выстрелами из револьвера убил в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену. Реальность походила на выдумку малоталантливого автора трагикомедий. Решение эрцгерцога провести военные маневры в Боснии на границе с Сербией были восприняты в Белграде как провокация. Секретная организация сербских офицеров «Черная рука», манипулируемая сербской и русской спецслужбами, послала в Сараево террористов — семерых молодых людей, плохо стрелявших и, как один, болевших туберкулезом. Моделью служили русские террористы. Семеро, вооруженные бомбами и револьверами, стояли на трассе проезда открытой машины, в которой сидели Франц-Фердинанд с супругой.

В Сербии не любили наследника венского престола. Ему приписывали идею превращения двуединой монархии в триединую, включив на равных правах с австрийцами и венграми — славян. В Белграде видели в этом плане помеху на пути создания Великой Сербии.

Первый бомбист растерялся и пропустил машину, второй бросил бомбу, эрцгерцог отмахнул ее рукой, она взорвалась на улице. Осколки ранили герцогиню. Машина миновала еще четырех террористов, которые не шелохнулись. И лишь седьмой, последний, дважды выстрелил и смертельно ранил Франца-Фердинанда и герцогиню Софию.

Дальнейшие события описаны во всех учебниках истории: австрийский ультиматум Белграду, его принятие сербским правительством, за исключением одного пункта. Настоятельное желание австрийского министра иностранных дел Эренталя начать войну превратило этот пункт в повод для предъявления Сербии ультиматума. Германия

поддержала Австро-Венгрию. Россия сочла для себя невозможной не защитить братьев-сербов. Всеобщие мобилизации сделали переговоры излишними. Машина войны *стала* набирать обороты.

Объявление войны «немцам» вызвало энтузиазм в России. С таким же энтузиазмом встретили известие о начале войны в Берлине, Париже, Лондоне, Белграде, Вене. Выразили свою лояльность представители «окраин». На однодневном специальном заседании Думы депутат Келецкой губернии выразил надежду, что славяне возьмут в руки «нержавеющий Грюнвальдский меч» и снова разгромят тевтонов. После чего, как надеялся депутат, произойдет объединение Польши. Речь понравилась, и в обращении к полякам 14 августа верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича был упомянут «Грюнвальдский меч». Депутат Курляндии на этом же заседании напомнил, что все латыши и эстонцы знают, что все, достигнутое ими, было достигнуто под защитою русского орла и дальнейшие успехи будут возможны только при условии, что «Прибалтика останется неотделимой частью Великой России...»[173].

Бисмарк был убежден, что германская империя и Россия никогда не будут воевать, «если только не исказят ситуацию либеральные глупости или династические нелепости». В 1914 г. для войны между Россией и Германией не было даже этих причин.

Неудача расширения границ империи на Дальнем Востоке заставила вернуться Россию к традиционной цели — Константинополю. «Царьград» стал главным призом России в начавшейся войне. Впервые в русской истории обе великие «морские державы» были на ее стороне и заинтересованы в ее помощи против Германии в такой степени, что готовы были заплатить столицей Оттоманской империи. Русская дипломатия прилагала немало усилий к тому, чтобы удержать Турцию от выступления на стороне Германии, рассчитывая, после победы, добиться желаемого мирным путем.

В январе 1914 г. Николай II объяснял французскому послу Делькассе, уезжавшему на родину: «Мы ни в коей мере не стремимся к овладению Константинополем, но нам нужна гарантия, что проливы не будут для нас закрыты»[174].

Оттоманская империя выбрала Германию. Сазонов объявил, что только решение «коренного вопроса русской политики» — вопроса черноморских проливов — может оправдать в глазах общественного мнения огромные жертвы войны.

Военные действия начались наступлениями русских армий в Восточную Пруссию и в Галицию. После первоначальных успехов 2-я армия под командованием генерала Самсонова была окружена и разбита. Имеются две взаимоисключающие оценки битвы в Мазурских болотах, как писали русские газеты; «реванша за Таненберг» — так писали победители-немцы. Александр Солженицын начинает «Красное колесо» описанием гибели армии Самсонова. Писатель рисует монументальный портрет генерала, проигравшего битву и покончившего самоубийством. В числе важнейших причин поражения, считает Александр Солженицын, преждевременное выступление русских армий, не завершивших мобилизацию, но давших в свое время обещание французам и сдержавших слово. Историк русской армии А. Керсновский настаивает, что «восточно-прусский поход знаменовал потерю войны для Германии»[175]. Его логика проста: армия Самсонова оттянула на себя германские войска, шедшие на Париж. Разгром Франции повлек бы за собой неминуемое поражение России. Стоит отметить, что А. Керсновский сделал свой вывод до гитлеровского нападения на Советский Союз. Вторая мировая война подтвердила правильность русской стратегии в начале первой.

Победы русских войск в Галиции смягчали боль поражения в Восточной Пруссии. На южном фронте русские войска вели бои с привычным противником — турками и добились серьезных успехов. 1915-й год был временем тяжелых поражений в Польше.

Германское командование составило план двустороннего охвата русских армий в Польше, уничтожения ядра русских вооруженных сил и выведения России из войны. Русская

ставка, как пишет историк, «потеряла дух» и, сумев вывести часть войск из «мешка», предписала эвакуацию населения оккупированных губерний — около 4,5 млн. человек. Русское командование рассчитывало создать атмосферу 1812 г., «поднять дух народа». Произошло обратное. Женщины, дети, старики отступали в ужасном беспорядке, забивали дороги, смешивались с войсками, деморализуя их.

Общие потери русской армии в 1915 г. превысили 2,5 млн. человек — убитыми, ранеными, попавшими в плен. Были утрачены Польша, Литва, Курляндия. Но немецкий план — покончить с Россией одним ударом — не удался. Огромные потери обескровили и немецкую армию, она была втянута в бескрайние русские просторы, встретила бездорожье, которого немецкие генералы, офицеры и солдаты не могли себе представить.

«Осенью 1914 г., — подводит итог военный историк, — для Германии выявилась невозможность скорого решения войны на западе, осенью 1915 г. то же пришлось констатировать и на востоке»[176]. Начиналась затяжная война, в которой у Германии было меньше шансов на победу в связи с ограниченностью ресурсов по сравнению с возможностями стран Атланты.

Положение в России осложнялось тем, что внутреннее положение страны становилось с каждым военным месяцем все более шатким. Для союзников Россия была абсолютно необходимым членом союза, доверия к которой не пошатнули военные неудачи. Министр иностранных дел Сазонов вел свою войну на дипломатическом фронте, добиваясь от Англии и Франции согласия на «большой приз» для России. В ходе интенсивных переговоров выяснилось, что Англия согласилась на русские требования быстрее и легче, чем Франция. В марте 1915 г. Николай II объявил французскому послу Морису Палеологу: «Мое решение принято. Я радикально разрешу проблему Константинополя и проливов... Город Константинополь и Южная Фракия должны быть присоединены к моей империи»[177]. Со своей стороны, русский царь ничего не жалел для союзника: «Берите, — говорил он французам, — левый берег Рейна, берите Майнц, Кобленц, идите еще дальше, если находите это полезным. Я буду счастлив и горд за вас».

В апреле 1915 г. Франция дала согласие на русские планы. В октябре 1916 г. Англия и Франция публично объявили о согласии на реализацию вековой мечты России.

1916-й год был особенно тяжелым не в результате очередных военных поражений. Фронт стабилизировался, а на юге русские армии одерживали победы. В январе 1916 г. была взята штурмом виднейшая турецкая крепость Эрзерум. Трудности накапливались, громоздились внутри страны. Набирал силу кризис власти. Открытые враждебные действия против царицы, Распутина, а следовательно царя, начала семья Романовых. Вражда между императором и Думой нарастала. Министерская чехарда создавала впечатление, — точно передававшее реальность, — что власть слаба и не может руководить страной.

В августе 1915 г. Николай II принял — если не считать отречения — важнейшее решение в своей жизни. Он сместил великого князя Николая Николаевича и взял на себя обязанности верховного главнокомандующего вооруженными силами России. Двое из предков императора — Петр I и Александр I — прибегали к этой чрезвычайной мере. Удачи это не принесло.

Решение Николая II объясняли по-разному: поднять боевой дух армии; устранить Николая Николаевича, который ненавидел Распутина и тем самым был ненавистен царице (к тому же ходили слухи о заговоре с целью передачи трона великому князю). Была, видимо, еще одна причина. Николай II, уезжая в ставку — в Могилев, удалялся из столицы, покидал двор, где, казалось, все были против него. К тому же, как объяснил император Сазонову в июле 1916 г.: «Я стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией». Георгий Шавельский, записавший разговор со слов министра иностранных дел, добавляет: «Кто хотел бы заботиться исключительно о сохранении своего здоровья, для него такой характер не оставляет желать ничего лучшего. Но в государе, на

плечах которого лежало величайшее бремя управления 180-миллионным народом, подобное настроение являлось зловещим»[178].

Отправившись в Могилев, Николай II практически оставил власть царице и Распутину. Назначенный после начала войны премьер-министром Иван Горемыкин, который достиг почтенного 75-летнего возраста, был в 1916 г. уволен. Его место, по совету Распутина, занял Борис Штюрмер, которому было всего 68 лет, но по сравнению с ним Горемыкин казался Бисмарком. К тому же во время войны с Германией нельзя было придумать ничего хуже назначения премьер-министра с немецкой фамилией. Страну лихорадил главный вопрос: кто управляет Россией?

После русских побед в Галиции польский вопрос принял совершенно иной характер. Появилась, казалось, возможность объединения Польши. Великий князь Николай Николаевич обратился в 1915 г. с «Воззванием» к полякам с обещанием возможности воссоздания государства. «От Берегов Тихого океана до Северных морей, говорилось в воззвании, движутся русские рати. Заря новой жизни занимается для вас».

Пафос «Воззвания» скрывал неясность русских планов, которые еще обсуждались и, в лучшем случае, предусматривали автономию для Царства Польского. Предполагалось расширить его территорию за счет «освобожденных» — от австрийцев и немцев — польских земель.

Польский вопрос, по крайней мере, обсуждался. Украинского вопроса вообще не было. В начале войны приказом киевского генерал-губернатора была закрыта единственная в России ежедневная газета на украинском языке «Рада». Через несколько недель была запрещена — до конца войны — публикация всех газет и журналов на украинском и еврейском языках. Были запрещены все формы национальной и культурной украинской жизни, разрешенные в октябре 1905 г. В Галиции, когда вошли русские войска, началось жестокое преследование украинских националистов, «мазепинцев», как их называли. Самый популярный из национальных лидеров Михаил Грушевский, профессор Львовского университета, отказался выступить с антирусскими заявлениями. В ноябре он сумел из Австрии добраться до Киева, там был сразу же арестован и отправлен в ссылку в Симбирск (до конца войны, как гласил приговор).

До революции 1917 г. лидеры украинцев в России отвергали сепаратистские программы галицийских украинцев, настаивая на том, что они не хотят ни отделения от России, ни разрушения Российской империи. Их программа требовала предоставления украинскому народу возможностей развития в пределах империи.

Морис Палеолог записал содержание своего разговора с Сазоновым. Разговор был «душевный», а не как между послом Франции и министром иностранных дел России. Палеолог, как он пишет, говорил как друг России и политолог. Французский дипломат признал, что, только приехав в Петербург, он увидел то, чего обычно на западе не видят: значение нерусских народов для империи. Не только их численное значение, но и значение моральное, их этнический индивидуализм, желание иметь национальную жизнь, отличающуюся от русской. Все подчиненные народы — поляки, литовцы, латыши, эстонцы, грузины, армяне, татары и т.д. — «страдают от вашей административной централизации». Рано или поздно, считал Морис Палеолог, России придется ввести региональную автономию. Если это не будет сделано, появится опасность сепаратизма.

Сазонов признал, что это наиболее щекотливая и сложная проблема внутренней политики. Теоретически русский министр во многом соглашался с французским дипломатом. Переходя к практике, объяснял он, следует считаться с тем, что автономию нельзя совместить с царизмом. Для меня, подчеркнул Сазонов, России без царизма нет.

Морис Палеолог не переставал беседовать на эту тему с деятелями, влиявшими на русскую политику, и всегда получал одинаковый ответ: автономия какой-либо части империи несовместима со священным принципом неограниченного самодержавия.

В России было еще много монархистов, но резко и быстро сокращалось число сторонников монарха, занимавшего трон. Сгущается атмосфера подозрительности. Всюду ищут шпионов. Арестован и осужден по обвинению в шпионских связях военный министр Сухомлинов. Все подозревают в шпионаже в пользу Германии Распутина и императрицу. Она убеждена, что всюду заговоры против нее, и пишет в Ставку: «Покажи им кулак, яви себя Государем, ты самодержец — и они не смеют этого забывать»[179].

Дума требует «ответственного министерства». Прогрессивный блок, союз основных фракций — от правых до умеренно левых, настаивал на праве народных представителей участвовать в управлении государством в тяжелую военную пору. В ноябре 1916 г. в Киеве, на свадьбу сестры царя съехалась семья Романовых. На «совещании» было решено требовать от Николая уступить Думе и дать ей право назначать министров. «Продумские» настроения Романовых объяснялись тем, что Дума казалась им меньшим злом, чем власть, которая практически находилась в руках императрицы и Распутина, назначивших всех министров. Романовы ненавидели их больше «либералов».

Все говорили о заговорах. О «заговоре императрицы». Более серьезным казался «заговор», руководителем которого считали Алексея Гучкова, московского промышленника, одного из организаторов «Союза 17 октября». Талантливый человек, с авантюристской жилкой, Александр Гучков имел широкие связи среди военных, в промышленных и думских кругах. Его очень интересовал переворот, совершенный младо-турками в 1908 г. Для ознакомления с техникой переворота Александр Гучков поехал в Константинополь.

Человеку многих талантов, Гучкову не хватало таланта заговорщика и, может быть, государственного деятеля.

Дух времени коснулся и Святейшего Синода. Заседавший там полтора года Георгий Шавельский пишет: «Члены Синода боялись друг друга. Атмосфера недоверия царила в Синоде. Члены Синода делились на распутинцев, антираспутинцев и нейтральных»[180].

Много говорили о масонах, об их подрывной деятельности, записывая в «масоны» всех противников самодержавия. Теория «масонского заговора», погубившего Николая II и империю имела хождение среди русских историков-эмигрантов. Она давала объяснения легкости, с какой произошло падение дома Романовых. В 1974 г. советский историк Н. Яковлев сумел соединить в одной книге беспощадное осуждение масонства, похвалу самодержавию Николая II и безудержное восхваление революции, возглавленной Лениным. Главным врагом России Николая II советский историк представил «крупную буржуазию», которая хотела установить в стране «тоталитаризм», используя масонство как главный инструмент — только социалистическая революция помешала установлению «тоталитаризма»[181]. В 1990 г. внимательный исследователь Арон Аврех в работе «Масоны и революция», используя закрытые до этого архивные материалы (прежде всего, охранных отделений), пришел к выводу, что «масонский сюжет есть, но масонской проблемы нет»[182]. Иначе говоря, была необходимость в существовании «секретной организации», но в действительности ее не было.

В мае 1914 г. департамент полиции разослал по 98 адресам циркуляр: жандармским управлениям, охранным отделениям, другим полицейским учреждениям. Циркуляр требовал обратить особое внимание на деятельность «тайного ордена масонов, сильно развившегося за последнее десятилетие в Европе и Америке». Предписывалось выяснить состав «тайных обществ» и о результатах сообщить. В течение года шли донесения, шли и ответы — одинакового содержания: «не замечалось», «не обнаружено», «не существует»[183].

Деятельность подпольных революционных организаций была полиции хорошо известна и особого беспокойства не вызывала.

Бесчисленное количество заговоров, которые создавались и готовились к действиям, и слухи о них дали лишь один результат. Князю Феликсу Юсупову и радикально правому члену Думы Пуришкевичу — без особых приготовлений — удалось 16.12.1916 г. убить

Григория Распутина. Незадолго до смерти он показал царице письмо-завещание: «Русский царь! Знай, если убийство совершат твои родственники, то ни один из твоей семьи, родных и детей, не проживет дольше двух лет...». На этот раз предсказание «святого черта» исполнилось. Феликс Юсупов — был членом императорской фамилии.

Председатель Думы Михаил Родзянко 10 февраля 1917 г. явился с докладом к Николаю П. Император вернулся из Ставки и принял Родзянко в Царском селе. Смысл доклада председателя Думы был однозначным: «Война показала, что без участия народа править страной нельзя»[184]. Михаил Родзянко настаивал на создании правительства, ответственного перед Думой. Нынешнее правительство, убеждал Родзянко царя, не является народным представительством. Появился новый аргумент: приближение конца войны и мирных переговоров, когда «страна может быть сильна в своих требованиях только при условии, если у нее будет правительство, опирающееся на народное доверие»[185].

Родзянко уехал, не получив ответа. Лишь потом стало известно, что Николай II решил уступить. Он вызвал премьер-министра князя Петра Голицина и объявил о желании дать «ответственное перед русским парламентом» правительство. К вечеру премьер был вызван снова: император сообщил, что переменил свое решение и вечером уезжает в Ставку.

Дизраэли считал, что убийства никогда не изменяли хода мировой истории. Может быть, это верно. Несомненно, что часто политические убийства, не меняя радикально хода истории, ускоряли или тормозили события. Между двумя решениями Николая II был разговор с царицей. В числе убийц «друга» был член Думы. Это могло дополнительно усилить ненависть императрицы к учреждению, пытавшемуся ограничить власть царя.

В решающие дни, когда в Петрограде начались демонстрации, вызванные внезапной нехваткой, как подчеркивает Солженицын, «белого хлеба», Николай II находился вдалеке от событий, в спокойной обстановке Ставки верховного главнокомандующего. Здесь он мог не принимать никаких решений. Демонстрации ширились, вовлекая всех недовольных и всех тех, кто видел безнаказанность выступлений. К манифестациям присоединились солдаты. Началась революция. Местные власти не знали, что делать противоречивые приказы создавали хаос. Когда Николай II отправился, наконец, из Могилева в Петроград, он был остановлен на станции Дно. Символичность станционных названий усиливает иррациональный характер происходившего.

Россия в ходе войны потерпела немало поражений, потеряла территорию, но отнюдь не была побеждена. Страна помнила войны гораздо тяжелее. В 1812 г. Наполеон был в Москве. К тому же в 1917 г. Россия входила в коалицию, победа которой над Германией была лишь делом времени. США уже активно готовились вступить в бой. Беспорядки в Петрограде были стихийными, неорганизованными выступлениями, захватившими врасплох немногочисленные революционные организации, работавшие тогда в городе. Решительное руководство полицейскими действиями позволило бы быстро восстановить порядок. Ничего, подобного восстанию 1916 г. в Дублине (английское правительство сочло необходимым и морально допустимым употребить против восставших ирландцев артиллерию), в Петрограде не было.

Историки убедительно доказали, что в России имелись все условия для революции: нежелание продолжать войну, разложение императорского двора, рост пролетариата и его требований, окостеневшие рамки старого режима, мешавшие молодой буржуазии. Никто, однако, не доказал, что самодержавие должно было рухнуть без сопротивления в феврале 1917 г.

Потеря воли к сопротивлению стала причиной гибели монархии. В царский поезд, отведенный в Псков, прибыла делегация Думы. Она состояла из двух монархистов — Александра Гучкова, которого остро не любила императрица, считая личным врагом, и Василия Шульгина.

Николай уже знал, что все главнокомандующие армиями и командующий Балтийским флотом поддерживают отречение. Только гвардейский кавалерийский корпус, которым командовал Хан Нахичеванский, выразил готовность умереть за государя. После того, как лейб-медик Боткин заявил, что безнадежно больной Алексей не может царствовать, Николай II отрекся от престола за себя и за наследника в пользу Михаила Александровича.

Михаил Александрович в свою очередь отрекся от престола в пользу Временного правительства, созданного Думой.

Дом Романовых пал. Россия стала республикой.

Заключение
ОТ ИМПЕРИИ К ИМПЕРИИ

Как принятие христианства отсрочило гибель Римской империи, но не спасло ее от неизбежного конца, так и марксистская доктрина задержала распад Российской империи — Третьего Рима — но не в силах отвратить его.

Андрей Амальрик

В 1969 г. молодой московский историк Андрей Амальрик написал небольшую книжечку «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г. ?» Публикация книги в Советском Союзе была, конечно, невозможна — ее выпустил голландский издатель. Андрей Амальрик выбрал дату гибели Советского Союза в честь Джоржа Орвелла. Догадка Орвелла, а за ним Амальрика оказалась пророческой. Советский Союз перестал существовать в 1991 г. Это была гибель советской империи.

Российская империя не распалась сразу же после провозглашения республики. Временное правительство дало свободу Польше, но все другие «окраины» радостно приветствовали исчезновение царя, ожидая от революционной республиканской России полной автономии, равноправия — счастья.

Пробуждение национального сознания, радикализация требований нарастали по мере ослабления центральной власти. После исчезновения Советского Союза в политический словарь вошло выражение «эйфория суверенитетов». Имелось в виду лихорадочное желание всех республик, областей, округов, иногда городов объявить себя суверенными государствами. Распад Российской империи шел медленнее, ибо национально-республиканские идеи были еще новыми и непривычными. Процесс ускорился после начала гражданской войны.

Временное правительство, сделав Россию «самой свободной страной в мире», как заметил главный враг свободы Ленин, оказалось не в состоянии управлять страной. Воспитатель наследника швейцарец Жильяр вспоминает, что, когда он рассказал Алексею об отречении Николая II, а затем отречении Михаила, мальчик спросил: «Если нет больше царя, кто же будет править Россией?»

Желающих править Россией было много. Быстро выяснилось, что одного желания недостаточно. Временное правительство, непрерывно левея, не смогло решить главной проблемы: продолжалась война, хотя «главный приз» — Царьград давно перестал интересовать уставшую армию. Либералы и демократы оказались связанными «буржуазными предрассудками». Закончить войну им мешало слово России, данное союзникам. Окончательно решить крестьянский вопрос мешало убеждение, что сделать это может только Учредительное собрание. Трудные в условиях войны выборы продолжались долго. Когда, наконец, Учредительное собрание открылось — 5 января 1918 г., было уже поздно. 25 октября (7 ноября по новому стилю, введенному с 1 января 1918 г.) власть захватила партия большевиков. В Учредительном собрании она имела 24% депутатов. Но это не имело значения, ибо властвующая партия разогнала Учредительное собрание в первый день[1].

Малочисленная в момент захвата власти, игравшая незначительную роль в революционной жизни России, партия большевиков имела козырь, который позволил ей

победить. Партией руководил Владимир Ленин, твердо знавший, чего он хочет, абсолютно убежденный, что он может во главе «последнего класса, вышедшего на историческую арену», пролетариата построить рай на земле. Социализм. Убежденность в собственной правоте, основанная на вере, что он является воплощением Маркса и поэтому имеет ключ к будущему, освободила вождя от «предрассудков».

Лозунги эпохи — «Грабь награбленное» (Ленин), «Прыгнем из царства необходимости в царство свободы» (Энгельс) — вместе с краткой политической программой большевиков: мир народам, земля крестьянам, фабрики рабочим — сокрушили империю. Исполнение принятого Лениным решения об уничтожении царя и всей его семьи должно было усилить хаос, лишить контрреволюцию притягательной точки.

Демагогические лозунги, быстро организованная система террора были одной стороной большевистской власти. Второй стороной были взрывные идеи социалистической революции, реализующей утопические мечты о всеобщей справедливости. Эти идеи приносят советской России поддержку страдающего человечества.

После Февральской революции и ареста императора, естественно, родилась мысль о переезде Николая II со всей семьей в Англию — союзную страну, на троне которой сидел близкий родственник. На первую телеграмму английского посла в Петербурге в Лондон пришел ответ, который можно назвать — человеческим: кто будет платить за пребывание русского царя в Англии? После того, как правительство Великобритании было успокоено (русский царь имел счета в английских банках), пришел ответ — политический. Приезд Николая II нежелателен, ибо «радикалы и социалисты в Англии категорически против приезда императорской семьи». Таков был решительный и окончательный ответ министра иностранных дел лорда Гардинджа послу в Петербурге Бюкенену[2].

Популярность Ленина в мире еще больше возросла после того, как он заявил себя сторонником права народов на самоопределение, вплоть до отделения. Это был приговор Российской империи. Но право народов на самоопределение было включено, как один из 14 пунктов, в мирную программу президента США Вильсона.

Гражданская война, бушевавшая на просторах бывшей империи с лета 1918 г. до конца 1921 г., разрушила империю и создала возможности ее собирания.

Скелетом и одновременно кровеносной и нервной системой нового организма, который с июля 1918 г. назывался РСФСР, — была коммунистическая партия. Проповедуя «право народов на самоопределение, вплоть до отделения», Ленин добавлял: члены коммунистической партии должны быть против националистических тенденций, за сильное централизованное государство.

Ленин не был противником империи, он был врагом царской империи, где власть ему не принадлежала. Для осуществления «социалистических идей», для реализации утопии, необходима власть. Чем сильнее государство, тем сильнее власть государя, правителя. Как бы он ни назывался.

В ходе гражданской войны разрушаются старые учреждения, разоблачаются многие старые убеждения. Их место занимают новые учреждения (иногда черпавшие свои формы в старых, но менявшие названия): прежде всего — коммунистическая партия, затем — политическая полиция, находящаяся в ведении лидера партии, затем — армия, транспорт, денежная система. Эти институты обеспечивали единство организма, вставшего на ноги на территории бывшей Российский империи после гражданской войны. Территория государства, которое с 1924 г. называется СССР, сократилась по сравнению с 1913 г. Были потеряны Польша, Финляндия, Бессарабия.

Сталин наследует основные идеи и методы Ленина. Годы 1924—1941 можно назвать первым периодом строительства советской империи. «Социализм в одной стране», который сооружается под руководством Сталина, — это строительство могучей индустриальной державы, выбранной историей для реализации коммунистической идеи на земле. В 1920 г.

Ленин впервые испытал возможность одновременного использования националистических и интернационалистических идеологий. Поход Красной армии на Варшаву (следующей целью был Берлин) шел под лозунгами мировой революции и войны с «извечным русским врагом» польскими панами.

Сталин значительно улучшил рецепт волшебного коктейля: он строил могучую Россию — первую среди равных в СССР — для того, чтобы она обратила в коммунизм всю планету. Национал-коммунистическая идеология Советского Союза, имевшего, как Янус, два лица — внутрь страны и наружу, — главное качество, отличавшее советскую империю от Российской. Российская империя никогда не имела универсальной идеи, которая привлекала бы к ней верных. Россия имела политических, военных союзников, экономических партнеров. Но никогда не имела идеологических сторонников, оказывавших помощь по долгу идеологического родства.

Советский Союз — в отличие от России — был родиной и главным оплотом мирового коммунистического движения, а затем стал — оплотом «всего прогрессивного человечества». Императорская Россия даже мечтать не могла о такой роли.

Победа над гитлеровской Германией позволила Советскому Союзу восстановить границы Российской империи 1913 г. и кое-где их улучшить. Кроме того, Советский Союз создал «лагерь социалистических стран» — второе имперское кольцо. Оно одновременно защищало границы Советского Союза и представляло собой плацдарм дальнейшего расширения коммунистической зоны.

В середине 70-х годов коммунистические режимы, связанные многими нитями с Москвой, активно действовали на всех континентах — кроме Антарктиды.

В 1975 г. в Хельсинки собрались главы 32 европейских стран, США и Канады для подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В 1648 г., после 30-летней войны. Вестфальский мир утвердил принцип: чья власть — того и религия. 33 государства признали границы советской империи — как первого, так и второго кольца.

В декабре 1979 г. узкий круг советских вождей — Леонид Брежнев, Юрий Андропов, Андрей Громыко, Дмитрий Устинов — пришли к выводу, что советская империя должна сделать новый прыжок вперед. Советские войска вошли в Афганистан, нарушив, в частности, соглашение, подписанное царским правительством в 1907 г.

Есть мнение, что это был первый шаг к гибели советской империи. Трудно с этим согласиться, ибо мир принял акт агрессии. Лишь немногие страны отказались приехать на Олимпийские игры в Москву в 1980 г. Соединенные Штаты начали вооружать афганцев, воевавших с захватчиками, но отношения между двумя государствами оставались нормальными.

Война в Афганистане создала определенное напряжение, которое, конечно, не может идти ни в какое сравнение с напряжением первой мировой войны. Говорят о напряжении, вызванном необходимостью участвовать в гонке вооружений, которую навязал Москве Рональд Рейган своей программой «звездных войн». В этом есть доля истины, но нет объяснения причины падения советской империи. В конце 1995 г. американцы обнаружили, что советский агент, работавший в ЦРУ, давал информацию о советской программе вооружений, которую готовили московские дезинформаторы. В итоге — советские спецслужбы контролировали американскую программу «звездных войн».

В августе 1990 г. я закончил книгу «Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева» утверждением, что советская империя покоится на нездоровом базисе и поэтому не может не рухнуть: «Весь вопрос — это только: когда и как?»[3]. Казалось невероятным, что советской империи оставалось жить немногим более года.

Советская империя развалилась — еще легче российской — ибо ее вождь решил устранить мелкие недостатки коммунистической системы, сохранив ее. Как в 1917 г., так и в 1991 г. личные амбиции, персональные конфликты играли важную зловещую роль. В 1991 г., как и в 1917 г., казалось, что совершенно необходимо избавиться — в одном случае от президента, в другом от царя. Они стали невыносимо непопулярны. Атмосфера падения советской империи позволяет лучше понять настроения, царившие в дни падения дома Романовых.

Для того чтобы избавиться от президента Горбачева, его противники ликвидировали Советский Союз. Это был, видимо, первый случай в истории, когда имперская нация, при согласии двух братских славянских республик, вышла из империи. Первая среди равных ушла вместе со второй и третьей (среди равных), а остальные «равные» остались сами по себе.

Россия, как самая большая и сильная, объявила себя наследницей Советского Союза. Но «Россия» или «Российская федерация», как именует себя новое государство, не хочет называть себя Второй республикой. 8-месячное существование Российской республики в 1917 г., слишком короткий опыт создания демократического государства, рассматривается только как неудача, как намеренное усилие подготовить захват власти Лениным. Исторических оснований для таких утверждений немного, Временное правительство грешило больше всего слабостью и нерешительностью. Новая Россия этого наследства не хочет.

Чего хочет новая Россия? Ее границы, за исключением Сибири, завоеванной позже, напоминают границы Московского государства XVI в. На западе граница вновь проходит неподалеку от Смоленска, потеряно — за исключением крохотного кусочка — Балтийское побережье, потеряно (за исключением небольшого куска) Черное море и Крым, за который Россия воевала более двух веков. Одновременно сохранились, как кровеносные сосуды одного организма, железнодорожные линии, нитки газо- и нефтепроводов, экономические связи, стягивающие далекие регионы. Сохранилось живое наследство империи и после того, как ее политические формы были разбиты.

Будущее должно ответить на главные вопросы: построит ли Россия капитализм и какую роль будет в нем играть государство, следовательно, какая степень демократии будет достигнута в стране. В числе главных вопросов: может ли Россия жить в сегодняшних границах или она неминуемо — движимая геополитическими и психологическими силами — станет раздвигать рубежи. История хорошо знает множество погибших империй. Знакомы ей, однако, и возродившиеся державы. Кто в 1945 г. мог предвидеть превращение Германии и Японии в великие державы? Есть все основания предполагать, что в XXI в. роль Турции, наследницы Оттоманской империи, будет очень значительной.

Россия на пороге XXI в. ищет свою национальную цель. Дважды на протяжении XX в. она теряла империю. Чему научило ее прошлое? Какой ответ даст она на вызов истории?

Март 1992—ноябрь 1995.
Париж

[282]